Питер Даффи

БРАТЬЯ БЕЛЬСКИЕ

ЧЕЙСОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга американского журналиста Питера Даффи «Братья Бельские» рассказывает о еврейском партизанском отряде, созданном в белорусских лесах тремя братьями — Тувьей, Асаэлем и Зусем Бельскими. За годы войны еврейские партизаны спасли от гибели более 1200 человек, обреченных на смерть в созданных нацистами гетто. Эта книга — дань памяти трем братьям-героям и первая попытка рассказать об их подвиге.

- Питер Даффи
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Эпилог
  - Благодарности
  - Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Питер Даффи
Братья Бельские

Посвящаю матери и отцу

Лес был нам знаком, и в худшем случае мы могли найти убежище в лесной чаще.

Тувья Бельский

Из неопубликованных мемуаров, 1955

Леса были воротами во внешний мир. Там жили изгои, безумцы, любовники, разбойники, отшельники, блаженные, прокаженные, партизаны, беглецы, неудачники, преследуемые, варвары. Куда еще они могли пойти? Преступив закон и отторгнув себя от общества, они могли оказаться только в лесу. Но человек в лесу не мог более оставаться человеком; он мог или подняться, или окончательно деградировать.

Роберт Поуг Харрисон

Из книги «Леса: тень цивилизации», 1992

По сравнению с гетто это место было подобно раю. В лесах мы были свободны. Вот все, что я могу вам сказать. У нас была свобода.

Чарльз Бедзов

Пролог

Обо мне узнают только после моей смерти.

Тувья Бельский

Трое отважных мужчин, трое родных братьев, за годы Второй мировой войны спасли столько же евреев, сколько Оскар Шиндлер, и организовали боевой отряд, уничтоживший сотни вражеских солдат — приблизительно столько же, сколько было убито во время знаменитого восстания в Варшавском гетто. Их звали Тувья, Асаэль и Зусь Бельские; для тысячи двухсот евреев, вышедших из белорусских лесов в июле 1944 года, равно как и для нескольких поколений их потомков, эти люди были легендой. Они почитались как настоящие герои. Но имена этих людей, возглавивших наиболее крупное и успешное сопротивление еврейского народа в годы Второй мировой войны, не были широко прославлены. Спустя шестьдесят лет об их подвигах упоминается лишь в нескольких книгах, и едва ли существует где-либо мемориальная доска, увековечившая их имена.

Я сам наткнулся на эту историю, проводя случайный поиск в Интернете. Ссылка на каких-то «лесных евреев» возбудила мое любопытство и повела меня по тропе длиной в три года — тропе, на которой у меня была замечательная возможность услышать из первых уст рассказы людей, переживших Холокост, в некоторых случаях буквально за месяцы и даже за недели до их смерти.

Итак, после многочисленных интервью, в ходе которых я записал рассказы о жизни в лесах на территории современной Западной Белоруссии, где сопротивление Бельских немецким оккупантам привело к образованию целого города с самодельными мастерскими и жилыми постройками, — 27 июня 2001 года я стоял на опушке самого большого из этих лесов. Пани Леокадия Ланкович, пожилая, очень разговорчивая полька, вызвалась стать моим гидом, и я наконец смог представить себе то, о чем так много ранее слышал.

Ничто в Налибокской пуще не указывало на то, что она в прежние годы служила кому-то пристанищем. На первый взгляд это был самый обыкновенный лес, который встречается в любой стране, однако здесь, среди этих елей и сосен, произошла одна из самых невероятных историй военного времени.

Боевой отряд Бельских, вступивший в эти леса летом 1943 года, ошеломлял своей численностью — восемьсот человек.

Годом ранее братья устроили здесь, неподалеку от их семейного дома, лесную базу. Самый старший и самый мудрый из всех троих Тувья настоял на том, чтобы отряд был открыт для всех евреев, старых и молодых, больных и здоровых, бойцов и калек. В отряд прибывали всё новые люди, по большей части, спасенные бойцами Бельских из нацистских гетто, и в конечном счете отряд превратился в большую группу беглецов, передвигавшихся из леса в лес всегда на один шаг впереди немцев.

В августе 1943 года Гитлер послал в Пущу специальные карательные войска с целью уничтожить отряд Бельских. Спасая людей, братья отважно провели восемьсот человек через лесные болота, в то время как над их головами свистели пули автоматных очередей, а совсем рядом звучали голоса вражеских солдат. Наконец они добрались до изолированного островка в самом сердце большого леса. Здесь беглецы затаились, в молчании, без еды они продержались там до тех пор, пока нацисты не прекратили их выслеживать. Они не потеряли ни одного человека. Это было необыкновенное отступление, невероятное по своей храбрости и отваге.

Позже братья нашли в Пуще сухое безопасное место, где возник миниатюрный городок. В нем были жилые помещения, швейные, сапожные и плотницкие мастерские, большое стадо коров и лошадей, школа, в которой обучалось шестьдесят детей, главная улица с центральной площадью, музыкальный и драматический театры и даже небольшой кожевенный завод, служивший одновременно и синагогой. Для измученных людей, чудом избежавших гибели в гетто и трудовых лагерях, это было сродни видению из другого мира: в самом сердце оккупированной нацистами Европы, оказывается, существовало такое место, где евреи могли жить свободно.

Пани Ланкович пообещала отвезти меня туда, где во время войны располагалось еврейское поселение. По ухабистой дороге, ведущей к центру леса, мы поехали, трясясь на русском армейском джипе. Через некоторое время она попросила водителя остановиться.

— Вот это место, — сказала она, выйдя из машины и махнув рукой на деревья, окружавшие нас.

Невзирая на свой почтенный возраст, пани Ланкович, словно вдохновленная воспоминаниями, так быстро зашагала через густые заросли, что я едва мог за ней угнаться.

— А здесь было их укрытие, — она показала на маленький овражек, наполненный талой водой. Он ничем не отличался от остальных оврагов в лесу, но мой «гид» стояла на своем.

Отводя от лица ветки, она неуклонно продвигалась вперед,

лишь на мгновенье останавливаясь, чтобы сорвать ягоду или показать мне еще одно свидетельство некогда существовавшего здесь города Бельских. При этом она продолжала говорить.

— Когда я приходила к ним в лагерь, я не могла там гулять, где я захочу. Меня останавливали бойцы, охранявшие лагерь. Я говорила им, что пришла повидать подругу по имени Сулья. Тогда они посылали кого-нибудь, выходила Сулья и провожала меня в лагерь.

— Здесь было так красиво, — вздохнула она. — Так похоже на Минск.

Я попытался представить, как выглядели эти леса более полувека назад. Каково было сидеть здесь в тесной, пышущей жаром кухоньке, где, как мне рассказывали, хозяйничал грубоватый человек в заляпанном кровью фартуке, энергично помешивавший длинной деревянной ложкой в бесчисленном количестве горшков и горшочков? О чем разговаривали люди у себя в землянках? Как умудрялся оружейник починять поломанные ружья, принесенные из окрестных деревень? Теперь, по прошествии стольких лет, здесь все заросло травой и кустарником, и следы людей практически исчезли.

Подобным образом, похоже, исчезли после войны и сами братья. Асаэль вступил в ряды Красной армии и спустя всего семь месяцев после выхода из Пущи был убит, сражаясь с нацистами в Восточной Пруссии. Тувья и Зусь уехали в Израиль, где трудились на разных работах, не требующих особой квалификации. К середине 50-х оба со своими семьями жили уже в Нью-Йорке, в Бруклине (с женами они познакомились, еще когда командовали своими лесными отрядами). В эмиграции Зусь был более удачлив: ему посчастливилось стать владельцем небольшой компании, занимавшейся грузовыми и пассажирскими перевозками; тогда как Тувья переживал нелегкие времена — работая водителем фургона по доставке товаров, он бился буквально за каждый кусок хлеба, чтобы прокормить семью. Тувья скончался в 1987 году, Зусь — в 1995-м. Об их былых подвигах быстро забыли — для всех они были обычные эмигранты, борющиеся за будущее для своих детей…

В поисках этой стремительно ускользающей легендарной истории я разыскал их вдов, гордо хранящих наследие своих мужей, а также четвертого брата Аарона Белла (Бельского), который, двенадцатилетним мальчиком, был в партизанском отряде отважным разведчиком. Я опросил более пятидесяти очевидцев, спасшихся в отряде братьев Бельских, откопал все доступные документы, статьи и фотографии, имевшие отношение к событиям в Пуще. Я беседовал с партизанами и крестьянами из

нееврейского населения; некоторые из них были союзниками братьев, некоторые — их врагами. Я обнаружил толстенную рукопись, целую книгу, написанную Тувьей Бельским, которая никогда не была переведена на английский язык и оставалась неизвестной даже членам его семьи.

Это было захватывающее путешествие, оно превратило меня из невозмутимого стороннего наблюдателя в человека, глубоко переживающего судьбы людей этой необычной общины. И поскольку главные участники событий тех лет уже встретили свой неизбежный конец, мне стало очень грустно — и не только потому, что они были для меня важным источником информации, но и еще потому, что я стал считать их своими друзьями.

И вот, стоя в лесу, среди бескрайней белорусской Пущи, я почувствовал, что мне была оказана великая честь, не очень заслуженная с моей стороны: быть здесь, на месте триумфа братьев Бельских, которое свидетельствовало не о гибели еврейского народа, а о торжестве жизни. И когда я закрыл глаза и прислушался к голосам очевидцев, звучавшим в моей голове, я воочию смог увидеть тот лесной город, который многие из них по праву называли «своим Иерусалимом».

Глава первая
От царя к фюреру

На исходе XIX столетия Элишева и Зуся Бельские, дед и бабка Тувьи, Асаэля и Зуся, обосновались на небольшом участке земли в деревне Станкевичи, расположенной в Белоруссии, тогда на территории царской России. Это была скорее даже не деревня, а просто с десяток бревенчатых избушек, приютившихся на вершине холма в одном из самых бедных и отсталых уголков Европы. Дом Бельских стоял в стороне от других, на высоком берегу маленького озера, питаемого рекой. В этой деревушке Бельские были единственными евреями.

Все имущество семьи, сданное им в наем одним неудачливым польским аристократом, питавшим слабость к азартным играм и спиртным напиткам, состояло из водяной мельницы и пары конюшен. Вскоре по прибытии на новое место жительства Зуся с младшим сыном Давидом наладили на мельнице собственное мукомольное производство.

У остальных детей Элишевы и Зуси на тот момент уже были свои семьи. Они жили в городах, как, впрочем, большинство евреев, обитавших в пределах черты оседлости. Черта оседлости — это широкая полоса земли, протянувшаяся от Балтийского до Черного моря, где по указу российского императора разрешалось селиться евреям. Их жизнь там зависела от многочисленных дискриминационных и постоянно менявшихся указаний и постановлений. Они были вынуждены платить многочисленные обременительные налоги, им запрещалось разговаривать на идише в публичных местах, а также занимать даже самые низшие гражданские посты.

Вскоре после того, как семья обосновалась в деревне Станкевичи, император издал несколько антиеврейских указов, запрещавших евреям продавать, покупать или арендовать сельскохозяйственное имущество. Стареющих супругов сильно обеспокоили эти новые правила, они боялись, что недалек тот час, когда их начнут выселять из собственного дома.

В те времена, чтобы выжить, евреям необходимо было не только терпение, но и изворотливость, и Давид придумал способ, как остаться всей семьей в Станкевичах. Он заключил сделку с одним из соседей, поляком по имени Кушель, переписав управление имуществом на имя этого добропорядочного католика. Тот согласился с тем, что его участие в семейном владении будет только юридическим, и, таким образом, эта

сделка помогла Бельским оставить за собой мукомольное производство. Однако эта нервная ситуация пагубно отразилась на здоровье Элишевы, которая была уже серьезно больна. Давид приглашал к ней местных докторов, но ей не стало лучше. Вскоре она умерла в одной из больниц Вильно, столице Литвы, расположенной к северу от Станкевичей.

К началу XX века молодой Давид созрел для того, чтобы создать собственную семью. Женившись на девушке по имени Бейлэ Менделевич, дочери лавочника из соседней деревни Петревичи, он зажил мирной жизнью деревенского мельника. Его вполне устраивала такая доля: продолжить дело отца, который, в свою очередь, с радостью наблюдал за появлением на свет нового поколения. К 1912 году, когда уже и Зуси не стало, Бейлэ произвела на свет четырех детей — Велвла, Тувью, Тайб и Асаэля и ждала пятого. Новорожденного мальчика в честь деда назвали Зусей. Его также знали под именами Зуся, Зиссель или Зусь.

Дети Давида жили простой деревенской жизнью, в которой еще не существовало ни электричества, ни водопровода. Это был мир простых деревянных домов с соломенными крышами, где самой большой ценностью для крестьянина были лошадь и четырехколесная телега. Постепенно, с годами, и у Бельских появился самый разнообразный скот: коровы, лошади и несколько овец. Все, что они ели, они производили сами, своим трудом. В доме у родителей была отдельная комната; дети занимали оставшееся помещение: спали по нескольку человек на одной кровати, летом же, уставшие после целого дня тяжелой работы, — в сарае на сеновале.

Что касается образования детей, то по большей части они недалеко продвинулись в религиозных или светских школах. Время от времени Давид нанимал приходящего учителя. Иногда ребенка отправляли к родственникам в Новогрудок, ближайший к ним город, где преобладало еврейское население, с тем чтобы он посещал местную школу. Ближайшая синагога также находилась в городе. Путь длиной в пятнадцать километров занимал около трех часов езды на телеге, что сильно затрудняло регулярное посещение служб. Поэтому местом молитвы для них сделался один частный дом: в шабат и в праздники Бельские посещали дом семьи Дзенсельских, которые жили в двух километрах по лесной тропинке в деревне под названием Большая Изва. Как и Бельские, Дзенсельские работали на мельнице и были единственными евреями у себя в деревне.

Иногда службу провод ил сам Давид, беря свиток Торы, находившийся в доме Дзенсельских. Бесспорно, он не был хорошо образован, но обладал певучим мелодичным голосом и

прекрасной памятью на религиозные тексты.

Бельские жили в той части Белоруссии, которая веками находилась под пятой своих более могущественных соседей: России, Польши и Литвы. Дети быстро овладели местными языками — белорусским, польским и русским, причем говорили с той беглостью, которая редко давалась большинству белорусских евреев, живших в еврейских местечках. Работа на мельнице предполагала постоянное общение с соседями, православными белорусами и поляками-католиками. Полностью отдавая себе отчет в том, что он — гонимый еврей, живущий во времена, когда антисемитские настроения составляют неотъемлемую часть повседневной жизни, Давид старался избегать ссор, все споры решая миром.

Однажды прибывшие из города чиновники объявили, что подозревают семью в нарушении императорского указа, запрещающего евреям владеть землей. Давид и Бейлэ пригласили их в дом, накрыли стол и предложили им отобедать. Они потчевали их едой и водкой до тех пор, пока те, напившись до положения риз, не выползли из дома, едва держась на ногах. В конце концов, рапорт так и не был составлен.

В другой раз, когда к ним вломились разбойники, вымогая вещи и деньги, Бельские отнеслись к ним с тем же гостеприимством, выставив на стол неизменный штоф водки…

Давид Бельский не был борцом.

В начале Первой мировой войны, когда дети Бельских были еще очень малы — слишком малы для того, чтобы быть призванными в царскую армию, немецкие войска вступили на землю Российской империи. Армия завоевателей, как и множество ее предшественников, следовала по кратчайшему пути к русской столице — прямо через сердце Белоруссии. Во время наступления немецких войск летом 1915 года вся территория вокруг Станкевичей в одночасье превратилась в оккупационную зону.

Немцы, по сравнению с Романовыми, относились к еврейскому населению гораздо более лояльно. Российский император Николай II уже издал указ об изгнании около полумиллиона евреев, поскольку сомневался в их преданности. Оккупанты предложили евреям более терпимые условия. Они аннулировали все царские антиеврейские постановления и даже распространяли воззвания о дружбе.

Неподалеку от дома Бельских стоял большой заброшенный дом, который немецкие солдаты превратили в военный форпост. Маленький Тувья, которому тогда едва минуло десять лет,

выказывал мало интереса к учению; вместо этого он завел дружбу с солдатами и вскоре начал заглядывать к ним каждый день. Проникнувшись симпатией к мальчику, немцы передавали ему для отца сигареты и иногда угощали олениной. «Тогда я не спрашивал, кошерная она или нет, — говорил он позднее. — Это была война». Эти общения продолжались в течение двух лет — достаточно для того, чтобы овладеть немецким языком.

Война принесла в Россию бедствия и разорение в поистине гигантских масштабах. Рабочим едва удавалось прожить на мизерную заработную плату; солдаты, оказавшись перед лицом кровопролитных сражений, массово дезертировали из армии, а крестьяне еле-еле могли прокормиться. Зима 1916 года стала одной из самых суровых зим в русской истории, еще более усилив народные страдания. Только благодаря старой мельнице Бельским удалось избежать лишений. Людям по-прежнему надо было молоть муку. Зачастую крестьяне расплачивались с ними тем единственным, что сами имели: мукой или крупой. Как бы то ни было, Бельским не пришлось голодать.

В феврале 1917 года царь отрекся от престола. Было учреждено Временное правительство, пообещавшее народу демократические реформы, однако оно преуспело в этом не больше своего августейшего предшественника. 25 октября 1917 года (7 ноября по новому стилю) группа большевиков под руководством сорокасемилетнего политического лидера Владимира Ульянова, известного под псевдонимом «Ленин», свергла шаткое Временное правительство. Установилась диктатура пролетариата, о чем давно мечтали большевики.

Будучи не в состоянии вести войну с немцами, новая власть была вынуждена искать перемирия. Подписав 3 марта 1918 года пресловутый Брест-Литовский мир, Ленин уступил Белоруссию недавно образованному польскому правительству, находившемуся под контролем Германии. Однако политические лидеры в Минске проигнорировали этот договор, и 25 марта 1918 года поспешно провозгласили белорусское «свободное и независимое государство». В первый раз за всю историю страна получила собственное имя — Беларусь. Но она просуществовала недолго, так и не дав своим лидерам возможности покрасоваться перед объективами фотоаппаратов. После победы союзников над Германией Ленин проигнорировал все соглашения и белорусскую декларацию о независимости, присоединив Беларусь к Советской России в январе 1919 года.

Эта быстрота не могла понравиться Польше, которая строила свое государство после более чем векового подчинения Российской империи. Беларусь издревле была лакомым куском

для польского шляхетства. Земля здесь в основном принадлежала зажиточным польским землевладельцам, помещичьему дворянству, и они жаждали восстановления своих имущественных прав. В конце 1919 — начале 1920 годов польские войска под руководством маршала Юзефа Пилсудского, просидевшего остаток войны в немецкой тюрьме из-за того, что отказался присягнуть на верность кайзеру, вторглись на территорию Беларуси. Им не составило особого труда захватить страну; отчасти потому, что большая часть Красной армии вела Гражданскую войну далеко на востоке. В августе 1919 года поляки оккупировали столицу Беларуси Минск.

Польско-советская война велась на территории, где проживало большое количество еврейского населения, основная масса которого поддерживало нейтралитет. Это сильно разозлило поляков, и они не замедлили ответить еврейскими погромами в нескольких городах. Бельские также предпочитали не вставать ни на чью сторону, даже когда сражения шли вокруг деревни Станкевичи.

После успеха на севере легионы Пилсудского продвинулись на юг и в мае 1920 года захватили Киев. Но Красная армия, воодушевленная победой в Гражданской войне, сумела их оттуда отбросить. Просуществовав под властью поляков менее месяца, Киев был заново взят большевиками, которые за полтора месяца добрались почти до самых варшавских ворот. Ленину не терпелось начать распространение идей революции и коммунизма по всей Центральной Европе. Однако с Пилсудским еще не было покончено. Его войска атаковали Красную армию с юга, нанеся ей достаточный урон, что заставило Ленина сесть за стол переговоров. Это был триумф, который поляки назвали «чудом на Висле».

После долгих месяцев переговоров 18 марта 1921 года была подписана Рижская декларация, согласно которой западная часть Беларуси, включая деревню, где жили Бельские, отходила к только что образованной Польской Республике.

Это было странное время. Во время самых бурных исторических событий деревня Станкевичи непостижимым образом оставалась от них в стороне. Телеграфную связь, даже между большими городами, установить тогда было непросто, а те немногочисленные газеты, которые доходили до деревни, использовались в качестве бумаги для папирос. Да, Бельские были изолированы от внешнего мира, но, с другой стороны, что им требовалось знать об этом мире? Новые вожди, как и старые, были склонны относиться к ним с обычным бездушием и подозрительностью.

В годы войны Давиду Бельскому удалось завершить свое так называемое партнерство с Кушелем и переписать имущество на свое имя. С помощью жены и детей он расширил свое дело, наезжая то в Новогрудок, то в Лиду, расположенную в тридцати километрах к северо-западу, и поставляя туда свой товар. Соседи-крестьяне были поражены размахом его производства, и многие были склонны считать Бельских весьма зажиточными. Бельских едва ли можно было назвать богачами, но дела их шли и вправду хорошо — по сравнению с нищим крестьянским большинством, которое составляло их окружение.

— В нашей деревне была небольшая мельница, но совсем не такая, как у них, — говорила Мария Нестор, белоруска, родившаяся в 1911 году и выросшая неподалеку от Станкевичей. — У них была настоящая мельница, и к ним ездило много народа.

Бейлэ Бельская, добросердечная женщина, более прямодушная и открытая, чем ее муж, продолжала рожать детей с завидной регулярностью. Между 1912-м и 1921-м годами она родила еще троих мальчиков, один из которых умер вскоре после рождения, и девочку, вторую в семье.

Тем временем старшие дети достигли переходного возраста. Старший Велвл, серьезный молодой человек, проявил склонность к учебе. Тувья, родившийся в 1906 году, уже в детстве имел отважный и боевой характер. Он не собирался, как его отец, терпеть неуважение грубых крестьян, которым ничто не доставляло такого удовольствия, как третировать тех, в ком они обнаруживали хоть малейшую слабость.

Однажды после того, как какие-то местные мужики украли у Бельских сено, бесстрашный Тувья прямо в глаза обвинил их в воровстве.

— Ступай лучше домой, — сказал ему один из мужиков. — А не то получишь.

Парень вернулся домой и рассказал Велвлу об этом случае. Тот только плечами пожал. Но двух младших братьев Тувьи, Асаэля, который был двумя годами младше, и Зуся, шестью годами младше, возмутила эта история, и они решили свести с мужиками счеты.

Вооружившись косами, братья пришли к обидчикам. После обмена угрозами, один из братьев замахнулся на мужика косой. Мужик, не ожидавший такой решительности, струсил и дал деру, а за ним последовали его приятели.

Позже выяснилось, что крестьянин, который арендовал часть семейного поля Бельских, тоже потихоньку присваивал их сено. И опять Тувья решил наказать вора. Снова взяв в руки косу, он

приблизился к вору, у которого тоже была коса. Тот был в компании четырех друзей.

— Убирайся отсюда, а не то я тебе голову отсеку, — крикнул ему мужик.

Но Тувья пропусти его угрозу мимо ушей и, сбив мужика с ног, принялся молотить его кулаками.

Четверо мужиков громко захохотали при виде своего поверженного приятеля.

— Молодой еврей разделался с негодяем, который наводил страх на всю деревню, — сказал один из них.

С того дня на сено Бельских никто больше не посягал. А Тувья завоевал общее уважение за свое бесстрашие; в нем обнаружились первые признаки того, что он позднее назовет «еврейской гордостью».

Новые польские чиновники в районе, где проживали Бельские, не были особенно благосклонно настроены по отношению к еврейскому населению. Государственный антисемитизм по-прежнему оставался неотъемлемой частью повседневной жизни. Существовали и штрафное налогообложение, и ограничения в профессиональной сфере. Жесткая система квот ограничивала для большинства евреев доступ в польские университеты; те же, кому посчастливилось туда попасть, были вынуждены сидеть в лекционных залах на так называемых гетто-скамьях. Многие в знак протеста стояли. Еврейских ремесленников, составлявших львиную часть кустарного промысла в стране, принуждали сдавать унизительный экзамен на знание польского языка, несмотря на то что идиш был их основным, а зачастую единственным языком.

Но в некотором смысле жизнь стала все-таки лучше, чем при царе. Еврейским политическим, культурным, религиозным и образовательным организациям были дозволены неизмеримо большие свободы. И они процветали в Новогрудке, или, как его называли евреи, Наваредоке, который еще с XVI века служил пристанищем еврейской общины.

Здешнее еврейское население за свою длинную историю пережило немало испытаний, включая попытку литовского короля, который тогда правил страной, в середине XVI века согнать еврейских обитателей Новогрудка в гетто. Они также подчинялись прихотям армий завоевателей, следовавших одна за другой, — после разразившейся в 1655 году русско-польской войны. За четыре года этой войны Новогрудок дважды переходил из рук в руки.

К началу XVIII века, во время польского правления, местные

власти всячески пытались воспрепятствовать участию еврейского населения в экономической жизни города, что усугубило их и без того бедственное положение. Прибытие в город царя в 1795 году принесло с собой новые испытания.

Но, несмотря на это, община росла и служила фундаментом для продвижения нескольких выдающихся и высокопочитаемых раввинов. Среди них был раввин Йехель-Михель Эпштейн, автор текстов еврейского закона, один из величайших раввинов России. В своем атласном пальто и широкополой шляпе, отороченной мехом, он выходил после субботней службы из синагоги величавой поступью монарха. «Мое сердце переполнялось гордостью всякий раз, когда я его видел», — писал один из его современников.

В 1896 году раввин Йосеф-Йозель Горовиц, один из лидеров ортодоксального движения, которое делало основной упор на этику поведения, открыл в Новогрудке первую иешиву. Реб Йозель, как все его называли, стал во главе учения, позже получившего известность как Наваредокская школа движения Мусар. Наряду с прилежным изучением древнееврейских текстов, он требовал от своих учеников нарочно ставить себя в неловкое положение: ходить среди хорошо одетых людей в лохмотьях, садиться на поезд без денег, вести себя странно во время разговора на улице — с той целью, чтобы развить в них невозмутимость, способность игнорировать насмешки и превозмочь собственные тщеславие и гордыню. Ученики реб Йозеля были так преданы своему учению, что можно было слышать, как они распевают религиозные тексты чуть ли не до рассвета.

К тому времени, когда дети Бельских начали ездить в город, больше половины его населения и большинство городских торговцев, ремесленников и лавочников составляли евреи. У них были свои лавки близ ярмарки в центре Города, на площади, расположенной неподалеку от развалин средневекового замка. За свою многовековую историю эта крепость с семью башнями не раз выдерживала набеги тевтонских рыцарей и татар, но армия шведов, вторгшаяся в город в 1706 году, практически полностью разрушила ее. В базарные дни, по понедельникам и четвергам, евреи и неевреи со всей округи съезжались на своих повозках на ярмарку; одни — покупать, другие — продавать продукты.

— Крестьяне привозили свое масло, картофель, муку, овощи и фрукты, — вспоминала Соня Ошман, уроженка города. — Словом, все, что давала земля. Собиралось множество людей, в основном, конечно, женщины, потому что на ярмарке торговали днем, а мужчины в это время работали.

— Мы, дети, просто обожали ее, — делился своими детскими впечатлениями Моррис Шустер, который также родился в Новогрудке. — Это было великолепное зрелище. Все такое натуральное — малина, земляника, ежевика. Все эти ягоды они собирали в лесу. Ничего искусственно выращенного. А масло, масло! А хлеб!

Дома в городе преимущественно были одноэтажными, освещаемые свечами или керосиновыми лампами и обогреваемые в холодные зимние ночи большими дровяными печами. Воду местные жители носили из колодцев, вырытых по всему городу. В каждом хозяйстве обязательно были надворные постройки.

Когда в 1921 году поляки снова пришли к власти, в городе было несколько синагог, большинство их располагалось в двух шагах от ярмарки, на так называемой Синагогальной площади. Резники, портные, сапожники и мелкие ремесленники — у всех была своя синагога и примыкающий к ней дом для обучения. Самой большой была Старая синагога, вмещавшая несколько сотен людей, хотя службы там проводились только по субботам; из-за отсутствия в ней отопления ее прозвали Холодной синагогой, и, по поверьям, ее часто посещали души усопших. Дети боялись проходить мимо нее в темное время суток. Каждое утро сторож стучал в дверь три раза и громко кричал: «Отправляйтесь на покой, мертвецы!»

Толерантность нового правительства по отношению к еврейскому самосознанию благоприятствовала развитию сионизма, который пропагандировал возвращение евреев на Землю Обетованную. Среди местных сионистов было несколько фракций, включавших в себя молодежные группы. Существовало также много разнообразных религиозных партий; некоторые находились в оппозиции к сионизму, а также светским партиям; другие рассматривали социализм как наилучший путь к процветанию еврейского народа.

Новые свободы привели к установлению системы светского еврейского образования, быстро распространившейся по всей Польше. В Новогрудке особой популярностью пользовалась школа Тарбут, которая специализировалась на сионистском образовании, где занятия велись на иврите, древнем священном языке, позднее трансформированном в повседневный язык. Значительная часть молодых евреев посещала также и польские средние школы, в которых, в отличие от еврейских светских и религиозных учебных заведений, не брали плату за обучение. Меньшая часть училась в очень престижной средней школе, названной в честь самого выдающегося сына Новогрудка поэта Адама Мицкевича. Учащиеся этой школы носили красивую

черную форму с эмблемой на правом рукаве.

Однако все эти свободы не приводили к повышению уровня жизни населения. Когда в начале 20-х годов польское руководство ослабило ограничения на передвижение, иностранцы, появившиеся в городе, были поражены бедностью, которую они увидели. Уроженцы Новогрудка, жившие вдали от родного города, решили ему помочь. Родившийся в Новогрудке Александр Гаркави, нью-йоркский писатель и лингвист, переводчик «Дон Кихота» и других произведений мировой классики на идиш, организовал сбор средств в синагоге в Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене, прихожанами которой были четыре тысячи еврейских эмигрантов из Новогрудка. Он убеждал их жертвовать «несчастным, нищим, гонимым и преследуемым» из их родного города. В результате ему удалось собрать более 40 тысяч долларов. На эти деньги в городе было учреждено несколько общественных институтов, включая сиротский приют, бесплатную столовую для бедных и библиотеку.

Город с численностью приблизительно в десять тысяч человек также населяли поляки, в основном принадлежавшие к правящему, землевладельческому классу (многие переехали в этот регион по инициативе правительства с целью увеличить численность польского населения); белорусы, составлявшие рабочий класс, и несколько сот татар, исповедовавших ислам. Но, несмотря на значительный прирост нееврейского населения, Новогрудок в период с 1920-х по 1930-е годы по-прежнему оставался шумным центром еврейской жизни. По воспоминаниям одного из бывших горожан, в субботу жизнь в городе замирала. Даже иноверцы старались не нарушать тишину в этот священный день.

Бейлэ произвела на свет еще двоих детей — Якова в 1924 году и Аарона в 1930-м; всего она родила двенадцать детей, одиннадцать из которых выжили. Старшие дети, в то время, когда они не были заняты работой на мельнице, ездили в город, где на них смотрели как на нищих деревенских простолюдинов, неизменно проигрывавших на фоне более зажиточных городских евреев. Зусь в течение пяти лет посещал школу Тарбут, а также присутствовал на нескольких собраниях молодежной группы «Бетар», являвшейся частью воинствующей группировки сионистского движения. Тувья стал членом организации «Мицрахи»[1], которая состояла из строго соблюдавших религиозные предписания сионистов, и какое-то время даже подумывал о том, чтобы уехать в Палестину. Но после того как один из членов «Мицрахи» застал его за курением сигареты в

шабат, его попросили прекратить посещать собрания.

И в самом деле, несмотря на то что они искренне гордились тем, что принадлежат к великому еврейскому народу, большинство детей были менее чем почтительны в отношении религиозных предписаний. Давид и Бейлэ соблюдали в доме кашрут, но мальчики частенько прятали ветчину на конюшне и с удовольствием уплетали ее втайне от родителей. Один из старших братьев Давида, рьяный ортодокс, пришел в ужас, когда увидел, что дети Бельских ничем не отличаются от своих соседей-крестьян. «Приведите мне одного из детей, и я сделаю из него настоящего еврея», — сказал он. И Давид предложил ему одного из младших мальчиков. Мальчик, которого назвали Иисус Навин, переехал вместе со своим дядей в Новогрудок, где, получив всестороннее религиозное воспитание, был отправлен в одну из лучших духовных академий. К двадцати двум годам он уже был раввином.

В 1927 году Тувья, которому исполнился двадцать один год, обаятельный молодой человек с темными волосами, достаточно высокий (приблизительно метр восемьдесят пять), был почти готов сбежать из родного дома, желая поскорее открыть для себя мир за пределами маленькой деревушки, где он родился. Но тут его призвали в польскую армию и распределили в Варшаву, где он служил в Тридцатом пехотном батальоне. За шесть месяцев он проявил себя так хорошо, что ему поручили обучение новых рекрутов.

Но в Варшаве ему пришлось вкусить и прелести антисемитизма, который не так ощущался в Станкевичах. Когда он попросил у повара растопленного куриного жира, чтобы намазать его на хлеб, тот ответил: «Катись отсюда, поганый еврей». Тувья, недолго думая, схватил повара одной рукой и принялся молотить другой. Потом он бросил его на стол и схватил кухонный нож, которым, к счастью, несмотря на ярость, не воспользовался. Вместо этого он взял стул и разбил им лицо повару.

После двух недель, проведенных в больнице, у повара хватило глупости снова искусить своего противника.

— Запомни, еврей, — сказал он. — Я еще до тебя доберусь, и тогда ты труп.

— Еще одна подобная угроза, — ответил Тувья, — и я похороню тебя заживо.

Этот инцидент был подвергнут тщательному расследованию. Объясняя свое поведение вышестоящему офицеру, Тувья описал в красках то, как он гордится тем, что служит в рядах польской армии, защищая свою страну. Повар, по его словам, оскорбил не

только его, но, как он выразился, и саму армию. «А я всегда готов отстаивать честь мундира», — сказал он. В результате никаких действий против него не было предпринято.

После двух лет в остальном ничем не примечательной службы Тувья возвратился домой в звании капрала. Затем с помощью свахи нашел себе жену по имени Ривка и переехал в городок Субботники, расположенный в пятидесяти километрах к северу от Станкевичей. «Была ли она хорошенькой? — говорил он. — Не буду врать. Не слишком». Но ее семья держала большой процветающий магазин, самый крупный в городе, и Тувья в одночасье превратился в успешного торговца. Любовь никогда не была для него самоцелью. «Я больше думал о своей жизни», — признавался он.

Как и служба в армии, женитьба позволила ему расширить свой кругозор, приобщиться к достижениям крупных городов. По делам семейного магазина он часто наведывался в Вильно, главный еврейский центр, считавшийся литовским Иерусалимом. Во время одной из таких поездок он приобрел радиоприемник, первый приемник в городе. Молодые, часто в компании соседей, слушали радиотрансляции из Москвы, Берлина и Варшавы. Тувья был постоянным читателем нескольких газет — на разных языках — и мастерским рассказчиком: он любил иллюстрировать современные проблемы историями из Ветхого Завета. Обаятельный сын кроткого мельника демонстрировал пытливый ум и утонченные манеры, которые никак не вязались с его деревенским прошлым. Всякий, кто встречал его, неизменно чувствовал, что он предназначен для чего-то большего, нежели торговля в магазине.

К середине 30-х годов жизнь в его родных Станкевичах тоже начала меняться. У семьи Бельских дела пошли достаточно хорошо для того, чтобы нанять служанку для работы по дому, а также работника для помощи на мельнице. Работника звали Адольф Стишок. Это был бородатый белорус с соломенными волосами, который со временем выучил идиш, чтобы иметь возможность разговаривать со своими нанимателями на их родном языке.

Когда Тувья уехал, тихий Асаэль, что был на два года его моложе, взял в свои руки управление мукомольным производством, которое расширилось и включало в себя теперь две новые мельницы в соседних деревнях. Его младший брат, отчаянный Зусь, который был на четыре года моложе брата, помогал ему в повседневных заботах.

Их отец, Давид, постепенно отошел от дел. Односельчане вспоминали, как он прогуливался по улицам, опираясь на палку.

Все дети по-разному планировали свое будущее. Велвл и еще один брат переехали в Америку. Старшая сестра проводила большую часть года в одной из школ Вильно. Младшие дети оставались дома. Но они росли в условиях, значительно отличающихся от тех, в которых выросли их старшие братья, особенно после того, как практичный Асаэль стал главой семьи. По сути дела, он заменил им отца, особенно для Аарона, будучи старше его на двадцать с лишним лет. Когда мальчик убежал из школы, он получил строгий нагоняй не только от отца, но и от старшего брата. Асаэль даже выступал в роли отца по отношению к старшим братьям и сестрам. Когда его сестра Тайб объявила о своем намерении выйти замуж за парня из семьи Дзенсельских (на протяжении многих лет они были самыми близкими еврейскими соседями Бельских), именно он договаривался о приданом с отцом жениха. Для Аарона он был еще и главой большого хозяйства — человеком, который работал в поле, ухаживал за скотиной и нанимал помощников для летних работ. Асаэль был полностью предан семье.

Асаэль, широколобый с густыми черными бровями, взял на себя ответственность за семейный бюджет — он намеревался однажды вступить во владение мельницей вместо своего отца. Не имея никакого финансового образования, он попросил помощи у молоденькой девушки из семьи Дзенсельских по имени Хая, веселой, остроумной, сообразительной и болтливой, на шесть лет моложе его. Асаэль влюбился в нее, но Хая была образованной и утонченной девушкой, да к тому же очарованной идеями коммунистической партии, а Асаэль был, в конце концов, простым парнем.

— Он был влюблен в меня, но мне нравился другой, — рассказывала Хая. — Был один человек в Новогрудке. Он был намного образованней Асаэля и к тому же совсем из другого сословия. Мы вместе выросли с Асаэлем, и я привыкла смотреть на него как на друга.

Нельзя сказать, что у него не было выбора. Пользовавшийся успехом у местных девушек, Асаэль был всегда готов участвовать в деревенских танцах. Музыкальное сопровождение порой брал на себя наемный работник Бельских Адольф Стишок, аккордеонист от Бога. Местные жители из нееврейского населения вспоминали, что, несмотря на свой скрытный и застенчивый характер, Асаэль был лихим танцором и любил от души повеселиться. К немалому огорчению своих родителей он отчаянно флиртовал с деревенскими девушками.

Если Асаэль был добросердечным и преданным, то Зусь — вспыльчивым и драчливым. У него был низкий раскатистый

голос, задиристый смех и глубокий бархатный баритон, доставшийся от отца. Но в отличие от отца, он был прирожденным бойцом: когда ему бросали вызов, он сначала давал волю кулакам, а потом задавал вопросы.

Отсутствие Тувьи означало, что Асаэль и Зусь, которые, несмотря на различие в темпераментах, были очень близки, стали единственными защитниками в доме. Окружающий мир они видели исключительно в черно-белых красках. Они были неизменно преданы своим друзьям и безжалостны к врагам. Как и старший брат, они всегда давали отпор тем, кто нарушал семейный покой.

Как-то раз крестьянин, который время от времени ссужал семье некоторые суммы, явился к ним в дом пьяным и потребовал денег.

— А не отдашь мне деньги сейчас, — сказал он Давиду, — я тебя на куски разрежу.

Зусь, тогда еще подросток, выскочил из соседней комнаты и схватил мужика, который был чуть ли не вдвое его старше. Только вмешательство Давида предотвратило драку. В другой раз Зуся арестовали за то, что он ударил человека, оскорбившего его унизительным антисемитским замечанием. В довершение всего Зусь пригрозил полицейскому, который арестовал его, сказав:

— Если я тебе врежу, ты со страху в штаны наложишь.

В результате он две недели просидел в тюрьме, что, по его словам, было не так уж плохо, потому что он целыми днями дулся с сокамерниками в карты.

В другой раз некий человек, вступивший в спор с Давидом, пригрозил ему, что разрушит ту часть мельницы, которая регулировала объем воды, необходимой для вращения колеса. Но как только он устремился туда с топором в руке, Асаэль прокрался за ним и толкнул его в поток, который понес обидчика вниз по течению.

— С ним ничего не случилось, — вспоминал Аарон. — За исключением того, что до конца своих дней он запомнил, что нельзя обижать Бельских.

Постепенно о них распространилась молва — сначала об Асаэле и Зусе, а потом и обо всей их семье: стали говорить, что с Бельскими шутки плохи.

— Я вырос с бандитами, — позднее вспоминал Зусь. — Я знал не больше их. Если на тебя нападают, ты даешь сдачи.

Ходили даже неподтвержденные слухи, что Асаэль и Зусь убили человека.

На исходе 30-х годов политическая стабильность в стране

разрушилась. К тому же разразился экономический кризис. Великая депрессия резко снизила уровень жизни в только-только утвердившемся Польском государстве. Все это дало почву для политического экстремизма. Радикально настроенные поляки периодически маршировали по улицам Новогрудка, выкрикивая лозунги с требованиями депортации из города всех евреев и бойкота их торговли. Незадолго до еврейской Пасхи 1939 года по городу прошел слух о грядущем погроме, но местной полиции удалось предотвратить акты насилия.

За границами Польши ситуация была не лучше. На западе гитлеровская Германия укрепляла свою власть, замышляя мировое господство. На востоке, в Советском Союзе, под железным кулаком Иосифа Сталина установилась абсолютная диктатура пролетариата. Хотя оба лидера с подозрением относились друг к другу — Гитлер расценивал поражение марксистской России как одну из своих главных целей, а Сталин ненавидел нацистский фашизм и его фюрера, — в августе 1939 года они заключили пакт о ненападении. Через несколько месяцев Гитлер оккупировал Чехословакию. Гитлер хотел помешать Сталину встать на сторону его противников, а вождь большевиков надеялся предотвратить нападение на свою страну.

Через семь дней после подписания пакта, 1 сентября 1939 года, нацисты, теперь уверенные в том, что Советский Союз не вступит в войну, начали наступление и без труда разгромили польскую армию. Сразу после вторжения Великобритания и Франция объявили Германии войну. Почти одновременно миллион советских солдат вторгся на территорию Польши с востока, быстро продвигаясь в западные части Белоруссии и Украины, захватывая земли, потерянные в польско-советской войне 1919–1920 годов. Во время короткой операции советским войскам удалось, потеряв всего семьсот солдат, захватить около 200 тысяч квадратных километров территории, на которой жило около 13,5 миллиона человек. Среди новых граждан СССР оказалась и семья Бельских из деревни Станкевичи.

В Новогрудке еврейское население высыпало на улицы, чтобы посмотреть на вооружение Красной армии.

— Русские маршировали через город около двух недель, день и ночь, — вспоминал Джек Каган, в то время мальчик-подросток. — Я никогда прежде не видел столько танков. Мы были уверены, что они очень сильные, и не могли поверить, что они способны когда-нибудь отступить.

В деревнях по всей Белоруссии множество евреев встречали солдат цветами и аплодисментами, радуясь, что наконец избавились от своих польских мучителей.

Но их радость была недолгой. За солдатами пришли чиновники-коммунисты, которые приступили к реорганизации общества по советской модели. Все сионистские организации были объявлены политически неблагонадежными и разогнаны, а иврит запрещен. Школы были закрыты и переформированы в русские, просоветского образца, с нужной идеологией. Как грибы после дождя, появлялись комсомольские ячейки, наполняя юные умы сказками о величии Сталина.

Но что самое ужасное, агенты НКВД начали войну против тех, кого считали врагами нового режима. Поляки были их основной мишенью. Еврейские лавочники были заклеймены как спекулянты, и их магазины разграблены. Сионистов преследовали и арестовывали. Некоторые подлежали высылке в Сибирь. В нескольких новогрудских синагогах прекратились службы. Старая синагога, в которой некогда витали души усопших, была превращена в зерновой склад.

— Я помню, мы были очень счастливы, что русские освободили нас от антисемитского польского правительства, и мы были счастливы, что немцы не заняли нашу область Белоруссии, — вспоминал Чарлз Бедзов из Лиды, города на северо-востоке от Новогрудка, который также имел богатую еврейскую историю. — Но когда русские вошли в город, они сразу же отобрали у моего отца магазин. Я был вынужден пойти в русскую школу вместо Тарбута. Русские заставили моего отца работать на них. Он был вынужден подметать пол, потому что он был капиталист, буржуа. Он работал в своем собственном магазине как чернорабочий. Это было очень тяжело для него.

Еврейские мастера-портные, кузнецы, сапожники, шляпники, плотники также почувствовали на себе гнет нового правительства. Они были вынуждены вступать в кооперативы и получали установленные (и совершенно не королевские) зарплаты. Экономика области была разрушена переменами, а дефицит продовольствия вынуждал людей по многу часов простаивать в очередях, чтобы получить скудный паек, предоставленный правительством.

Тувья, который по-прежнему жил с женой в Субботниках, понял, что как предприниматель он потенциальная мишень НКВД. Он оставил Ривку, с которой давно перестал находить общий язык, и уехал в соседнюю Лиду.

То, что мукомольное дело было очень важным для всех, защищало мельницу Бельских от ревностного пыла советских управленцев. Асаэль оставался на мельнице и был даже назначен председателем административного совета, учрежденного новым режимом в Станкевичах. Это был пост, который он никогда не

смог бы занять при поляках, и он упивался своим величием. Зусь, который также занимал пост в совете, получил работу в потребительском кооперативе в Новогрудке. Там он встретил женщину по имени Циля, и они поженились.

Тувья, которому уже было тридцать три, снял комнату в Лиде и устроился помощником бухгалтера, хотя имел весьма смутное представление об этой профессии. Главный бухгалтер научил его основам бухучета, и он оставался на этой работе в течение года. Потом он нашел подобную работу в другой деловой сфере Лиды. Он предпочитал не высовываться, чтобы оставаться вне поля зрения НКВД.

— Я тогда жила в комнате в доме моей подруги, и в ту минуту, когда я его увидела, я сошла с ума, — вспоминала Лилка Тиктин, в то время застенчивая девочка с кротким взглядом. — Просто обезумела. Я тогда думала, что он самый красивый мужчина в мире. Это была любовь с первого взгляда. Я моментально решила, что на всем белом свете нет такого, как он. Но наша разница в возрасте была огромной. Моя мать умерла, и мне недоставало тепла. Он, в отличие от других, заботился о нас. Водил меня и мою подругу в кино на русские фильмы, любовные мелодрамы, приносил нам леденцы и шоколад. Иногда я поднималась по приставной лестнице и заглядывала к нему в комнату. Я имела обыкновение проверять, дома ли он, спит ли он. Я была как помешанная.

Но девушка была еще слишком юна, чтобы возбудить романтический интерес Тувьи. Вскоре в командировке он встретил женщину своего возраста, которая действительно поразила его воображение. Ее звали Соня Варшавская; она была высокой и белокурой — красивая женщина с пытливым умом, что очень импонировало Тувье. Другие видели в ней надменность, даже высокомерие, но Тувью это не волновало. Он был полностью сражен. Вскоре выяснилось, что Соня связана узами родства, хотя и не кровными, с Лилкой Тиктин. Узнав, что Лилка часто посещает Тувью, Соня попросила девушку носить ему записочки и присматривать за ним. Лилка не возражала. Это позволяло ей чаще видеть Тувью.

Отношения Тувьи с Соней послужили для него оправданием для получения развода от жены, оставленной им в Субботниках. Общих детей у них не было. Он не стал тратить времени даром и начал новую жизнь с Соней. Напряженная обстановка того времени воспрепятствовала официальной церемонии бракосочетания, но с того момента Тувья обращался к Соне как к своей жене.

Война медленно продвигалась все ближе. В больших городах

проводились воздушные учения, и военные самолеты каждый день летали над головами. В Новогрудке был создан передвижной госпиталь для солдат Красной армии, раненных во время вторжения в Финляндию зимой 1940 года.

В течение зимы 1940 года в область устремились беженцы из оккупированных нацистами частей Польши, многие говорили о нацистских злодеяниях. Один из Бельских, Абрам, который был на год старше Зуся, женился на женщине, бежавшей из Варшавы. Она рассказала Бельским о том, что немцы относятся к евреям «хуже, чем к собакам», как позже вспоминал Зусь. «Мы с большим трудом верили ей», — сказал он. Контролируемая правительством пресса ничего не говорила о том, что происходило на Западе, потому что нацистская Германия была союзником Советского Союза.

— Моя мать обыкновенно говорила нам, чтобы мы не слушали этих историй о немецких злодеяниях, — говорила Сулья Рубин, в те времена девочка-подросток, жившая в Новогрудке. — Она говорила, что немцы культурные, образованные люди и что они никогда не будут делать таких ужасных вещей.

К началу 1941 года Зусь и Асаэль были призваны в Красную армию. Зусь оказался в ста километрах к востоку, недалеко от границы управляемой немцами Польши, Асаэль — ближе к дому, к северу от Станкевичей. Их родители оставались жить у мельницы вместе с одиннадцатилетним Аароном и семнадцатилетним Яковом, который страстно желал переселиться в Палестину. Тридцатилетний Абрам и его жена переехали в Новогрудок.

22 июня 1941-го нацисты неожиданно напали на Советский Союз, повернув стволы на своего прежнего союзника. Это был один из самых жестоких, самых трагических дней. Нацисты застали Красную армию врасплох. Началась война.

Глава вторая
Июнь 1941 — Декабрь 1941

Тувья Бельский крепко спал в своем доме в Лиде, когда оглушительный рев двигателей разбудил его. Он подбежал к окну и увидел людей, в отчаянии бегущих в убежища. «Страх и паника были непередаваемы, в воздухе творилось нечто невообразимое, и было ощущение, что мы все обречены», — позже написал он. Через несколько часов он услышал по московскому радио, что немцы бомбят главные города области.

Он был немедленно мобилизован, и ему поручили помогать на сборном пункте с новобранцами. К середине дня немецкие самолеты сбросили на Лиду зажигательные бомбы, которые моментально подожгли большую часть деревянных строений. Целые кварталы загорелись в считанные секунды. Командир Тувьи приказал новобранцам отступать к соседнему лесу, но там их настиг налет немецкой авиации. Это был настоящий ад. «Товарищи, — сказал командир. — Сейчас каждый сам за себя. Приказываю всем разойтись!» Для большинства мужчин, включая Тувью, это означало разрешение на обеспечение безопасности собственных семей.

Тувья помчался назад в Лиду и нашел там свой дом объятый пламенем. Соня, однако, не пострадала. Они спасли что смогли из имущества и присоединились к тысячам беженцев, спешно покидавших город.

Советские войска, абсолютно не готовые к молниеносной атаке, отступали в глубь страны. Они спешно уходили на восток большими нестройными группами. Глядя на это бегство, некоторые поляки, возможно вспоминая, с каким теплом евреи в 1939 году встречали советские войска, кричали: «Эй вы, жиденята, где ваши великие танковые дивизионы? Грядет Судный день!»

Супруги отправились в Станкевичи, к родителям Тувьи. Пробирались они туда несколько дней. Тувье пришлось сначала представиться белорусским крестьянином перед немецким офицером, а затем перед советским чиновником — красноармейцем, отставшим от своего полка.

Зусь был более чем за сто километров, в Тикочине, когда началась война. Он как раз заканчивал ночное дежурство, охраняя аэродром, построенный буквально за считанные недели до наступления фашистов. Два немецких самолета и один русский появились в небе и схватились насмерть. Через два часа

уже более двадцати немецких самолетов бомбили летное поле и сильно повредили его.

Солдатам приказали отступать в направлении Белостока, однако на марше их настиг приказ возвращаться в Тикочин. Затем приказ снова изменился: назад на Белосток.

Скоро они оказались в окрестностях Белостока, и Зусь увидел, что весь город горит. Над ним кружили самолеты Люфтваффе. Укрывшись вместе со всеми в чаще и прижавшись к земле, Зусь слушал, как оглушительно бьет тяжелая артиллерия. Он не знал, то ли это стреляют советские солдаты из противовоздушных орудий, то ли это немецкая пехота проникла уже так глубоко в глубь страны.

Как только бомбежка прекратилась, солдаты перегруппировались и быстро двинулись через Белосток, где дружелюбные местные жители наделяли их сигаретами и консервами. После длинного утомительного марша, в пятнадцати километрах к востоку от города, разбили лагерь. Здесь, получив вооружение и боеприпасы, они приняли участие в нескольких стихийных перестрелках с врагом. Но все это без каких-либо указаний из штаба — взвод Зуся воевал вслепую.

Потеряв в итоге терпение, Зусь и несколько солдат сбросили военную форму, переоделись в гражданскую одежду и выдали себя за поляков. Они знали, что советским воинам, обнаруженным немцами, придется намного хуже, нежели польским гражданским лицам, несмотря на то что Германия объявила войну обеим странам.

Вскоре их остановили немцы, и офицер спросил, кто они такие.

— Мы были в плену у русских, — сказал Зусь.

— Что вы там делали? — спросил немец.

— Принудительная рабочая сила, — ответил Зусь.

Офицер махнул рукой, дав им знак проходить.

— Идите домой, — сказал он.

Буквально через мгновение они увидели четырех евреев, которые так и не успели снять красноармейскую форму. Немцы приказали им встать на колени и расстреляли с близкого расстояния.

Еще через некоторое время им встретилась группа русских солдат. На этот раз советский лейтенант спросил, кто они такие.

— Я еврей, — сказал Зусь, зная, что для русских лучше быть евреем, чем поляком.

Лейтенант не поверил ему, решив, что он вполне может быть нацистским шпионом, пытающимся пробраться внутрь страны.

— Видали мы таких евреев… — Он подозвал солдата еврея из

своего отряда, который заговорил с Зусем на идише, и это подтвердило правдивость слов Зуся, — его находчивость снова спасла всех.

Добравшись, наконец, до Новогрудка, Зусь нашел там свою жену Цилю. Его дом был разрушен бомбежкой. Голодный и грязный, он отправился один в Станкевичи, чтобы повидать родителей, в то время как Циля, которая была на восьмом месяце беременности, осталась с родственниками в городе.

Асаэль, чья часть также распалась в хаосе и неразберихе первых военных дней, проделал намного более короткий путь и уже был в Станкевичах, где собрались и другие родственники. Их было слишком много, чтобы поместиться в доме. Некоторым пришлось устраиваться на конюшне. Но Станкевичам недолго суждено было оставаться безопасным пристанищем. К первому июля к границам их владений подошло подразделение вермахта, и в дом ворвался немецкий офицер.

— Кто все эти люди у вас в доме? — спросил он по-польски.

— Давид Бельский и его семья, владельцы дома, полей и мельницы, — ответил Тувья.

Немец заметил, что Тувья одет не как простой местный крестьянин.

— Кто ты?

— Я из Лиды, — ответил Тувья. — Но я вернулся сюда, когда город бомбили. Я вернулся к своему отцу.

— А что ты делал в Лиде?

— Я был бухгалтером, помощником бухгалтера, — сказал Тувья.

Тем временем солдаты разбили палатки на поле и превратили сарай во временный штаб. Немец объявил, что у всех, кто не жил постоянно на мельнице, есть пятнадцать минут, чтобы собраться и уехать. Те, кто не повинуется приказу, будут расстреляны.

Старики Бельские были потрясены таким поворотом событий. Взволнованная Бейлэ рыдала, оплакивая судьбу своих детей. Они были так раздавлены, что Тувья начал беспокоиться о состоянии их рассудка.

В поисках безопасного угла Тувья и его тридцатилетний брат Абрам решились отправиться на телеге в Новогрудок, где, как надеялся Тувья, они смогли бы устроиться в доме у одного из друзей. Прибыв в Новогрудок, они увидели немцев, марширующих по улицам разбомбленного города, который все же был не так сильно разбит, как Лида. В доме их друга все окна были выбиты во время бомбежки, но сам дом был пригоден для жилья.

— Устраивайтесь, если хотите, — сказал братьям их друг. — И не волнуйтесь об арендной плате.

В ту же минуту какой-то поляк, завербованный немцами служить в милиции — с белой повязкой на рукаве для обозначения его статуса, — подошел к ним и приказал братьям явиться на работу в здание в центре города. Когда Тувья сказал ему, что он не живет в Новогрудке, поляк предупредил его, что если он ослушается приказа, то будет немедленно расстрелян.

В здании администрации, которое прежде занимали советские чиновники, братьям и еще пятидесяти другим евреям было велено перенести мебель и побросать в костер портреты советских вождей. Когда они завершили работу, у дома собралась группа поляков, чтобы поблагодарить немцев за «то, что освободили нас от еврейского рабства».

— Теперь вы будете видеть евреев только на киноэкране, — сказал им нацистский офицер. — Это приказ Гитлера. Он с ними разделается.

Чувствуя поддержку со стороны немцев, поляки начали насмехаться над еврейскими рабочими, бить их дубинками и кожаными поясами. Обоим братьям досталось. Тувья весь кипел от гнева, но сдержался. К концу дня их группу построили в колонну и приказали идти на следующий участок. Одному из рабочих было велено возглавить процессию с маленьким кустом в руках, что дало еще один повод надсмотрщикам поиздеваться над этим шествием, хотя и без того немцы и поляки всячески оскорбляли их и продолжали наносить им удары.

Под покровом темноты Тувья и Абрам скрылись, нашли свою лошадь и телегу и направились в Станкевичи. «Когда мы с вами встретимся снова, — думал Тувья, покидая Новогрудок, — у меня в руках будет оружие».

Вернувшись на мельницу, братья и там обнаружили вокруг их усадьбы движение немецких войск. Тувья решил, что безопаснее будет укрыться в ближнем лесу и выждать. Зусь и Азаэль уже сделали то же самое, они тоже переселились в лес. Обстоятельства жизни братьев так резко изменились за две недели вторжения, что они вынуждены были принять решение, соответствующее новой реальности.

Радио из Москвы передавало сообщения, из которых становилось ясно, что ожидает советское правительство от таких людей, как братья Бельские. В своем обращении 3 июля Сталин сказал, что в областях, занятых врагом, должны быть сформированы партизанские отряды, конные и пешие, организованы группы диверсантов, чтобы сражаться с вражескими войсками, разжигать партизанскую войну всюду, где только

можно, то есть взрывать мосты и дороги, повреждать телефонные и телеграфные линии, поджигать леса, склады и поезда; на оккупированных территориях должны быть созданы невыносимые условия для врага и всех его приспешников; врагов надо преследовать и уничтожать везде, где они скрываются, и все их усилия должны быть сведены к нулю.

Зусь никогда не боялся опасностей, поэтому он рискнул вернуться в Новогрудок, проведать жену. Переодевшись местным крестьянином, он проскользнул в город и прокрался к ее жилищу. С ней, к счастью, все было в порядке.

Немцы выпустили ряд предписаний для еврейского населения. В первые дни оккупации нацисты выбрали евреев для службы в юденрате (еврейском Совете). Его члены обязаны были доводить до сведения еврейской общины приказы немецкого командования и обеспечивать, под страхом смерти, их неукоснительное исполнение. Была учреждена еврейская полиция, чтобы помогать в работе юденрату.

Одновременно был принят целый ряд антисемитских мер. Евреев обязали носить желтую звезду спереди и сзади. Им запрещалось ходить по тротуару. Запрещалось разговаривать или вступать в деловые отношения с лицами нееврейской национальности. Предписывалось соблюдать строгий комендантский час. И мужчины, и женщины, старые и молодые, были обязаны каждое утро являться на принудительные работы.

Рабочие выполняли большую часть тяжелых работ, претерпевая самые жестокие унижения и оскорбления. Был случай, когда одной группе мужчин было приказано разорвать свое нижнее белье и протирать им машины, в то время как пьяные нацисты били их дубинками и обвиняли в том, что они якобы развязали войну. Другой группе приказали под проливным дождем голыми руками оттирать тротуары на городских улицах. Еще одного человека связали электрическим проводом и опустили в колодец, чтобы достать упавшие на дно инструменты.

Немцам помогала полиция, состоящая из белорусов и поляков, которые пошли на службу добровольно. Местные жители услужливо указывали на тех евреев, которые пытались уклониться от выполнения постановлений новой власти.

26 июля, в шабат, Зусь стал свидетелем того, как нацисты наводят свои порядки. Проходя по центру Новогрудка, он заметил несколько человек, бегущих с базарной площади. Он зашагал в сторону площади, где увидел группу евреев-интеллигентов, стоявших в пять рядов в окружении местных полицейских и немецких солдат. Мужчины были грязны и растерянны. Очевидно,

их только что сильно избили. Неподалеку немецкие музыканты играли вальс Штрауса.

Подъехала машина с нацистским офицером за рулем. Офицер вышел, вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в воздух. По этому сигналу солдаты открыли огонь по десяти евреям, которые как подкошенные упали на землю. Непосредственно перед тем, как прозвучали последние выстрелы, Зусь увидел, как мальчик, стоявший в последнем ряду, повернулся к своему отцу и, беззвучно шевеля губами, произнес: «Папа, они нас убивают». Когда стрельба прекратилась, на древней базарной площади лежало пятьдесят два бездыханных тела.

Группе еврейских девочек-подростков велели грузить тела в телеги и оттирать кровь с булыжников. Когда площадь была вымыта, убийцы, по свидетельству Раи Кушнер, тут же устроили танцы. Этих убийц, сколоченных в специальные группы, высшее нацистское руководство выпустило на свободу из тюрем, с тем чтобы они следовали за вермахтом в Советский Союз. Их жертвами были члены компартии, польские интеллектуалы и партизаны, но главным образом евреи, которых казнили без суда и следствия.

Шестью днями ранее в городе Мире, расположенном в сорока пяти километрах на юго-восток, были зверски убиты руководители местной еврейской общины, а за девять дней до того подобная расправа была совершена в Слониме.

Теперь было уже очевидно, что эта оккупация не имеет ничего общего с поведением германской армии в Первую мировую войну. Зусь больше не сомневался в том, что нацисты преисполнены решимости уничтожить еврейский народ. Когда один из членов юденрата потребовал, чтобы он присоединился к рабочей группе из 250 евреев, он отказался подчиниться и убедил еще одного еврея сделать то же самое. Вскоре за Зусем, но, к счастью, в его отсутствие пришли два местных полицейских. Стало ясно, что дольше оставаться в городе нельзя. Зусь решил возвратиться в Станкевичи, в то время как его беременная жена осталась в городе, — это решение, по его словам, ему было трудно принять.

На пути из города перед ним возник десятилетний поляк. «Ты — гадкий, противный еврей, и тебе нельзя ходить по тротуарам!» — закричал мальчик.

Зусь наотмашь ударил «маленькую жабу» (его собственные слова) и поспешил в Станкевичи. К тому времени, когда он добрался до дома, был уже вечер. Осторожно приблизившись, он заглянул в окно и увидел, что в доме все перевернуто вверх дном. Внутри он нашел свою мать. Она сказала, что это дело рук

сотрудничающей с нацистами полиции. Но самое страшное было то, что его отца арестовали.

Жена Тувьи Соня очень беспокоилась за своих родственников в Лиде, и они решили все-таки съездить туда. Как и Новогрудок, Лида была оккупирована немецкими войсками сразу же после первой бомбардировки, и здесь действовал тот же самый перечень антисемитских мер. Был сформирован юденрат со школьным учителем во главе, и евреям-чернорабочим было приказано очистить город от щебня — город, который был почти разрушен бомбами Люфтваффе. Среди прочего им предстояло собрать остатки того, что когда-то было самой большой городской синагогой.

Утром 5 июля в город, по приказанию командира Айнзацгруппе Б Альфреда Филберта, прибыл батальон смерти, укомплектованный членами СС, гестапо, уголовной полиции и офицерами секретной службы. По приказу триста евреев вытащили из домов и привели к зданию школы. Квалифицированные рабочие и мастера, в общей сложности немногим более двухсот человек, были отпущены; тех же, у кого было высшее образование, вывели за пределы города и расстреляли группами по пять человек на краю воронки от упавшей бомбы. Большинство тел не падало в яму, и следующие пять человек были вынуждены бросать трупы в воронки перед тем, как выстроиться в линию, чтобы встретить собственную смерть.

На следующий день, 6 июля, немец по имени Андреас Хансльмайр, который был свидетелем казни, написал своей жене: «Вчера днем я видел то, что никогда не забуду, — расправу над людьми. Я не хочу и не могу больше об этом писать».

Эти убийства потрясли еврейское общество, однако многие решили, что с теми, кто уцелел, ничего подобного не случится. Соня осталась в Лиде со своими родственниками, а Тувья решил обосноваться в ближней деревне, в доме молодого человека по имени Аркадий Киссель, чью жизнь он спас пятнадцатью годами ранее. Тогда десятилетний мальчик, Аркадий упал в реку неподалеку от одной из мельниц Бельских. Тувья бросился в воду и, схватив тонущего мальчика за волосы, вытащил его на берег. И вот теперь семья Кисселей встретила его с распростертыми объятиями, в их доме он, наконец, смог выспаться в безопасности. Во время своей поездки в Новогрудок Тувья окончательно разобрался в намерениях немцев и поклялся, что больше он им в руки не дастся.

От своих нееврейских знакомых Тувья получил поддельные

документы: по одним он был белорусом, по другим — бывшим офицером польской армии. Он отрастил усы и принял облик дровосека.

Давид Бельский был выпущен из тюрьмы на следующее утро после ареста. Он прошел пешком несколько километров от полицейского участка до мельницы и рассказал жене, как офицеры избивали его. Но не он был интересен им — они искали Зуся и Асаэля. Местная полиция начала кампанию по поимке двух братьев. Немцы узнали, что они занимали ответственные посты в советской администрации, а местные жители припомнили старое обвинение в том, что они якобы убили одного из деревенских.

Одним из полицаев был односельчанин Бельских Ватья Кушель, родственник того поляка, который когда-то помог Давиду Бельскому сохранить за собой мельницу. Кушель убедил немецкие власти арестовать белоруску, которая служила в советской администрации вместе с Зусем и Асаэлем, и сам расстрелял эту женщину и ее сестру.

Давид послал сыновьям записку: «Оставайтесь в лесу. Эта война неизвестно когда кончится».

Зусю и Асаэлю надо было решить трудную задачу — найти в лесу надежное убежище, ведь их преследовали люди, которые знали этот край так же хорошо, как они. Иногда поздним вечером они подкрадывались к заднему крыльцу своего дома, чтобы взять у матери кое-что из еды. Иногда они, чаще поодиночке, оставались ночевать в домах у дружелюбно настроенных жителей из неевреев, которые на протяжении многих лет приезжали к ним на мельницу, однако братья никогда не заходили в дом, не составив заранее в случае опасности план своего отступления назад в лес.

Как-то раз Зусь делил скромную трапезу с крестьянской семьей, когда заметил, что к дому приближается группа полицаев. Хозяин предложил ему спрятаться в кладовой. Полицаи постучали в дверь, но интересовал их не Зусь — их внимание привлек запах свежеприготовленной пищи. Когда они уселись за стол, Зусь выскользнул через окно и исчез в лесу.

Асаэль провел неделю в соседней деревне. Но его узнали и донесли в полицию. К счастью, он ушел в лес прежде, чем его успели поймать.

Быстроногий одиннадцатилетний Аарон, который знал все лесные тропинки еще лучше, чем его старшие братья, служил связным между Асаэлем, Зусем и их родителями. Он приходил в условленное место в лесу и ждал, пока не появится кто-то из братьев.

Асаэль и Зусь успешно избегали ареста в течение нескольких недель. Тогда раздосадованные полицейские сосредоточили свое внимание на других членах семьи. Дома оставались три брата: Абрам, Аарон и семнадцатилетний Яков, у которого была повреждена ступня. Больше всего досталось Абраму: после того как несколько конных полицейских окружили дом, Абрам попытался убежать в поле, но его настигли, поволокли обратно в дом, а затем доставили в полицейский участок. Там его так жестоко избили, что когда он вернулся домой, то уже почти не вставал с постели.

Давида Бельского также неоднократно избивали. Один белорусский полицай, человек, который знал семью много лет, грубо толкнул старика на стену и ударил в ребра прикладом. Маленький Аарон в ужасе наблюдал за тем, как его отец согнулся пополам от боли. У него было сломано несколько ребер.

Вскоре на мельницу явилась целая свора полицаев. Они вытащили Абрама и Якова из постелей и забрали в полицейский участок в Новогрудок. Опасаясь худшего, их мать стала собирать подписи уважаемых людей — местных жителей неевреев, которые бы поручились за невиновность ее мальчиков. Она посылала сыновьям еду, но ее отбирали, ничего не передавая им. Затем она поехала с Ааароном в Новогрудок. Аарон шел по тротуару (он не носил желтую звезду Давида) и вдруг увидел полицая из Станкевичей Ватью Кушеля. Тот подозвал двух немецких солдат и указал им на Аарона.

Немцы подбежали к нему, схватили и отвели в участок, где он мельком увидел одного из своих братьев. Солдаты вывели его на улицу и приказали копать яму голыми руками. Он копал, а солдаты поигрывали винтовками и повторяли: «Скажи нам, где твои братья, или мы тебя убьем». Наконец яма была вырыта. Немцы приказали ему лечь в нее и опять стали спрашивать, где прячутся Зусь и Асаэль. Но он ничего не сказал. Ни единого слова. Тогда один из немцев приказал ему лающим голосом: «Убирайся домой!»

Хотя «кампания» Бейлэ Бельской по освобождению сыновей не дала никаких результатов, она не собиралась сдаваться. Узнав о том, что тюремный надзиратель берет взятки, она принесла ему все, что только смогла найти в доме, — подушки, кухонную утварь, рабочие башмаки. Но его не интересовали вещи. Он хотел золота. Тогда она продала все, что могла, и принесла ему денег. Но он сказал, что этого мало.

Проходили недели, а у нее по-прежнему ничего не получалось. Судьба братьев была уже решена: в октябре Абрам и Яков были убиты при попытке бегства во время пересылки в

другую тюрьму.

Тувья был потрясен, когда до него дошла весть о гибели братьев. В это время он постоянно перебирался с места на место, нигде подолгу не задерживаясь. Почти сразу же он отправился в Станкевичи. Полицейские продолжали активные поиски Зуся и Асаэля, останавливаться в родительском доме было небезопасно. Поэтому его посещение отца и матери было коротким.

У него был талант выдавать себя за местного жителя нееврея. Внешне он не был похож на еврея, к тому же говорил на разных языках без малейшего акцента. Один раз он пришел в деревню, в которой было полно немецких солдат. Они заметили его прежде, чем он успел убежать. С нарочитой беспечностью он не спеша пошел по главной улице, чувствуя на себе их пристальные взгляды, вошел в дом одного из своих белорусских знакомых и увидел, что за столом сидят двое немцев и пьют молоко. Друг поздоровался с Тувьей по-белорусски и представил его как соседа.

— Ну, как идут дела на фронте? — спросил Тувья немцев, присоединившись к группе за столом.

— Верховный командующий приказал немецкой армии захватить Москву за четырнадцать дней, — сказал один из солдат.

В ответ Тувья заметил, что они все ждут не дождутся, когда немцы, наконец, покончат с русским коммунизмом.

Немцы закончили трапезу и оставили дом. Его друг вздохнул с облегчением и стал умолять его немедленно уйти, боясь, что их обоих убьют.

В другой раз Тувья постучал в дверь тоже нееврейского дома и услышал голос, сказавший по-немецки:

— Входите.

Он вошел в комнату, увидел там четырех немецких офицеров и четырех местных женщин, садящихся за стол. Тувья пожелал им по-немецки приятного аппетита.

Одна из женщин сказала, что он ее брат.

После того как Тувья снял пиджак и повесил его на стену рядом с оружием немцев, один из солдат предложил ему коньяку, и они выпили за здоровье «сестры». Усевшись за стол, Тувья вступил в разговор.

Он сказал им, что помнит немцев со времен Первой мировой войны. Затем он поинтересовался, как развиваются события на фронте.

— Наши пушки обстреливают Москву, — ответил один из них. — Самолеты бомбят русскую столицу. Город горит. Победа

неизбежна. России капут.

— Отлично! — воскликнул Тувья.

Постепенно языки развязывались. Спиртное текло рекой. Тувья, наконец, решился затронуть еврейский вопрос.

— Почему немцы преследуют евреев? — спросил он. — Разве вы не могли бы использовать их, чтобы производить товары для ваших вооруженных сил?

В ответ ему было заявлено, что еврейские барышники и спекулянты заправляют немецкой промышленностью, что британский премьер-министр Уинстон Черчилль — еврей и безбожно манипулирует ценами на кофейных плантациях, которые якобы принадлежат ему в Индии.

— Ну, можно ли, в самом деле, пощадить такого спекулянта? — спросил немец.

Потом он провозгласил тост за смерть всех евреев.

«Земля горела у меня под ногами», — вспоминал позже Тувья.

И все же Тувье во время подобных происшествий удавалось сохранять спокойствие и самообладание.

С наступлением осени в нацистской администрации в Новогрудке произошли изменения. Представителей вермахта заменили гражданской администрацией из преданных фюреру нацистов, «людьми партии», — им Гитлер поручил наблюдение за новыми территориями. В октябре в город прибыл окружной комиссар Вильгельм Трауб. В течение последующих двух с половиной лет именно Трауб будет осуществлять невообразимое по своей жестокости правление, основанное на страхе и терроре.

Тридцати одного года от роду, среднего телосложения, с длинным римским носом и темно-русыми волосами, он родился в окрестностях Штутгарта. Окончил среднюю школу в Канншатдте и учился в политехническом институте в Штутгарте. Затем его привлекла военная карьера. Ему было двадцать два года, когда он вступил в штурмовой отряд, а в 1937 году поступил в СС. К тому времени, когда его назначили в Новогрудок, он был штурмбаннфюрером и занимал ряд постов в службе безопасности СС (СД).

Он прибыл в город с женой, которая была лично знакома с Адольфом Гитлером. Их брак, по словам Трауба, был лично одобрен рейхсфюрером.

Трауб назначил руководителей местных администраций в сельской местности, организовал посты немецкой жандармерии в городе и в окрестностях. Затем он переключил свое внимание на еврейскую общину. «Одной из наших основных задач должно стать жесткое отделение евреев от остальной части населения, —

гласила директива, отправленная 3 сентября 1941 года из Берлина чиновникам окружных комиссариатов. — Всякая снисходительность по отношению к евреям должна немедленно пресекаться. Должно быть предпринято создание гетто… В Белоруссии эта задача будет облегчена наличием более или менее обособленных еврейских поселений. Рабочая сила… должна использоваться под охраной на тяжелых работах (строительство дорог, железнодорожных полотен, рытье каналов, сельское хозяйство и т. д.). Еврейские квалифицированные ремесленники и мелкие производители могут продолжать заниматься тем, к чему они привыкли…»

Человеком в штате Трауба, отвечавшим за еврейское население, был офицер СС Вильгельм Рейтер. Около тридцати лет, высокий и дородный, с каштановыми волосами, в очках. Он также прибыл в город с женой. Каждое утро перед завтраком они совершали прогулку верхом: неторопливый моцион, прежде чем окунуться в трудовую рутину дня.

Некоторые евреи надеялись, что новая администрация улучшит их жизнь. Все-таки начальники вермахта были всего лишь военными, а новое руководство стояло рангом выше… Но потребовалось совсем немного времени, чтобы разбить эти надежды в прах. Одной из первых акций нового руководства была казнь целого юденрата по обвинению в неповиновении властям. Притеснения и убийства превратились в часть повседневной жизни. Люди начали замечать, что больные евреи никогда не возвращаются домой после посещения больницы.

По общине пошли слухи также о массовом уничтожении евреев в других городах. В ноябре среди евреев Новогрудка заговорили о массовых убийствах в Слониме. Акция проводилась несколькими офицерами из канцелярии СД в Барановичах при участии нацистов и сотрудничавших с ними городских чиновников. Окружной комиссар Слонима Герхард Эррен заявил, что акция уничтожения избавила его от суда над восемью тысячами «никому не нужных голодных ртов». Затем прокатился слух о побоище в городе Мире 9 ноября, совершенном солдатами вермахта и местными полицаями. Было казнено свыше полутора тысяч евреев.

Детали, конечно, не были известны жителям Новогрудка, и, в отсутствие неопровержимых доказательств, многие считали, что этим рассказам трудно поверить. Разумеется, они убьют какое-то количество евреев, говорили люди, но чтобы всех? Это не имеет никакого смысла. Мы им нужны для работы. К тому же появлялись и другие, более оптимистичные слухи. Набожные евреи утверждали, что обнаружили знамения, свидетельствующие

о пришествии Мессии, который, по их словам, избавит евреев от немецкого рабства.

Слухи о массовых казнях достигли Зуся и Асаэля Бельских. Зусь сходил с ума, беспокоясь о своей жене Циле, которая к этому времени родила девочку. Хотя было ясно, что в городах евреям опасно, братья надеялись, что сельским евреям — Давиду, Бейлэ и Аарону Бельским, а также членам семьи Дзенсельских, которые по-прежнему жили в Большой Изве, — удастся избежать нацистских репрессий. Они также надеялись, что смогут пережить морозную белорусскую зиму, скрываясь в лесах.

Юный Аарон прикладывал все усилия, чтобы успокоить сраженных горем родителей. Бейлэ была безутешна, оплакивая потерянных сыновей. Давид, который так и не смог оправиться от побоев, нанесенных ему в полиции, практически не вставал с постели. Работа на мельнице продолжалась — в конце концов, это был их единственный источник средств существования; их давний помощник Адольф Стишок не убоялся новых властей и не оставил Бельских — теперь он выполнял большую часть работы.

Как-то раз, в начале декабря, около трех часов пополудни, когда шел легкий снег, на пути от мельницы к конюшне Аарон услышал рокот мотора. Повернув голову, он увидел, что на мосту, ведущем к дому, остановился немецкий грузовик. Оттуда выпрыгнули несколько немцев и местных полицейских и решительно зашагали к дому.

Аарон бросил на землю мешок, который он нес на конюшню, и опрометью помчался в лес. Оттуда, спрятавшись за деревом, он наблюдал за тем, как разворачивались события.

Повинуясь приказам солдат, из дома появились Бейлэ и Стишок. Они помогли Давиду забраться в кузов грузовика. Бейлэ вскарабкалась следом за ним, а затем повернулась к Стишку и попросила его пойти в дом и принести ей галоши.

— Там, где вы скоро окажетесь, галоши вам не понадобятся, — ответил он.

Аарон побежал, надеясь найти Асаэля и Зуся, которые, как он знал, остановились поблизости в одном доме. Зусь, стоявший у двери, заметил младшего брата издали.

— Отца и маму увезли в фургоне, — сказал Аарон, добежав до него.

Вскоре выяснилось, что эта же участь постигла всех евреев из Станкевичей. Асаэль и Зусь поняли, что, покончив со Станкевичами, каратели направятся в Большую Изву. Там, в семье Дзенсельских, единственных евреев в деревне приблизительно в пятьдесят дворов, жила их старшая сестра Тайб, которая вышла замуж за Абрама Дзенсельского. У супругов росла дочь.

— Нельзя было терять ни минуты, — позже говорил Зусь.

Вскоре после полуночи братья разбудили Дзенсельских и велели им укладывать вещи, Все в доме — от маленькой дочки Тайб до стариков — были подняты на ноги. Большую часть ночи они провели в пути, останавливаясь только для того, чтобы Тайб смогла покормить ребенка; наконец, они нашли место для стоянки на берегу ручья. Сгрудившись у костра, они благополучно пережили холодную ночь, дрожа от страха за свое будущее.

— Не волнуйтесь, — убеждали их братья. — Мы попросим наших друзей, они обязательно вас спрячут.

В Новогрудке по всему городу были расклеены извещения, подписанные окружным комиссаром Траубом и приказывающие евреям на следующее утро не выходить из дому. Ужас обуял еврейское население — до евреев дошли слухи о том, что на окраинах города копают большие рвы. Стало ясно: запланирована новая массовая бойня. Немецкие солдаты заблокировали дороги, ведущие из города, и те евреи, что попытались бежать, были расстреляны на этих заставах.

Вечером в пятницу, 5 декабря, немцы в сопровождении местных полицейских и членов юденрата пошли по домам, приказывая еврейским мужчинам, женщинам и детям явиться к зданию суда, которое представляло собой комплекс строений, или к школе, основанной католическими монахинями ордена сестер Святого семейства из Назарета. Каждому было разрешено взять с собой только одну небольшую сумку с вещами. Большую часть дня около шести тысяч евреев простояли у входа в суд под мокрым снегом. Несколько меньше людей собралось у католической школы.

Рая Каплинская, которой тогда было девятнадцать лет, не пришла в суд, как ей было приказано. Вместо этого она с несколькими своими родственниками спряталась в одной из комнат у себя дома. Другая семья с маленьким ребенком укрылась в подвале их дома. Когда ребенок заплакал, немцы сразу же засекли их.

— Выходите или мы всех вас расстреляем! — закричали немцы.

Каплинская и ее семья сделали, как им было приказано.

— Немец ударил моего дядю дубинкой по голове, и дядя так закричал, что я подумала, что он сейчас умрет, — сказала она. — Мы все были страшно напуганы.

Их погнали в здание суда, где комнаты были переполнены людьми. Немногие были в состоянии заснуть в тот ужасный вечер. Они слышали, как за стеной немцы переговариваются

между собой.

7 декабря, в воскресенье, в день, когда японцы бомбили Пёрл-Харбор и тем самым вовлекли в войну Соединенные Штаты, сто евреев были выведены из здания суда и получили приказание демонтировать забор, который окружал базарную площадь. Им велели установить его вокруг полуразрушенного соседнего квартала Перешики. Конные солдаты вермахта и местные полицейские подталкивали рабочих железными прутами, прикладами винтовок и деревянными дубинками. Если кто-то падал, его убивали на месте; трупы было приказано подбирать и нести к братской могиле.

В понедельник утром к зданию суда прибыли члены окружного комиссариата, включая Рейтера и Трауба, офицеры СС, состоявшие на службе у немцев отряды из литовцев и латышей. Офицер СС занялся опросом глав семейств. «Чем вы занимаетесь? — обыкновенно спрашивал нацист. — Сколько у вас детей?» Потом он одним взмахом облаченной в перчатку руки направлял каждого члена семьи направо или налево. Квалифицированные рабочие шли главным образом направо. Почти все остальные шли налево; их сажали в стоявшие поодаль фургоны.

— Вот так, очень просто, нас разделили на две группы, и люди начали кричать и плакать, — вспоминала Соня Ошман, в то время подросток. — Фашисты говорили нам: «Не плачьте. Мы только собираемся ненадолго разделить вас. Мы собираемся предоставить вам жилища. У вас будет все. Не волнуйтесь. О женщинах и детях хорошо позаботятся».

Фургоны проехали несколько километров к юго-западу от города к небольшому уединенному хуторскому хозяйству Скрыдлево. Миновав построенные русскими военными бараки, они повернули направо и поехали по извилистой дороге в лес. На небольшой поляне фургоны остановились, и евреям приказали выйти. Здесь уже были вырыты могилы. Евреям было приказано снять одежду и встать лицом к могилам. Затем снайперы их расстреляли в упор из автоматов.

Эта акция повторялась неоднократно в течение всего дня — фургоны несколько раз возвращались в город за новыми жертвами. В этот день было уничтожено более четырех тысяч евреев. Среди тех, кто остался лежать во рвах, были Давид и Бейлэ Бельские, Циля Бельская и ее новорожденная дочка.

Одна женщина, которой каким-то чудом удалось уцелеть, выползла из ямы и пришла в город. Парализованная страхом, она сначала не могла говорить, но наутро рассказала обо всем, что произошло. Также о подробностях той расправы евреи узнали от

одного белорусского полицая, который описал еще то, как некий цирюльник напал на офицера СС с бритвой и был забит до смерти прикладами.

Оставшихся в здании суда — приблизительно полторы тысячи человек — повели в Перешику, которая теперь была отделена от ярмарочной площади забором. Любопытные местные жители собрались, чтобы понаблюдать за мрачной процессией, конвоируемой к месту, которое с этого момента стало новогрудским гетто. Большинство не выказывало эмоций. Лишь один местный житель, когда конвоируемые проходили мимо, снял свою шляпу в знак уважения к страданиям евреев.

После первой ночи, проведенной в лесу, Асаэль и Зусь начали поиски безопасных убежищ для семьи Дзенсельских. Наиболее слабых в группе — престарелых родителей и ребенка Тайб — надо было пристроить первыми. Найти пристанище для стариков было относительно просто; гораздо труднее было подыскать место для грудного ребенка, чьи крики легко могли привлечь внимание соседей. Братьям отказывали несколько раз, прежде чем они нашли одну польскую пару. Эти поляки буквально влюбились в ребенка, который имел поразительное сходство с их собственным умершим малышом.

Разработали план, в соответствии с которым Бельские должны были оставить ребенка у заднего окна дома этой польской пары с запиской, где будет указано христианское имя. Найдя ребенка, семья известит местные власти, которые, надеялись Бельские, разрешат им оставить ребенка у себя. Этот план был хорош тем, что полностью ограждал поляков от обвинений в укрывательстве евреев.

И вот в морозный зимний вечер, завернутую в одеяла грудную девочку положили у заднего крыльца. Через несколько минут, когда одна из пеленок развернулась, она громко закричала. «Это хорошо, — подумали прятавшиеся на опушке леса Бельские, — все услышат крик». Но проходили минуты, а из дома никто не выходил. Не находившую себе места от волнения мать с трудом удерживали, чтобы она не бросилась к своему ребенку, чей плач постепенно ослабевал. Потом из дома появился человек. Он позвал свою жену, чьи крики моментально привлекли целую толпу соседей.

На следующий день прибыл начальник местной полиции, чтобы посмотреть на ребенка. Взглянув на ребенка, он объявил:

— Я хочу удочерить ее.

Но полька наотрез отказалась.

— Господь послал этого ребенка мне, — сказала она. — Я

бездетна, и она моя!

Начальник полиции смягчился и разрешил им оставить девочку у себя. Через несколько недель еврейка Лола была крещена по католическому обряду.

После того как наиболее уязвимые члены семьи обрели надежные пристанища, братья нашли укрытия и для остальных. Они пообещали время от времени навещать каждого и перемещать их в случае опасности на новое место. Объектом особенного внимания Асаэля была Хая Дзенсельская, которой исполнилось двадцать три года. Когда она пожаловалась на кашель, он прошел много километров, рискуя собственной жизнью, ради того чтобы найти аптекаря и принести ей лекарство.

После того как все были благополучно пристроены, Зусь и Асаэль остались наедине с мрачными мыслями о страшных событиях, которые произошли в Новогрудке. Их родители погибли, были убиты самым жестоким, самым бесчеловечным способом. Жена Зуся также погибла, вместе с ребенком, которого он никогда не узнает.

Известие о смерти родителей дошло и до Тувьи. Ему сообщили подробности: полицаи избили мать и отца, прежде чем бросить их в ров. Его отчаяние быстро переросло в ненависть. Но, кроме того, он испытывал угрызения совести. Почему он не сумел спасти родителей? И что ему было делать теперь?

Глава третья
Декабрь 1941 — Июнь 1942

К началу зимы 1941 года события на фронте развивались не самым лучшим образом для русских. Немцы бомбили Ленинград, который теперь был практически отрезан от внешнего мира, и там несчастные люди умирали от голода. Гитлер надеялся, что тотальный артиллерийский обстрел приведет к полному уничтожению города. Судьба Москвы тоже висела на волоске. Потери, понесенные Красной армией во время первых шести месяцев войны, были поистине удручающими — более 2,5 миллиона человек убитых и 3,5 миллиона взятых в плен. Фюреру не терпелось поскорее выпить чаю в одной из кремлевских палат.

Эта победа должна была стать последней в длинной цепи его завоеваний. Весной и ранним летом 1940 года Гитлер захватил Францию, Нидерланды, Бельгию и Люксембург. К тому времени Италия под руководством диктатора Бенито Муссолини вступила в войну на стороне Германии. После многочисленных побед в Европе — нацистские флаги теперь развевались от Норвегии до Пиренеев — Гитлер сосредоточил все свои усилия на Великобритании. На протяжении всего лета и осени немецкие самолеты сбрасывали тонны бомб на британские города, в то время как немецкие генералы готовились к вторжению на суше. Но к сентябрю 1940 года Гитлер пересмотрел свои планы и перебросил основные силы на Восточный фронт.

План «Барбаросса» — таково было кодовое наименование плана нападения фашистской Германии на СССР — включал в себя и значительную эскалацию войны нацистов против евреев. Сотни тысяч безоружных евреев были убиты с невероятной жестокостью. До того как начали действовать основные концентрационные лагеря, убийцы передвигались в четырех моторизованных колоннах, которые часто делились на меньшие подразделения специального назначения и отдельные боевые группы. Представители местного населения, вступавшие во вспомогательные отряды, оказывали немецким убийцам неоценимую помощь. Как писал историк Френч Л. Маклин, «местные жители знали язык, топографические особенности местности и легко могли убедить соседа предать соседа».

29 и 30 сентября более тридцати трех тысяч евреев были расстреляны бойцами отряда специального назначения Айнзацгруппе С в Бабьем Яре, овраге на северо-западной окраине Киева. 23 октября более девятнадцати тысяч евреев были

расстреляны около Одессы, а 20 ноября — свыше тридцати тысяч были уничтожены в лесу на окраине Риги. К середине ноября командующий Айнзацгруппе Б, бывший криминалист и автор детективных рассказов Артур Небе, докладывал, что с начала оккупации его люди уничтожили 45 467 человек, 1 декабря Карл Ягер, начальник Айнзацгруппе А письменно уведомил руководство о том, что его солдаты устранили 137 346 человек, главным образом евреев. «Проблема с евреями в Литве успешно решена», — хвастался он.

Однако нацисты не были удовлетворены этими достижениями. Изыскивая более эффективные средства по уничтожению большего количества евреев, они в течение нескольких месяцев экспериментировали с газовыми технологиями. Генрих Гиммлер, главный разработчик «окончательного решения еврейского вопроса», был сильно потрясен сценой массового расстрела, который он наблюдал в августе в Минске. Озаботившись психическим здоровьем своих подручных, он начал решительно продвигать развитие обезличенных способов убийств. В первую неделю декабря в Хельмно, около Лодзи, в Западной Польше были проведены первые опыты по массовому применению газа для уничтожения евреев.

Вступление в войну Соединенных Штатов после Пёрл-Харбора означало, что у Гитлера появился новый враг (11 декабря фюрер объявил войну Соединенным Штатам Америки), а у Сталина — новый могущественный союзник. Но к началу нового, 1942 года ситуация складывалась так, что немцы явно выигрывали войну. Если бы, как многие опасались, истекающий кровью Советский Союз сдался немцам, пятидесятидвухлетний неудавшийся пейзажист-фанатик осуществил бы свою мечту о мировом господстве.

Располагая всеми фактами последних ужасных событий, Тувья Бельский понимал, что, несмотря ни на что, главнейшая его задача — спасти всех родственников. Сначала он решил проникнуть в Лиду и вывести оттуда свою жену Соню и ее родных.

Как он это обычно делал, Тувья выдал себя за путника-крестьянина. Он шел в город в овчинном тулупе и ушанке, низко надвинутой на лоб. Его усы заиндевели от холода. В отличие от новогрудской, еврейская община в Лиде еще не была изолирована в гетто. Восьми тысячам евреев приказали сосредоточиться в трех различных секциях города. Тувья без труда проскользнул по улицам незамеченным.

Еврейская история Лиды — подобно историям всех восточноевропейских центров еврейства — это рассказ, полный несчастий, сопровождающих человеческое существование. На протяжении всей своей многовековой истории община переживала эпидемии, в том числе и ту, которая опустошила город в 1662 году; войны, в том числе и французскую оккупацию в 1812 году, которая едва не привела к полному разрушению города… И наконец, катастрофы, включая пожар в конце XIX столетия, в результате которого несколько синагог сгорело дотла. Литовские короли выстроили на холме замок, и поколениям детей рассказывали истории о зарытых там сокровищах. Но это добро проклято, предупреждали взрослые, и любой, кто попытается откопать его, будет погребен заживо.

В начале XX столетия в результате смены властей Лида превратилась в шумный промышленный центр; причем еврейская община играла далеко не последнюю роль в развитии частной инициативы и предпринимательства. На каучуковой фабрике, основанной в конце 1920-х братьями Кушелевичами, была занята тысяча рабочих, а два пивоваренных завода — один принадлежал Пупко, другой Папьермейстеру — были известны повсюду в довоенной Польше. Что касается духовной жизни, то в одном квартале города было сосредоточено несколько синагог, в том числе ортодоксальная, украшенная фресками известного местного художника, — она считалась самой красивой. Здесь жил раввин Исаак Яков Райнес. Он был одним из первых духовных лиц, приветствовавших сионизм, а также основателем движения «Мицрахи». После смерти рабби Райнеса в 1918 году главным раввином города стал его сын Аарон Рабинович. Он продолжал служить и тогда, когда нацисты вошли в город.

Тувья прибыл в Лиду, как раз когда совершилась передача власти от военных нацистской гражданской администрации, возглавляемой окружным комиссаром Германом Ганвегом. Окружной комиссар, член национал-социалистической партии с 1928 года, питал явную слабость к русским мехам. Как и Вильгельм Трауб, Ганвег обрушил на евреев жесточайшие репрессии.

Еврейское население уже успело познакомиться с двумя помощниками-садистами Ганвега. Один был Леопольд Виндиш, двадцати девяти лет, — сухощавый, темно-русый убежденный нацист. Он присоединился к гитлерюгенду, когда ему было четырнадцать, а затем подался в штурмовики. Его довоенные начальники превозносили его как «преданного национал-социалиста», чьи «разносторонние таланты в культурных сферах позволяют ему командовать большими группами людей».

В качестве юденреферента Виндиш учредил мастерские, в которых еврейские ремесленники должны были обеспечивать немцев товарами для войны. Он даже предпринял попытку регистрации всех местных жителей евреев в специальном списке, где отмечались адрес и род занятий каждого. Но его ежедневная работа состояла главным образом в том, чтобы держать в страхе еврейское население. Он проводил расследования в отношении всех, кого считал противниками нацистского режима, и лично наблюдал за групповыми казнями.

Другим основным источником еврейских страданий был тридцатичетырехлетний Рудольф Вернер — чиновник, ответственный за дела экономики и производства. Как и Виндиш, он с подросткового возраста был вовлечен в нацистскую политическую деятельность. Он проводил время, разъезжая на санях вокруг Лиды, вооруженный дробовиком и хлыстом, которыми он пользовался, чтобы измываться над евреями, занятыми на принудительных работах.

Но больше всего его запомнили по свирепой немецкой овчарке по кличке Доннер (Гром), которую он обучил нападать по команде «Доннер, фас еврея». Всякий раз, когда пес рвал в клочки одежду еврея или вцеплялся ему в ягодицы, Вернер разражался диким смехом. Один раз Вернер просто убил человека, который осмелился защищаться от нападения.

Явившись к родне жены, Тувья неожиданно обнаружил, что, несмотря на бесчинства, творившиеся в городе, семейство Тиктин не желает покидать город. Соню он даже не стал слушать: он просто приказал ей уходить вместе с ним. Но остальных родственников ему так и не удалось убедить сдвинуться с места. Муж сестры Сони, Альтер Тиктин, сказал, что не хочет, чтобы его жена Регина, дочь Лилка и пасынок Гриша подвергали себя такому риску. «Что толку пытаться быть умнее всех? — сказал он. — У нас нет другого выхода. В конце концов, здесь с нами тысячи евреев. Что случится со всеми, случится и с нами».

С тяжелым сердцем Тувья оставил их дом. Он попытался предупредить других евреев о том, что — он предвидел это — ожидало их в будущем. Он поговорил с членами семьи Бедзов, которых знал много лет, и сказал им, что лучше даже прожить зиму в лесу, чем под нацистскими монстрами. Но они не были готовы последовать за ним. Равно как и несколько торговцев, с которыми он тоже разговаривал. «Ты думаешь, они не смогут найти нас в лесу?» — спросил один из них.

Безусловно, решение бежать было во всех отношениях нелегким. Немногие знали местность так, как Тувья, и немногие могли, как он, во избежание подозрений со стороны крестьян

выдать себя за поляка или белоруса. «Убежать всегда можно, было бы желание, — сказал один человек. — Но зимой мы замерзнем в лесу до смерти. И нет никакой гарантии, что люди будут пускать нас к себе в дом. Некоторые уже пытались бежать, а потом вернулись, потому что не знали, куда им идти». К тому же намерения нацистов еще не были в полной мере известны. В отличие от Новогрудка, Лида пока не испытала на себе массовые убийства. Быть может, их еще и помилуют.

На пути из гетто Тувью заметил прохожий, который громко окликнул его: «Бельский, Тувья, погоди минуту!» Но, чем громче кричал человек, тем быстрее шагал Тувья, пока он и его жена не выбрались за пределы города. Еще два километра на запад, и они оказались у дома одного знакомого поляка, который согласился их приютить. Соня начала работать швеей у него в хозяйстве, а Тувье поляк пригодился в другом отношении: у него он разжился бельгийским браунингом и четырьмя патронами.

«Теперь у меня есть оружие», — думал он. Оставалось сколотить отряд из тех, кто не побоится с оружием в руках выступить против нацистов. Тувья уже знал о партизанах в тылу у немцев. Поиски соратников привели его к старому знакомому Мише Родзецкому, белорусу по национальности, коммунисту, чьи родные на протяжении многих лет привозили зерно к ним на мельницы. Когда-то Родзецкий помог Тувье получить работу в Лиде. Тувья нашел его на хуторе, принадлежавшем одному их общему другу.

Тувья очень уважал Мишину рассудительность, и ему не терпелось услышать его мнение по поводу вооруженной борьбы. Миша полностью поддержал его идею. Но постепенно Тувья понял, что создавать объединенную группу, где есть евреи и неевреи, не стоит. Он заметил, что крестьяне, которые сердечно относятся к Мише, смотрят на него самого с презрением. И Тувья засомневался: как Миша и его товарищи поведут себя по отношению к нему в критической ситуации?

Как бы то ни было, они расстались друзьями, и Тувья отправился назад в Лиду. В лесу недалеко от реки он наткнулся на трех советских солдат, которые отстали от своих отрядов и с тех пор прятались от немцев. Вооруженные единственной винтовкой, эти трое стремились найти оружие. Тувья упомянул о своем браунинге и предложил объединиться. Солдатам этот план пришелся по вкусу. Но их истинные чувства по отношению к евреям проявились после того, как однажды вечером они выпили слишком много водки. Один из них накинулся на Тувью с ножом, крича что-то о его «жидовской морде». Тувья потянулся за своим браунингом, который, как он позже узнал, был незаряжен, и

приставил его к виску пьяного.

Никто не пострадал, но Тувья вдруг с ошеломляющей ясностью осознал, что не может зависеть от подобных людей. «Если так ко мне относятся мои возможные соратники, — думал он, — то что ожидать от врагов?» Объединяться следовало только с теми, кому он мог доверять. Это означало одно: он должен был воссоединиться со своими братьями. Если он и добьется чего-нибудь, то только вместе с ними.

Тувья отправился в Станкевичи. Холодным вечером в конце февраля или начале марта 1942 года он шагал по лесной тропинке, когда его окликнули по имени. К немалому своему облегчению, он увидел, что это были Асаэль, Зусь и маленький Аарон. Они сидели в укрытии, когда вдруг заметили одинокого путника.

Братья говорили и не могли наговориться. Зуся и Асаэля волновала безопасность спрятанных родственников. По всем деревням были расклеены плакаты за подписью окружного комиссара Вильгельма Трауба, приказывающие «задерживать всех лиц без звезды Давида, которые внешне похожи на евреев». Тем же, кто помогает евреям, грозили всеми возможными карами. Асаэль и Зусь замечали, что бывшие друзья все неохотнее помогают им.

Полицаи ворвались в дом поляка Кота, который приютил нескольких родственников Бельских. Один из них, ударив пожилого крестьянина рукояткой револьвера, потребовал, чтобы тот сказал им, где прячутся браться Бельские.

— Они были здесь, — признался Кот. — Но они уже ушли.

— Почему ты укрывал их? — спросили полицаи.

— Они были вооружены, — ответил Кот. — Они приходят и берут то, что им нужно.

Упорно настаивавший на своей невиновности Кот был арестован и отведен в местный полицейский участок, где был избит так жестоко, что вскоре скончался.

Братья знали, что все это только подогревает враждебность по отношению к ним со стороны крестьян и тем самым затрудняет их положение. Как бы то ни было, они твердо решили раздобыть оружие. Но как? Ничто не имело такой ценности во время войны, как оружие. Без денег и с ничтожно малым количеством товаров для обмена их шансы были практически равны нулю.

Им нужна была хоть маленькая удача, и она действительно явилась им в виде двух внушительных фигур русских партизан. Тувья и Зусь наткнулись на них, выбравшись из крестьянского амбара после непродолжительного вечернего сна; утром жена

хозяина накормила их, но попросила уйти, когда они наедятся.

Вооруженные винтовками партизаны шли по тропинке вдоль реки. Их сопровождал маленький мальчик, который знал братьев. Увидев Тувью и Зуся, он радостно закричал. Партизаны вместе со своим маленьким помощником направились к братьям и с места в карьер объявили:

— Мы ищем патроны для наших винтовок.

«Если они ищут патроны, а мы — ружья, — подумал Тувья, — то, вероятно, мы способны помочь друг другу».

— У меня есть план, — сказал он им.

План заключался в том, чтобы захватить местного полицая Кузьминского, у которого, как они знали, была пропасть оружия. Русские, которым понравилась идея расправы с нацистским прихвостнем, согласились, не раздумывая.

Пока партизаны караулили на улице, Зусь ворвался в дом Кузьминского, где как раз в это время семья садилась за стол. «Никому не двигаться!» — крикнул он и направил пистолет в лицо полицаю. Ошарашенный Кузьминский попытался схватить свою винтовку, которая висела на стене. Но прежде чем он успел это сделать, в дом ворвались остальные и скрутили его. Затем они собрали все находившееся в доме оружие и отвели Кузьминского в лес, к партизанам.

Командира партизанского отряда звали Владимиром Угрюмовым. Это был солдат Красной армии, выходец из Грузии, в округе он был известен под псевдонимом Громов. Узнав о расправе над Кузьминским, он очень обрадовался и поздравил братьев с успешной операцией.

После того как один из людей Громова увел полицая в глубь чащи, командир поведал братьям, с чего началась его партизанская деятельность. Он заблудился в лесу после того, как в первые дни войны его батальон был рассеян немцами. Потом он объединился с несколькими другими бывшими солдатами — многие, как и он, не были из этих краев, — провел несколько боевых операций. Недавно они совершили набег на полицейскую заставу и захватили оружие.

— У нас много оружия, но мало боеприпасов, — сказал Громов.

Тувья был впечатлен. Он спросил, не примет ли Громов его с братьями в свой отряд.

Но Громов не захотел брать на себя ответственность за женщин и подростков из семейства Бельских. Но оружие дать обещал. Он сказал, что оружие, взятое в доме Кузьминского, должно принадлежать тому, кто его у него отобрал, то есть Зусю. Кроме того, он дал братьям несколько винтовок — правда, одну

из них с небольшим дефектом — и немного боеприпасов. Это была неслыханная щедрость по тем временам.

— Удачи вам, — с улыбкой сказал Громов, прежде чем раствориться в лесной чаще со своими верными соратниками.

Оружие придало братьям уверенности. Они посетили своих родственников мужского пола, включая братьев-подростков Пиню и Йоси Больдо и братьев Шломо и Абрама Дзенсельских (мужа Тайб), и каждого оделили винтовкой. Сломанную винтовку они закопали, решив починить ее немного позднее.

Асаэль, которому к этому времени было уже тридцать четыре года, также навестил Хаю Дзенсельскую, в которую был давно влюблен, и подарил ей пистолет. Оружие он ей дал не просто для того, чтобы она смогла защитить себя — так он признался в любви. Это случилось поздним вечером. Асаэль пришел в дом, где прятались Хая и ее родители, и без лишних слов попросил у четы Дзенсельских разрешения на брак с Хаей. Старик Дзенсельский ответил согласием. И тогда Асаэль прочел священные слова на иврите: «Ты этим кольцом посвящаешься мне по закону Моше и Израиля» и подарил молодой женщине… не кольцо, но маленький пистолет, немецкий маузер.

Брачная церемония в условиях военного времени не могла быть проведена раввином, как того требовали правила, но происшедшее было воспринято всеми, а особенно родителями Хаи, как настоящий брак.

— Когда он подарил мне пистолет, я уже была влюблена в него по уши, — позже вспоминала Хая. Она была очарована его преданностью. Рядом с таким сильным человеком жизнь казалась менее страшной.

Потом они пошли в сарай, и Асаэль показал Хае, как заряжать пистолет. Но, как позже вспоминала Хая, держа в руках оружие, она не думала о романтической любви — она думала тогда, что сможет убить себя, если немцы когда-нибудь схватят ее, да, она лишит себя жизни прежде, чем нацисты подвергнут ее издевательствам. Вот такая была у них счастливая брачная ночь…

Мало радостных новостей проникало за стены Новогрудского гетто весной 1942 года. Евреи, которые выжили в бойне 8 декабря, были втиснуты в крошечные каморки, двадцать человек были вынуждены ютиться в одной комнате. Число обитателей гетто неуклонно росло, туда начали сгонять евреев из близлежащих деревень и городов. Несколько тысяч новых обитателей были вынуждены жить на чердаках и в подвалах, в сараях и на конюшнях.

Каждое утро население гетто под конвоем отводили на

принудительные работы — или в здание суда, где трудились сапожники, портные, скорняки, или в бараки около Скрыдлева откуда группы чернорабочих распределяли на различные рабочие участки по всей области. У бараков несчастных встречал нацист, которого евреи звали Хацца: он напоминал известную в городе собаку, которая носила эту кличку. Сидя верхом на лошади, он издевался над рабочими, стегая их кнутом со свинцовым наконечником. Одним своим видом он наводил на людей такой ужас, что, когда он был на дежурстве, они работали в несколько раз быстрее.

Юденреферент Рейтер время от времени собирал жителей гетто и вещал о важности увеличения продуктивности труда. Он обещал, что скудные пайки будут увеличены, если евреи выкажут больше рвения в работе. Люди умирали от голода, и каждый день на соседнем поле хоронили новые тела.

Луч надежды блеснул, когда по гетто поползли слухи о партизанском отряде Громова. Говорили, будто бы он тайком прокрадывался в город, заходил к цирюльнику, чтобы побриться, и говорил, что очень скоро придет Красная армия и разобьет немецких оккупантов. «Скажите всем, что здесь был Громов!» — якобы говорил он. Немцы, как безумные, искали его по всему городу, но всегда безрезультатно — по крайней мере, так об этом рассказывали.

Воодушевленные этими рассказами, несколько молодых людей решили уйти к партизанам. Группе из десяти человек с ружьями, с большим трудом собранными из разрозненных деталей, удалось выбраться за границы гетто. Прошагав тридцать километров по сельской местности и миновав восточный приток реки Неман, они вошли в огромную Налибокскую пущу, которая, по слухам, была настоящим партизанским анклавом. Вскоре поползли слухи о том, что они были убиты в немецкой засаде. Также пошла молва, что советские партизаны не стремятся с распростертыми объятиями принимать в свои ряды евреев — они подозревали в них немецких шпионов.

Юденрат, еврейский совет, который нацисты поставили наблюдать за гетто, делал все, что мог, чтобы предотвратить побеги. Предупрежденные немцами о том, что все население гетто будет расстреляно, если хотя бы одного еврея недосчитаются, члены юденрата отобрали сапоги у всех, кто, как они подозревали, может бежать в лес. Иногда они задерживали потенциального партизана на ночь или две. Но их действия были ничто по сравнению с тем, что творили немцы. Молодую девушку, которая пыталась сбежать с нееврем, повесили на дереве — в назидание тем, кто мечтал о свободе, солдаты изуродовали ее

тело.

Проходили месяцы, и у обитателей гетто появилось предчувствие, что немцы планируют новое массовое убийство. Правда, некоторые верили, что, если они будут подчиняться приказам, их пощадят. Другие создавали убежища, надеясь спрятаться, когда немцы придут за ними.

В Лиде, где еврейское население было согнано в три отдельных гетто, также нарастали подобные опасения. В конце февраля у юденреферента Леопольда Виндиша, который приказывал расстреливать евреев за сокрытие такой мелочи, как кусок масла, появился прекрасный повод для террора. Кто-то ограбил православного священника, и немедленно возникло предположение, что это сделали евреи из гетто. Виндиш потребовал от юденрата найти воров, и юденрат выдал немцам шесть человек.

Во время допроса эти люди отрицали всякую причастность к преступлению. Спасая свои жизни и предавая, в свою очередь, предавший их юденрат, они сообщили немцам, что в городе незаконно прячутся евреи из Вильно по выданным в юденрате поддельным документам.

На рассвете 1 марта все евреи Лиды были выведены на площадь неподалеку от окружного комиссариата. Немцы расстреливали всякого, кто пытался оказать сопротивление, убивали пожилых и больных евреев, которые не могли шагать в ногу. Толпа в несколько тысяч человек простояла на площади несколько часов, не сомневаясь, что должно произойти что-то ужасное.

Потом всем было приказано пройти через специально сооруженные ворота. Один из обвиняемых в воровстве стоял у ворот и указывал на людей из Вильно, которых отводили в сторону. Некоторых из них убили на месте; остальных, около сорока человек, заключили в тюрьму и расстреляли позже.

Через неделю арестовали руководство юденрата, и Виндиш лично занялся расследованием. Приговор не вызывал сомнения с самого начала. Семерых членов юденрата пытали, а затем расстреляли. Калману Лихтману, председателю юденрата, выдавили глаза. Его лицо было так изуродовано, что опознать его удалось только по одежде.

Эти зверские убийства потрясли еврейское население, которое было склонно смотреть на юденрат как на своего защитника. Впрочем, кое-кто из узников гетто продолжал настаивать на том, что необходимо доказывать свою полезность немцам, и тогда удастся избежать казней. Поступило даже предложение открыть новые мастерские — чтобы показать

немцам свою лояльность. Начальнику Виндиша, окружному комиссару Герману Ганвегу, эта идея понравилась, и он разрешил открыть несколько дополнительных мастерских.

Члены еврейского совета старались привлечь как можно больше людей для работы в мастерских, думая, что это спасет их жизни. В результате около тысячи человек начали работать жестянщиками, портными, переплетчиками, электриками и плотниками. Но унижения не прекратились. Когда пришла весна, стало ясно, что грядут новые беды. «Земля горела у нас под ногами», — вспоминал один из узников гетто. Неуклонно увеличивалось число «случайных» расправ. По меньшей мере, восемьдесят евреев, работавших на складе конфискованных товаров, были убиты без видимых причин.

В начале мая Виндиш приказал чиновнику юденрата подготовить список всех здоровых евреев. Чуть позже в город прибыла группа СД из Барановичей. Их сопровождали команды немецкой жандармерии, а также литовские и латышские вспомогательные войска. Вечером 7 мая сельских жителей из нееврейского населения послали вырыть три больших траншеи в северо-восточном направлении от города, что они и сделали, расширив воронки от бомб.

В предрассветные часы 8 мая солдаты отряда специального назначения окружили еврейские кварталы города и приказали всем выйти на улицу для проверки документов. Тех, кто медлил, они силой вытаскивали наружу. Многие были в ночных рубашках и пижамах. Затем обитателей гетто под конвоем провели в центр города. Всех, кто отставал, расстреливали на месте.

На площади евреев разделили на две группы. Молодые квалифицированные рабочие и их семьи по большей части направлялись налево — их решили оставить в живых; всех остальных отправляли направо — их ожидала смерть в траншеях. Виндиш при помощи польского переводчика лично контролировал сортировку и часто посылал направо здоровых рабочих, имевших разрешения на работу. Он даже упрекнул своего командира Германа Ганвега за то, что тот оставляет в живых слишком много евреев. «Хочется всех их отправить направо!» — сказал он.

Раввин Аарон Рабинович лихорадочно расхаживал взад и вперед, читая нараспев «Шма Исраэль» (Слушай, Израиль) — символ веры иудеев, произносимый на протяжении двух тысяч лет еврейских страданий. Вдруг он поднял голову к небу и воскликнул: «Евреев убивают Твоим именем!»

Обреченных на смерть построили в колонну и повели на окраину города. Один человек сбежал из рядов, когда они

приблизились к месту казни. «Один из охранников побежал за мной и сбил меня с ног, — рассказывал он много лет спустя на суде над военными преступниками. — Затем он дал очередь из автомата. Два выстрела задели мой затылок… Я лежал в луже собственной крови и притворялся мертвым в какой-то сотне метров от места казни… Я видел, как, немного не доходя до места казни, евреев заставили раздеться, а затем встать на доски, которые были переброшены над могилами. Затем их расстреляли из пулеметов. Я видел Виндиша и Ганвега на месте казни. Не знаю, был там Рудольф Вернер, или он расстреливал тех, кто пытался сбежать. Я сам видел, как Виндиш пристрелил ребенка, которого подбросил в воздух какой-то литовец или латыш…»

Из трех траншей одна была приготовлена для детей. Многих, прежде чем убить, вырывали из рук родителей. Бандиты, в общей сложности около ста человек, по большей части литовцы и латыши, в перерывах между расстрелами жадно хлебали водку. Очевидцы вспоминали, что они были сильно пьяны.

К пяти часам вечера было убито около пяти тысяч пятисот евреев; более половины еврейского населения города. Пьяная расстрельная команда возвратилась в Лиду, где в столовой был накрыт специальный ужин. Убийцам подали еще водки, и большая их часть засиделась там за полночь.

Виндиш и Вернер, наряду с шестью членами СД из Барановичей, наслаждались тем, что один очевидец потом назовет «приятной вечеринкой», в одном из кабинетов штаб-квартиры окружного комиссариата. До глубокой ночи они пили и слушали одного австрийца, принимавшего участие в расправе, который играл, по свидетельству очевидца, на скрипке с «заметной виртуозностью».

На следующий день те же самые офицеры из окружного комиссариата и спецкоманда отправились в соседний Желудок, где были казнены, по меньшей мере, тысяча сто евреев. Лишь восемьдесят восемь квалифицированных рабочих оставили в живых, 10 мая палачи поехали в Васильки и организовали массовое убийство еще тысячи восьмисот евреев. Около двух сотен евреев помиловали. В небольшом городке Вороново 11 мая было расстреляно около двух тысяч евреев. «Мы, представители благородной арийской расы и наш фюрер, не будем спать спокойно до тех пор, пока не уничтожим вас всех, — заявил Виндиш небольшой горстке уцелевших в Воронове. — Немногие избранные среди вас пока живы, но если вы не будете подчиняться нашим правилам и законам, от вас даже мокрого места не останется». 12 мая в городе Ивье было казнено две тысячи триста евреев. По завершении казни Виндиш наблюдал за

тем, как еврейская похоронная бригада поливает могилы негашеной известью. «Быстрее, быстрее, кончайте с еврейским дерьмом!» — вопил он.

Когда Тувья узнал об убийствах в Лиде, он через посыльного-нееврея послал семейству Тиктин письмо: «Надо уходить, потому что бойня не закончилась. Я не могу гарантировать, что в лесах у нас не будет никаких трудностей, но, по крайней мере, там будет шанс остаться в живых. Уходите немедленно».

Алтер Тиктин по-прежнему сомневался. Но после нескольких недель раздумий он понял, что Тувья говорит правду. Все выжившие лидские евреи были согнаны в один городской квартал, окруженный забором с колючей проволокой. В Лидском гетто у них не было будущего.

Однажды вечером, в июне, Алтер, его жена Регина, пасынок Гриша и дочь Лилка прокрались по пустынным улицам гетто и проползли под оградой. Боясь привлечь внимание злобных сторожевых собак, которые охраняли забор по периметру, они едва дышали, пробираясь под спутанной проволокой. Ползком они добрались до поля, затем вошли в лес и, следуя указаниям Тувьи, проследовали к дому, где пряталась Соня. Там они встретились с Тувьей, немного передохнули, и он повел их в Станкевичи. По дороге Тувья рассказал, что у них теперь хватает оружия и что они уже переместили в лес семнадцать своих родственников.

Проведя на ногах большую часть ночи, Тувья, Соня и семейство Тиктин добрались до небольшого лесного лагеря и увидели нескольких человек, сидевших вокруг маленького костра, на котором варились два цыпленка. Самый старый из родни Бельских — Аарон Дзенсельский, отец Хаи, — исполнял обязанности повара.

— Надеюсь, эта еда кошерная? — пошутил Тувья.

— О да! — со смехом ответил Дзенсельский. — Под мою личную ответственность!

После ужина и задушевной беседы члены нарождающейся лесной общины отправились спать.

Глава четвертая
Июнь 1942 — Октябрь 1942

В первые дни мая 1942 года, приблизительно в то время, когда немцы проводили массовые акции по уничтожению евреев в Лиде, братья решили перевести своих родственников в небольшой лес возле Станкевичей. Для Тувьи, Асаэля и Зуся это не составляло никакого труда. Они всю жизнь прожили в двух шагах от леса, и каждый из них провел часть первых военных месяцев, ночуя под деревьями. Но другим жизнь в лесу представлялась делом рискованным: как бы ни было трудно существовать, прячась на сеновалах и в подвалах, все это казалось им проще, чем жить в лесу.

Впрочем, братья не собирались ни спорить, ни обсуждать эту идею. Они просто знали, что никакого другого способа выжить нет. Получив оружие от Громова, они теперь могли защитить женщин и стариков. Наступила весна, и появилась возможность спать под открытым небом. Пора было уходить в лес. «Лес был нам знаком, и в случае опасности мы могли укрыться в чаще», — позже писал Тувья.

Итак, все вместе они отправились в мир сосен, дубов и елей, с его грибами и ягодами. Там все спали под навесами, сделанными из одеял, привязанных к веткам деревьев, а братья назначали часовых, чтобы охранять спящий лагерь от чужих.

Самой насущной проблемой было обеспечить людей продовольствием; после того как группа пополнилась пришедшими из Лиды, в ней стало более двадцати человек. До этого местные крестьяне снабжали их продуктами, но теперь еды на всех не хватало, и поиски провианта поглощали у братьев все свободное время. Еще с довоенных времен у семьи Бельских было много союзников и друзей, но как долго они могли оставаться союзниками? Чтобы добыть курицу или немного картофеля, братьям часто приходилось угрожать оружием, а это могло спровоцировать крестьян обратиться за помощью к немцам.

Хотя их отряд был очень уязвим, братья стремились создать впечатление о нем как о большой и хорошо вооруженной группе бойцов, которые, не раздумывая, разберутся со всяким, кто откажется поделиться с ними припасами или донесет властям. Они хотели, чтобы имя Бельских вселяло ужас в сердца сельских жителей. Только это, считали они, могло дать им шанс на выживание.

Те, кто не имел оружия, шли на задания с длинными

палками, которые в рассеянном свете луны были похожи на винтовки. Они носили патронташи, раздутые от использованных патронов. Они, кружа по деревне, во все горло распевали военные песни на русском языке. Зусь доходил до того, что выводил из дома хозяйского сына, сдавал его на руки товарищам и стрелял в воздух. Затем он возвращался в дом и объявлял крестьянину и его семье: «Мы уже убили одного вашего сына. Сейчас убьем второго». Сраженный горем человек, как правило, мгновенно отдавал все, что от него требовали.

Тувья все сильнее осознавал необходимость в увеличении численности отряда. «Тувья понимал войну лучше, чем кто бы то ни было, — говорил Пини Больдо, родственник семьи Дзенсельских, который был в отряде Бельских с самого начала. — Когда началась война, все думали, что это вопрос нескольких недель, но Тувья сказал, что она может затянуться на годы и что выжить мы можем, только объединившись в большую группу».

Довольно долго братья обсуждали, стоит ли принимать в группу новых членов. Когда же решили принимать, выяснилось, что немцы усилили охрану гетто. Значит, требовалось найти того, кто сможет проникнуть в гетто и доставить его жителям послание с призывом бежать, чтобы влиться в отряд Бельских.

На эту роль мог подойти старинный друг семьи белорус Константин Козловский. Это был тихий, ничем не примечательный человек, который зарабатывал себе на жизнь, разъезжая по деревням и продавая недорогие товары. Он жил на околице деревни Макреты, в километре или двух от Станкевичей; он и его братья с детства знали семью Бельских. Мальчики Козловских проводили так много времени со своими еврейскими соседями, что выучились разговаривать на идише. Зусь даже подшучивал, что Константин знает идиш лучше, чем он сам.

Трудно было придумать более непохожих по характеру людей, чем братья Бельские и братья Козловские. В то время как Бельские любили, что называется, пустить пыль в глаза — флиртуя с местными крестьянскими девушками и ввязываясь в неприятности с полицией, — Козловских вполне устраивала размеренная замкнутая жизнь. «Мы все по сравнению с Бельскими были скучные», — говорила Ирина Козловская, племянница Константина. По существу, Козловские идеально подходили для тайной миссии, которую им предназначали братья.

К началу войны Константин и пять его детей — его жена умерла родами в 1939 году — жили на ферме неподалеку от дома, который делили его братья Михаил и Александр со своими семьями. Четвертый их брат, Иван, был полицаем в Новогрудке.

Увидев Бельских, Константин очень обрадовался и

предложил всем по стакану самогона.

— Мое сердце подсказывало мне, что вы придете, — сказал он им на идише. — Про вас рассказывают, вы грабите людей. И что ваша сестра Тайб Дзенсельская и остальные женщины тоже в этом участвуют.

Подумав, он добавил, что, по словам его брата Ивана, немцы пытаются завербовать людей, которые помогут им поймать Бельских.

— Мое отношение к вашей семье не изменилось, — сказал он, выслушав братьев. — И я сделаю все, чтобы вам помочь.

— А как насчет Ивана? — спросил Тувья. — Ведь он работает на фашистов и может всех нас выдать.

Константин ответил Тувье, что брат с недавних пор начал недолюбливать оккупантов.

Впрочем, выбора у них не было, и Тувья попросил Константина передать письмо его двоюродному брату Юде Бельскому в Новогрудское гетто.

> Дорогой Юда!
>
> Мы прячемся в лесу и не собираемся подчиняться фашистам. Забирай свою жену и всех надежных людей. Мы вместе что-нибудь придумаем. Пожалуйста, не сомневайся. Надеюсь вскоре увидеть тебя в лесу.
>
> *Твой брат Тувья.*

Они не сомневались, что немцы планируют в Новогрудке новые убийства и дни многих евреев в гетто сочтены, и поэтому спешили. Однако все равно не успели. В начале августа немцы внезапно арестовали, а затем расстреляли весь юденрат в составе двенадцати человек. 6 августа несколько сот евреев, квалифицированных ремесленников, было отконвоировано к зданию суда. Еще несколько сот евреев, чернорабочих, отвели в южную часть города, в квартал военных бараков. Остальные — несколько тысяч человек — остались в гетто.

Вечером в гетто началась паника. Многие попытались бежать, и около 150 человек, включая детей, сумели перелезть через ограждения и прокрасться к зданию суда. У тех, кого фашисты собрали здесь, было — это чувствовали все — больше шансов остаться в живых. Родители пытались спрятать детей, боясь, что немцы расценят их как лишние рты, бесполезные для работы и потому подлежащие уничтожению.

На следующее утро, в четыре часа, немцы и их сообщники выгнали всех узников гетто на улицу. «На землю!» — закричал один из немцев. Несколько часов все пролежали лицом вниз.

Солдаты прогуливались среди лежащих людей, пиная их ногами.

Потом всех погрузили на грузовики и отвезли в небольшую деревню Литовка, расположенную к северу от города. В отличие от расправы 8 декабря, немцы не потрудились замаскировать свое преступление. Могилы были вырыты всего в нескольких метрах от главной дороги. Евреев согнали с грузовиков, приказали выстроиться в линию перед ямами и расстреляли. Было убито по различным оценкам от одной до пяти тысяч евреев, их тела покрыли слоем негашеной извести и засыпали песком.

После этого спецподразделение отправилось к зданию суда за прячущимися там детьми. «Они забрали мою маленькую сестренку, — вспоминала Лея Берковски. — Я хотела побежать за ней, но мама сказала мне: „Ничего не делай. Они просто собираются отвезти ее обратно в гетто“».

Солдаты обыскали здание и вышвырнули всех найденных детей в окна на мостовую. Один из карателей не сумел открыть заржавелый замок на двери подвала и позвал еврейского мастера Шмула Оппенхайма. Поковырявшись с замком, Оппенхайм покачал головой: «Никак не открыть». Солдат пошел дальше, а Оппенхайм с облегчением вздохнул: за дверью скрывалось несколько детей.

На следующий день оставшиеся в живых, приблизительно тысяча двести человек, были распределены поровну между зданием суда и бараками. Им приказали возобновить работу. С наступлением ночи здание суда окружили колючей проволокой — оно стало вторым Новогрудским гетто.

После нескольких дней проживания в бараках чернорабочих под конвоем отвели туда, где еще недавно было первое гетто; теперь это было пустынное, зловещее место. Дома разграбили, окна и двери были открыты настежь. На тротуарах лежала запачканная кровью одежда; немецкие офицеры подбрасывали ногами мусор. Юденреферент Рейтер приказал чернорабочим собраться в центральной части бывшего гетто.

— Отныне, — сказал он, — здесь больше нет еврейской общины. В этом месте будет еврейский трудовой лагерь, и те, кто будет работать, останется в живых. Но любая незаконная деятельность означает для вас мгновенную смерть.

После второй резни некоторые евреи, особенно квалифицированные мастера, которые были нужны немцам для военных нужд, решили, что их уже не тронут. Однако чернорабочие в трудовом лагере ясно понимали, что их гибель — это только вопрос времени.

Через несколько дней после резни 7 августа Константин Козловский добрался до Новогрудского гетто в Перешике и

передал Юде Бельскому письмо Тувьи. Юда, сын одного из братьев Давида Бельского, уже и сам обдумывал побег. От еврейских рабочих, переведенных в Новогрудок из соседнего Дятлова, он знал о партизанских отрядах, воюющих в Липичанской пуще, — лесу, расположенном далеко на западе. Удерживал его слух о том, что несколько беглецов из гетто были убиты русскими партизанами-антисемитами. Но после письма от Тувьи он все-таки решился.

Собрав группу единомышленников (включая свою жену Иду), он обсудил с ними идею побега в лагерь братьев Бельских. Один из них, мужской парикмахер Песах Фридберг, выразил сомнение, которое терзало всех, кто думал о побеге: удастся ли обмануть охрану и как? И что, если побег станет причиной гибели тех, кто останется здесь, за колючей проволокой? Но все знали, что в результате массовых убийств в Новогрудке погибло свыше семи тысяч евреев и большинство живых тоже, вероятнее всего, обречены на скорую гибель. Все равно умирать, заключили собравшиеся, почему бы тогда не умереть, пытаясь обрести свободу? Группа решила бежать в одну из ночей в середине августа.

В последующие дни Песах изучал передвижения часовых, карауливших территорию гетто и его обитателей. Он наблюдал за тем, как белорусские и польские каратели, пособники нацистов, обходили по периметру маленькое гетто: без надзора оставались отдельные его участки и то лишь на непродолжительные промежутки времени. Этими короткими минутами и решено было воспользоваться.

Темной ночью, едва прошли часовые, группа из девяти человек выломала три доски в заборе и вылезла через пролом. Вдруг они заметили, что один часовой развернулся и пошел назад прямо на них. Беглецы замерли в темноте. В последнее мгновение часовой опять сделал поворот на сто восемьдесят градусов и зашагал в сторону своих товарищей.

— Чудо! — позже определил Песах.

Беглецы перебежали в открытое поле и достигли лесного массива, через который направились к дому Козловского. Так как они периодически сбивались с пути, путешествие заняло большую часть ночи. Когда они, наконец, добрались до цели, Иегуда пошел к дому, в то время как другие спрятались поблизости в лесу.

Константин тепло приветствовал усталого беглеца и сказал ему, что он только что разминулся с Бельскими.

— Не волнуйся, — сказал Константин. — Они часто сюда заходят. Скоро они снова будут здесь.

Когда Юда рассказал белорусу о тех, кто прячется в лесу,

Константин дал ему бидон молока и каравай хлеба.

Юда возвратился в лес и положил продукты на землю. Вкус их показался беглецам божественным. Они всю ночь проговорили в радостном предвкушении новой жизни.

Утром один из них спросонья закричал:

— Вставайте! Пора идти на работу!

Его товарищи расхохотались.

— С этого дня никакого принудительного труда, — с улыбкой сказал Юда. — Никаких немцев, и никакого гетто. Мы в лесу!

Но спать больше они не могли — с дороги доносилось громыхание крестьянских подвод. «Немцы тоже ездят по этой дороге, — подумал Юда. — Из гетто мы убежали, но мы по-прежнему в опасности».

Спустя некоторое время они все замерли, услышав, что кто-то приближается к ним через лесные заросли. Это был Константин. Он принес хлеба, колбасы и самогона. Уходя, он посоветовал беглецам все время быть начеку.

— Будьте осторожны, — сказал он. — В лесу тоже есть уши.

Несколько дней им пришлось провести в лесу, дожидаясь братьев Бельских. Явившись, те повели новичков через чащу к своему лагерю, расположенному к юго-западу от деревни Буцкевичи. Прибытие этой группы ознаменовало поворотный момент в развитии лагеря Бельских: теперь в отряд входили люди, которые не были их близкими родственниками.

Тувья, Асаэль и Зусь столкнулись с новой дилеммой: сколько еще евреев они смогут и захотят принять? Они знали, что, если сюда хлынет поток людей, бегущих из гетто, вероятность того, что их обнаружат, сильно возрастет. Было также ясно, что, если в леса прибудет слишком большое число беглецов, на вооруженных членов отряда падет непосильное бремя: они будут вынуждены добывать все больше провизии. Это означало дополнительный риск и необходимость иметь дело с большим числом нееврейских жителей, которым они не могли доверять. Братьям надо было принять непростое решение.

Изначально Асаэль и Зусь полагали, что в отряд надо брать только молодых евреев, да и то не всех. Они думали действовать по примеру советских партизан, которые наносили стремительные удары, а затем исчезали в лесных чащах. Но Тувья охладил их пыл. Да, сказал он, мы должны воевать с теми, кто хочет нашей смерти, но мы не можем отворачиваться от евреев, которые приходят к нам в поисках убежища, иначе мы обречем их на смерть.

Вскоре после прибытия в отряд новичков состоялось собрание, на котором взял слово Юда.

— Друзья мои, мы пришли сюда, в лес, не для того, чтобы есть, пить и веселиться, — сказал он. — Мы пришли сюда, чтобы выжить. А значит, наша цель состоит в том, чтобы найти дополнительное оружие и начать борьбу с оккупантами. Мы должны сосредоточиться на самом главном: мстить, мстить и снова мстить убийцам! Надо выбрать командира и дать отряду имя, — продолжал он. — На должность командира я предлагаю своего двоюродного брата Тувью Бельского.

Тувья встал — высокий, широкоплечий — и произнес пламенную речь.

— Мы не можем просто сидеть и прятаться, — сказал он. — Мы должны сделать что-то для нашего народа. Мы не можем сидеть в кустах и ждать, пока эти звери не придут за нами. Мы должны посылать людей в гетто, чтобы спасать евреев.

— Ты сумасшедший, — сказал Аарон Дзенсельский, один из самых пожилых в отряде. — Нас здесь чуть более двадцати душ, и то нам не хватает еды. А что мы будем есть, когда нас станет еще больше?

Тувью поддержали Асаэль и Зусь, но это не остановило ропот неодобрения.

— Мы потеряли наших жен и детей, а вы хотите, чтобы мы пошли в гетто и привели сюда нахлебников? — спросил кто-то из вновь прибывших.

Ему ответил Песах Фридберг.

— Стыд и позор, что я позвал такого, как ты, с собой в лес, — сказал он. — Тувья, я буду первым, кто отправится в гетто!

— Первыми, кто туда отправится, будут те, кто отказался это сделать, — жестко сказал Тувья. — А если они откажутся, им не место среди нас. Такие люди нам здесь не нужны. Если у них нет силы духа, это их научит.

Потом он объявил, что отношения в отряде будут устроены по образцу военной организации. Чтобы выжить, отряд должен будет работать как единое целое. Все должны подчиняться приказам — независимо от того, согласны они с ними или нет. У него нет времени слушать возражения.

— Все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны[2], — процитировал он из Исхода слова, сказанные израильтянами после того, как Моисей передал им повеление Господне. — Наш отряд, созданный ради спасения евреев, будет действовать, опираясь на самые высокие заповеди нашего народа.

Только Тувья Бельский мог убедить членов отряда принять столь опасный план. Он производил впечатление бесстрашного человека, но он был больше чем просто воин. Его сила убеждения усиливалась почти мистическим ощущением причастности к

еврейскому народу. Он признавался, что у него такое ощущение, будто сам Бог руководит братьями Бельскими.

Тувья был яркой натурой, полной противоречий. Он, не стесняясь, плакал, когда вспоминал о жертвах бесчеловечных нацистских убийц. Он мог быть жестоким и нежным, грустным и насмешливым, импульсивным и рассудительным. Но прежде всего он был очень решительным человеком.

Предложение Иегуды Бельского назначить Тувью командиром поддержали единогласно. Тридцатичетырехлетний Асаэль стал заместителем командира, а тридцатилетнему Зусю, третьему по старшинству, поручили руководить сбором разведданных. Песах Фридберг был назначен на должность начальника штаба — в его обязанности входила подготовка к боевым операциям.

Тувья предложил назвать отряд в честь маршала Георгия Жукова, который, как он узнал из передач радио, был у Сталина главнокомандующим. Братья понимали, что связь с коммунистами, воюющими против нацистов, может оказаться полезной на определенном этапе борьбы. Они никогда не были приверженцами идей коммунистической партии или Советского Союза — совпадение интересов было случаем. Но они с радостью пошли навстречу этому случаю: ведь дело касалось беспощадной войны против свирепого врага их народа. Их цель заключалась в спасении евреев, и что было плохого в том, что их действия соответствовали лозунгу советской пропаганды «Защитим Родину от фашистских оккупантов!»?

Итак, борьба началась.

Боеспособные члены отряда под руководством Иегуды Бельского и Песаха Фридберга были посланы в Новогрудок, чтобы вызволить людей из гетто и привести в лес. А по гетто уже ползли слухи — в гетто новости всегда распространялись быстро — об убежище под защитой братьев Бельских. Все только и говорили о смелом побеге Иегуды, и многие намеревались последовать его примеру. Теперь, с ясным представлением о том, куда бежать, они были готовы рискнуть. Оставалось преодолеть ограду и ускользнуть от белорусских и польских охранников. Правда, прошел слух, что братья Бельские отказывают в убежище тем, кто не связан с ними кровным родством, но это не остановило массовый исход из гетто, начавшийся в последние дни августа 1942 года.

Бойцы из отряда Бельских способствовали побегам изо всех сил. Вот как много лет спустя вспоминала об этом родственница Дзенсельских, тогда двадцатилетняя девушка Соня Больдо. К ней подошли двое из отряда Бельских, сумевшие проникнуть в гетто, и предложили проводить ее в лес. Сначала она ответила отказом,

но родители ее переубедили.

— Ты должна бежать, — сказали они. — Лучше быстрая смерть от немецких пуль в лесу, чем медленная смерть в гетто.

Соня стала уговаривать подругу, восемнадцатилетнюю Лею Берковски, бежать вместе. Но та не хотела покидать родителей. Но когда родители Леи узнали об их плане, они настояли на том, чтобы их дочь тоже бежала в лес, видя в этом единственный шанс на ее спасение.

— Ты просто обязана уйти вместе со мной, — сказала Соня. — Мне страшно, как и тебе, но это наш единственный шанс.

Мать зашила Лее немного денег в подкладку пальто.

— Этим пальто ты будешь укрываться по ночам, — сказала она. — Ты будешь спать под ним, и тогда ты не замерзнешь.

В день побега отец Сони дал часовым бутыль самогону, и к вечеру они мертвецки напились. Ночью Лея, Соня и несколько других обитателей гетто в сопровождении бойцов из отряда Бельских перелезли через забор, проскользнули мимо пьяных охранников и устремились к лесному лагерю Бельских. На подходе к лагерю бойцы трижды свистнули, подавая сигнал.

Соня Больдо и Лея Берковски изумились тому, что увидели. Ярко полыхал костер, а вокруг ходили мужчины с ружьями. Но ведь немцы были так близко! И как только такое было возможно?

— Мне было страшно даже смотреть на них, — вспоминала Соня Больдо. — Я не привыкла к таким людям. Они много месяцев провели в лесу и выглядели такими заросшими и лохматыми. Они совсем не были похожи на горожан.

В лагере она встретила Хаю Дзенсельскую, которую знала еще с довоенных времен. Та рассказала ей, как она обручилась — а фактически вышла замуж — с Асаэлем Бельским. Разбитная Соня, далекая от щепетильности, спросила:

— А для меня здесь командира не найдется?

И такой командир в лагере был! Зусь, потерявший жену и новорожденного ребенка в кровавой декабрьской бойне, единственный из братьев жил один. Хая тут же познакомила их, и было видно, что Соня понравилась Зусю. Но Соня была избалованной дочкой богатых родителей, она ходила в лучшие школы и мечтала об учебе в Сорбонне. До войны она дважды побывала в Париже. А Зусь был простым парнем, и от него пахло водкой. Соня смотрела на этого огромного деревенского парня с пистолетами за поясом, воплощенную мужественность, и чувствовала, как ее девические мечты о европейской кофейне с чашечкой горячего кофе стремительно ускользают прочь.

— Хочешь глоточек водки? — спросил Зусь.

— Да, — нерешительно ответила она, никогда прежде не

пробовавшая алкоголя, и сделала маленький глоток.

— Может, еще что-нибудь? — спросил он.

— Нет. Я просто хочу отдохнуть.

Зусь снял пальто и накрыл им девушку, и она быстро заснула.

В течение нескольких следующих дней Зусь преследовал Соню и упорно задавал один и тот же вопрос, согласна ли она стать его «лесной подругой». Но Соня была непреклонна. «Я думала тогда: как можно встречаться с таким, как Зусь? Я не знала его, и он мне совсем не нравился», — вспоминала она много лет спустя. А тогда ее мысли были заняты родителями, которые до сих пор находились в гетто. Она решила заключить с Зусем сделку: «Выведи моих родителей из гетто, и я стану твоей подругой».

В конце августа и начале сентября поток беглецов из гетто не прекращался — в лагерь прибывало все больше и больше людей. Некоторые сами нашли дорогу в лес. Один молодой человек по имени Михл Лейбовиц сбежал из Новогрудка вместе с тремя своими братьями и еще четырьмя мужчинами. Он явился в дом одного своего знакомого еще с довоенных времен, и тот свел его с крестьянином, который показал дорогу к лесному еврейскому лагерю.

Другой житель Новогрудка — Айк Бернштейн однажды поздно ночью с двумя своими друзьями перелез через забор гетто и всю ночь блуждал по округе. Им повезло: в своих блужданиях они наткнулись на дом связного Бельских — Константина Козловского.

— Вам повезло, ребята, — сказал Козловский. — Вы будете жить.

Он спрятал их на сеновале, утром затопил баню и накормил завтраком. Вечером того же дня в дом прибыли четыре вооруженных бойца из лагеря Бельских и отвели беглецов на лесную базу.

Двадцатилетняя Рая Каплинская бежала из Новогрудка в составе группы из одиннадцати человек. К этому времени нацистское начальство усилило охрану гетто, но все же они решили пойти на риск. Беглецы пролезли через дыру в заборе, но были замечены местными полицейскими и немцами, расположившимися на соседнем пригорке. Солдаты открыли по ним огонь, но, по счастью, никто из них не пострадал. В конце концов им тоже удалось добраться до хутора Козловского. Случилось так, что там в это время находились Песах Фридберг и юный Аарон Бельский.

— Теперь вы свободны, — сказал Фридберг. — Здесь вас

никто не найдет.

На пути к лесному лагерю неожиданный лай собаки заставил беглецов съежиться от ужаса. Песах и Аарон расхохотались:

— Это наши собаки, они вам ничего не сделают.

В течение нескольких недель отряд увеличился более чем вдвое. Среди беглецов были и родители Сони Больдо. Зусь сдержал слово, данное им Соне, и девушка в ответ сдержала свое — она стала его «лесной подругой».

Однако многие обитатели гетто бежать не хотели. Некоторые потеряли в бойне свои семьи и были в таком смятении, что не видели смысла в жизни. «Что нам побег из гетто? — говорил человек, потерявший дочь. — Почему бы нам не умереть здесь?» Других пугала перспектива зимовки в лесу. Страшили и принятые немцами дополнительные меры охраны: после удачного побега группы Раи Каплинской они усилили контроль над гетто, тем самым значительно сократив поток беглецов.

Но отнюдь не все восхищались братьями Бельскими.

В последние дни августа один из связных сообщил Бельским, что среди местного населения зреет недовольство еврейскими партизанами — из-за того, что они отнимают у крестьян еду.

Тувья приказал своим людям проявлять максимум осторожности и без нужды не вступать в конфликты с крестьянами. Правила были просты: брать у них только самое необходимое для выживания, остальное оставлять хозяевам. Впрочем, братья знали, что с них как с евреев иной спрос — их поступки расцениваются совсем не так, как если бы то же самое делали неевреи. Крестьянин, которому придется делиться своими съестными припасами с «бандой жидов», непременно пожалуется на «грабителей». Это мнение Тувьи получает подтверждение из советских источников. В справке по партизанскому движению, датированной и ноября 1942 года, отмечается, что «местные жители (к западу от Новогрудка) не любят евреев. Они называют их исключительно „юдами“. Если еврей заходит в дом и просит еды, крестьянин рассказывает, что его ограбили евреи. Но когда вместе с ним приходит русский, проблем не возникает».

Наконец, до Бельских дошли сведения, что партизаны хотят упразднить еврейский отряд. Таким образом, серьезная угроза его существованию исходила не от немцев, а от людей, которые вроде бы находились на одной стороне с Бельскими. Братья посовещались и решили попробовать договориться с партизанами.

Была назначена встреча на заброшенном хуторе. Братья вооружились до зубов и с тяжелым сердцем отправились в путь — они были готовы к самому худшему. На хуторе их ждал молодой

русский офицер Виктор Панченков.

Виктор, которому едва исполнилось двадцать лет, был значительно моложе троих братьев Бельских. Но, несмотря на это, у него был богатый военный опыт. Он уже успел окончить военное училище и повоевать в Финляндии в 1940 году. Накануне вторжения Гитлера он получил звание лейтенанта и был отправлен в часть, дислоцированную на западной границе СССР. Его часть была рассеяна в июне 1941 года, а сам он, оказавшись в глубоком тылу у немцев, сумел добыть гражданскую одежду и выдать себя за сельскохозяйственного рабочего.

Весной 1942 года он вместе с другими отбившимися от своих частей солдатами и несколькими мужчинами из местных организовал партизанский отряд. К апрелю в нем было тридцать человек. Виктора избрали командиром, а отряду — чтобы походить на настоящее воинское соединение — присвоили номер 96.

Виктор был очень хорош собой, и это сразу оценили местные женщины. Впрочем, Тувью это мало интересовало.

— Почему местное население называет ваших людей еврейской бандой? — спросил Виктор, сразу переходя к делу. — Почему вы грабите людей?

Тувья ответил, что он не главарь «еврейской банды», а командир партизанского отряда имени маршала Жукова.

— Родина нуждается в нас, чтобы вести общую борьбу против немецких оккупантов, — сказал он. — И она не делает различия между евреями и неевреями.

Умный Тувья сразу нашел правильные слова. Виктор был коммунистом и интернационалистом, он вырос в краю, где с 1917 года управляли Советы, и его отец был председателем колхоза. Он верил, что в рабоче-крестьянском раю не будет места антисемитам.

— Но крестьяне говорят, что вы грабите их! — сказал он.

— Тогда единственный способ решить проблему — встретиться с теми, кто нас обвиняет.

И они договорились вместе отправиться к самому активному жалобщику. Так и сделали, явившись через несколько дней в деревню Негримово.

Тувья постучал в окно и попросил у хозяина немного продуктов.

— У меня ничего нет, — сказал крестьянин. — Меня евреи ограбили. Все забрали, даже скатерть со стола унесли.

В разговор вмешалась его жена.

— Всех евреев поубивать надо! — выкрикнула она, высунувшись в окно. — Немцы сами берут то, что им надо.

Русским мы бы все сами, до последней крошки, отдали бы. Но чтобы евреям!..

Виктор вошел в дом и увидел, что на столе полно еды и спиртного. В гневе он выхватил пистолет и направил на трясущегося от страха хозяина.

Но за того неожиданно вступился Тувья.

— Пока продолжается война, — чуть позже сказал он, — ты никогда не должен различать партизан. Партизан, который придет к тебе в дом и попросит еды, будь то еврей, поляк, русский, белорус или цыган, должен быть накормлен. Ты обязан запомнить этот урок, иначе это плохо для тебя кончится.

Тувья почти дословно повторил то, что говорило радио Москвы, и это, конечно, помогло ему завоевать расположение Виктора. Правда, Виктор не успокоился, и они обошли все дома, хозяева которых обвиняли евреев в грабежах. В итоге с Бельских были сняты все обвинения. После этого лед между Виктором и братьями Бельскими растаял, и они согласились объединить усилия для боевых операций.

Завершался сезон уборки урожая. Амбары ломились от зерна, которое вскоре собирались отправить либо в Германию, либо в действующую армию. Виктор и Тувья решили помешать этому. Они разделили людей на небольшие группы, поручив каждой поджечь одно из зернохранилищ. Поджоги должны были состояться в полночь 1 сентября 1942 года. План сработал блестяще. Все сразу потушить было невозможно, и в результате пожар уничтожил тысячи тонн пшеницы.

Когда огонь только разгорался, неожиданно появились советские самолеты и подвергли бомбардировке стоявшую неподалеку немецкую часть.

— Мы любовались великолепным зрелищем, — позже писал Виктор. — В амбарах полыхал фашистский хлеб, а над нашими головами гудели советские самолеты.

Эта воздушная атака значительно подняла авторитет двух партизанских отрядов. «Они теперь в контакте с Москвой!» — повторяли люди. Что могло лучше убедить крестьян в необходимости обеспечения еврейских партизан продовольствием?

Окружной комиссар Вильгельм Трауб был захвачен врасплох происшедшим, и, похоже, всерьез опасался партизанского вторжения в Новогрудке.

Тувья предложил Виктору и далее действовать вместе. Но братья, да и другие члены его отряда, встретили эту идею прохладно — они не хотели объединяться с неевреями. Что помешает людям Виктора, если они когда-нибудь попадут в плен,

показать путь к лесному лагерю евреев? Пусть сам Виктор казался хорошим человеком, но где гарантия, что его товарищи окажутся такими же людьми? По мнению Зуся, все они были «бандитами и антисемитами».

Виктор, истинный коммунистический идеалист, попытался развеять их опасения.

— Антисемитизм чужд советским людям, — говорил он. — Всякий, кто выказывает ненависть к евреям, — враг советского народа и заслуживает смерти как предатель. Я сам с удовольствием расстреляю такого человека!

И он уговорил-таки объединиться для новой боевой операции, которую сам спланировал. Идея заключалась в том, чтобы отбить у немцев экспроприированные у крестьян съестные припасы. Виктор предложил устроить засаду на дороге, неподалеку от деревни Новая Ельня.

Двенадцать бойцов из отряда Бельских расположились возле шоссе, там, где машины из-за крутого поворота вынуждены были сбавлять скорость. Десять партизан из отряда Виктора спрятались с другой стороны дороги, прямо напротив людей Бельских. Девчонке из соседней деревни поручили дать знак партизанам, когда колонна подойдет достаточно близко к повороту.

Бойцы выжидали; тем временем мимо то и дело проезжали немецкие бронированные машины. Наконец, юная дозорная сообщила, что приближаются две машины: автомобиль с нацистскими офицерами и грузовик с продуктами. Едва появился автомобиль, партизаны открыли по нему огонь, но фашисты успели проскочить. Но когда грузовик поравнялся с поворотом, партизанские залпы попали в цель: шины грузовика были прострелены, а раненый водитель сполз на сиденье.

Несколько фашистов и местных полицейских выпрыгнули из грузовика и стали стрелять в партизан, но попали под перекрестный огонь и побежали к лесу, бросив убитых и раненых. Грузовик достался партизанам (в нем, кроме продуктов, оказались и боеприпасы), они опустошили его и подожгли.

— Мы взяли столько продовольствия и боеприпасов, сколько смогли унести на наших плечах, — вспоминал Михл Лейбовиц, один из бойцов отряда Бельских. — Позже немцы возвратились, чтобы забрать мертвых, а заодно найти виновных. Им подвернулся какой-то бедолага, который рубил дрова в лесу, и они, наверное, решили, что это Тувья Бельский. Увезли несчастного в Новогрудок и повесили на ярмарочной площади.

Отряды поровну разделили трофеи, среди которых были пулемет, винтовки, несколько сотен патронов и огромное количество провианта. В тот вечер в отряде Бельских был

праздник — бойцы праздновали первую победу над немцами. А на следующий день братья передислоцировали лагерь глубже в лес — все понимали, что теперь немцы наверняка постараются уничтожить партизан.

В начале сентября отряд Бельских отметил Рош-а-Шана, а десять дней спустя — Йом Кипур. В праздники сильнее ощущалась боль потерь, трагедии, связанной с массовыми убийствами. Рош-а-Шана, еврейский Новый год, традиционно является временем переосмысления всего, что случилось в предыдущем году, это время размышлений и оценки того, насколько каждый соответствует ожиданиям Бога. Алтер Тиктин, свояк Тувьи, решил провести праздничную службу с молитвенниками, которые ему удалось вынести из гетто, несмотря на риск, не отрекаясь от своего еврейства. Он встал у дерева и начал читать. Наконец, он дошел до проникновенной молитвы рабби Амнона, которого в XI веке в немецком Майнце поставили перед выбором: отказаться от иудаизма или лишиться рук и ног. Согласно легенде, рабби Амнон повторял эту молитву во время пытки. Алтер Тиктин читал волнующие строки: «Кто будет жить, а кто умрет? Кто погибнет в огне и в воде… кто от меча, кто — от дикого зверя, кто — от шторма, кто — от чумы, а кто — от удушения?» — и вдруг потерял сознание. Его с трудом привели в чувство.

Но не все операции Бельских и Панченкова проходили гладко. Так, неудачей закончилось нападение на железнодорожную станцию Яцуки, расположенную на участке Лида-Барановичи. Станцию охраняли около сорока немцев, вооруженных автоматами и пулеметами. Они сумели перейти в контратаку, и партизаны вынуждены были отступить. «Мы не взяли никаких трофеев», — вспоминал Зусь. Правда, ни один из партизан не был ранен. После этого немцы усилили охрану объектов в округе.

Но у Бельских было много забот, не только военных. Приближалась зима, и кроме боевых действий им приходилось думать о том, как сделать так, чтобы более сотни их человек не замерзли в лесу. Крестьяне распространяли слухи о немецком наступлении на партизан, и братья решали вопрос, не уйти ли еще дальше в глубь леса. И при этом их мысли постоянно возвращались к гетто, где продолжали страдать евреи. Они думали, как спасти людей от новой резни.

И все-таки братья понимали, что совершили нечто очень существенное. За два месяца, прошедшие с того дня, когда Тувья передал письмо своему двоюродному брату в гетто, отряд вырос численно в несколько раз, превратившись из небольшой семейной

группы в боевую еврейскую силу, и наносил удары по нацистам. Они достойно противостояли могущественному врагу, который не щадил ни сил, ни ресурсов для уничтожения евреев. Братья имели полное право испытывать гордость.

«…Это было нечто большее, чем просто удовлетворение, это была настоящая духовная победа — ведь остались в живых евреи и действовали еврейские партизаны, — позже писал Тувья об этих днях. — Своей борьбой мы хотели доказать антисемитам, жившим в богатстве и роскоши за счет наших страданий, что пророчество Гитлера, будто евреев можно будет увидеть только в кино, — просто наглое надувательство».

Глава пятая
Октябрь 1942 — Февраль 1943

Гитлеровская идея «окончательного решения еврейского вопроса» реализовывалась стремительными темпами. Убийства теперь совершались в лагерях смерти — за один август 1942 года более 200 тысяч евреев были убиты в аду Треблинки; почти все они были из Варшавского гетто. Историк Мартин Гилберт назвал это «самой большой бойней <…> во Второй мировой войне». То же самое происходило повсюду. Свыше 145 000 евреев было убито приблизительно в тот же самый период в концлагере Бельзек в нескольких сотнях километров к югу от Треблинки.

На оккупированных нацистами территориях Советского Союза было убито огромное количество местных евреев — по некоторым подсчетам, более миллиона. Но нацистским убийцам этого было мало — они стремились ускорить темпы уничтожения, массовые казни не прекращались.

Красная армия героически защищала Москву и Ленинград, но не смогла выполнить приказы Сталина о контрнаступлениях — все они провалились, исчерпав и без того истощенные ресурсы. Советский диктатор показал себя слабым военачальником. К лету 1942 года Гитлер почувствовал себя более уверенно. В июле немцы нацелились на Сталинград, город на Волге в двух тысячах километров от Берлина. Наступление началось в конце августа, когда шестьсот боевых самолетов несколько дней бомбили город, уничтожив около сорока тысяч жителей. Немцы рассчитывали на легкую победу, но бойцы Красной армии стояли насмерть. Атаки с земли и с воздуха продолжались весь сентябрь, большинство домов было разрушено снарядами. Фашисты уже предвкушали, как пройдут по улицам города, названного в честь советского вождя.

Тем временем братья Бельские продолжали свою войну. Быстрое укрупнение отряда привело к изменению его структуры. Он был разбит на небольшие группы, каждая из которых имела собственную задачу: добывание пропитания, акции против немцев и полицаев, вывод евреев из гетто в лес. «Лучше я спасу одну старушку еврейку, чем убью десять вражеских солдат», — любил повторять Тувья. Зусь и Асаэль предпочитали помалкивать — днем и ночью оба думали только об уничтожении немцев.

Асаэль выделялся среди неискушенных в военном деле бойцов. Он всегда первым шел навстречу опасности — например, заходил в незнакомые крестьянские дома. При этом он был

скромен и добр, и все партизаны видели в нем товарища. Если Тувью уважали и почитали, то Асаэль был любим. Неистовый Зусь выглядел весьма эффектно в сравнении с тихим Асаэлем. Его лихая самоуверенность была заразительна, и многие хотели быть на него похожими. Зусь носил свой пистолет напоказ, заткнув его за пояс. У него не было ни врожденного благородства Тувьи, ни мягкости Асаэля. Но никому лучше него не удавались разведывательные операции, к тому же он отлично ориентировался в лесу и мог с завязанными глазами вывести людей в нужное место. Благодаря этому качеству Зусь спас множество жизней.

Одним из руководителей отряда стал и бежавший из Новогрудка бывший офицер польской армии Лазарь Мальбин, потерявший в бойне 7 августа 1942 года пятерых своих родственников, и среди них двух дочерей семи и одиннадцати лет. Коренастый сорокаоднолетний заика, он не был склонен к разговорам, но зато хорошо знал военное дело и, по словам Тувьи, «не ведал, что такое страх». Мальбин стал начальником штаба вместо Песаха Фридберга, который, в свою очередь, занял пост главного партизанского интенданта, ведавшего хранением и распределением провизии и боеприпасов. Мальбин идеально подходил для планирования боевых операций.

Молодые евреи, прибывавшие в отряд, быстро привыкали к партизанской жизни. Они уверенно разгуливали по лагерю, от них почти всегда пахло самогоном, добытым у крестьян, и переговаривались они между собой на грубом жаргоне. «Они были грубы, — рассказывала Сулья Рубин, которой было восемнадцать лет, когда она пришла в лагерь. — И поначалу к этому было непросто привыкнуть, потому что это было мало похоже на родительский дом».

Однако и в этих условиях, когда грубость нравов, казалось бы, неизбежно становилась нормой, юноши и девушки влюблялись друг в друга. К тому же многие женщины понимали, что у них будет больше шансов выжить, если они будут близки с молодыми бойцами. Впрочем, несколько партизанских «браков» оказались столь прочными, что сохранились и после войны.

Реальность войны была такова, что «люди действия» ценились в отряде гораздо выше, чем нахлебники, не способные держать оружие, — и не важно, что Тувья все время говорил о необходимости защищать наиболее слабых евреев. Таких презрительно называли «мальбушим», что в переводе с иврита означает «тряпки», и сравнивали их полезность с изношенными штанами. «Бойцы были недовольны, когда в отряде появлялись старики, больные или дети, — утверждала Лилка Тиктин,

сбежавшая из Лидского гетто вместе со своим отцом, мачехой и сводным братом. — Партизаны говорили: „Зачем они нам? Они нам не нужны“».

С наступлением холодов братья решили организовать две небольшие зимние базы в соседних лесах неподалеку от Станкевичей. Часть группы предполагалось разместить в лесу, известном под названием Перелаз, а остальных — в лесу Забелова. Было ясно, что люди не смогут спать на голой земле или под навесами из одеял, необходимо было построить какое-то жилье. Под руководством плотника Юды Левина, прибывшего в лагерь в конце августа, началось строительство четырех больших землянок — двух в Перелазе и двух в Забелове; в каждой должно было разместиться от двадцати до сорока человек.

Обитатели землянки попадали внутрь по маленькой лесенке. Сразу за лесенкой шли два ряда деревянных коек, покрытых соломенными тюфяками. Здесь всегда было темно — вместо светильников использовали сосновую лучину. Стоя посередине, человек мог выпрямиться, но вообще-то в землянках было очень тесно. Если кто-то ночью переворачивался во сне на другой бок, то весь ряд спящих должен был перевернуться вместе с ним.

Была вырыта еще одна землянка, предназначенная стать чем-то вроде больницы, хотя медикаменты в отряде практически отсутствовали. Затем были устроены погреба для хранения картофеля и других продуктов.

Содружество Бельских с Виктором Панченковым все укреплялось. Виктор передавал Тувье данные своей разведки и консультировался с ним, прежде чем предпринимать военную операцию. Они также поделили между собой соседние деревни, и каждый согласился добывать пропитание только в этих определенных зонах. Но самая значимая помощь Панченкова заключалась в том, что он направлял в лагерь Бельских евреев, бежавших из гетто.

Партизаны их отрядов вместе отпраздновали 7 ноября 1942 года годовщину Великой Октябрьской революции. Они слушали патриотические радиотрансляции из Москвы, которые, как всегда, призывали советских граждан к борьбе с немецкими оккупантами. 16 ноября, в двадцать первый день рождения Виктора, Бельские гостили в его отряде и вдоволь напелись партизанских песен.

В течение этих недель относительного затишья росла уверенность братьев в своей способности защитить зависимых от них людей. Они полагали, что те могут оставаться в лесах Забелова и Перелаза довольно долгое время.

Но Бельские ошибались.

В первые дни декабря 1942-го, когда земля уже покрылась снегом, немцы повели массированное наступление на партизан, начав с Липичанской пущи, находившейся далеко на западе. Там базировалось несколько партизанских отрядов, в том числе и еврейский, сформированный из тех, кто сумел выбраться из гетто в Дятлове и небольших окрестных городов.

Через несколько дней до братьев дошли страшные рассказы о побоище, устроенном фашистами. Евреи, которым удалось бежать из Липичанской пущи, рассказывали, что нацисты прочесали каждый метр лесной чащи, сожгли дома в окрестных деревнях и расстреляли много безоружных крестьян. Среди убитых был доктор Йехезкель Атлас, отважный еврейский партизан, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и Хирш Каплинский, беглец из гетто, собравший еврейский партизанский отряд летом 1942 года.

Бельские привели свой отряд в состояние полной боевой готовности. Сначала они намеревались защищаться, но затем поняли, что, пока не поздно, надо уходить с насиженного места. Ведь они теперь отвечали за жизнь более сотни человек. Отряд оставил теплые землянки, в которых люди едва успели обосноваться, и по лесным дорогам направился на север. Через несколько дней они вышли к околице крошечного поселка Журавельники, где немцев еще ни разу не видели. Здесь разбили временный лагерь и развели костры, чтобы люди смогли хотя бы немного обсушиться. Затем двинулись еще дальше на север, в район деревни Храпинёво.

Несколько дней спустя в отряде отпраздновали Хануку. Этот праздник знаменует чудо масла, которое горело восемь дней в меноре Храма после победы Маккавеев над сирийскими завоевателями, осквернившими Храм. После пересказа знакомой истории один из мужчин заметил, что Красная армия, наконец, одерживает победы на Востоке и вскоре погонит немцев назад к Берлину.

Но такие моменты оптимизма были крайне редки. Люди ужасно страдали на новом месте — ведь приходилось спать на голой земле. Некоторые бойцы, уставшие от трудностей, связанных со снабжением безоружных и беспомощных «мальбушим», поговаривали об уходе и формировании своих собственных отрядов. Главными смутьянами в этом вопросе были два брата из Новогрудка — Аарон и Мордхе Любчанские, которые во всеуслышание объявили, что пойдут своим путем.

Именно этого больше всего опасался Тувья, когда

формировался отряд. Зусь и Асаэль предлагали обойтись с Любчанскими как с изменниками, но Тувья решил иначе. Подумав, он приказал всему отряду собраться в одном месте и произнес речь.

— Наша цель, как я уже говорил, состоит в том, чтобы спасать евреев и принимать их в отряд с широко раскрытыми объятиями, — сказал он. — И мы выполняли эту святую миссию с истинным самопожертвованием. Я хочу спросить братьев Любчанских: «Покажите мне того, кто научил вас стрелять? И кто дал вам оружие?» Я приказываю братьям Любчанским и тем, кто их поддерживает, сдать оружие и пусть идут на все четыре стороны.

Тувья дал Любчанским двадцать четыре часа, чтобы собраться, и пригрозил расстрелом, если они задержатся. Это был ясный сигнал всем, кто мог расколоть отряд. Не ожидавшие такого поворота, Любчанские пошли на попятный. Тувья позволил им остаться, но при условии, что оружие они все-таки сдадут.

Неделя прошла спокойно, и братья решили, что опасность миновала. Они послали две группы вооруженных бойцов назад, к землянкам в лесах Перелаза и Забелова, на разведку. Сами они остались на новом месте. Люди из лагеря рассредоточились по округе, многие обосновались прямо в лесу. Двенадцать человек нашли пристанище неподалеку от Храпинёва в двух крестьянских домах, в которых жили пожилые поляки. Это обернулось трагической ошибкой.

Среди этих двенадцати были жена Тувьи — Соня, ее сестра Регина Тиктин и сын Регины — Гриша; в лесу они ужасно страдали от холода, и нормальное человеческое жилье показалось им настоящим спасением. Все они несколькими месяцами ранее были выведены Тувьей из Лидского гетто. К ним присоединились несколько вооруженных бойцов. Жена Зуся, тоже Соня, устроилась в соседнем доме вместе с Хаей, женой Асаэля, и Исраэлем Котлером, которого в шутку прозвали Салантером в честь основателя движения Мусар раввина Исраэля Салантера.

Они не могли выбрать себе худшие места для постоя. В полдень 5 января 1943 года местные полицаи и немцы в маскхалатах, что делало их незаметными на снегу, подобрались к деревне. Они застигли врасплох единственного часового, которого еврейские партизаны выставили на дороге, и убили его. Это произошло на глазах двух русских партизан, случайно оказавшихся в Храпинёве. Они помчались к дому, где скрывались Салантер и жены Зуся и Асаэля, и успели опередить немцев:

— Уходите немедленно! Сюда идут немцы!

Все трое выскочили из дома так быстро, как только могли, и

побежали, увязая в глубоком, по колено, снегу. Внезапно Соня провалилась в какую-то глубокую яму.

— Хая, беги, — сказала она жене Асаэля. — Скажи моим родителям, что меня убили.

Но Хая и Салантер отказались оставить ее. Они ухватили Соню за волосы, затем за руки и вытащили из ямы. Потом все трое смогли достигнуть спасительной опушки.

Им повезло. Немцы забросали дома гранатами и убили всех, кто попытался убежать. Затем они начали прочесывать деревню и обнаружили молодого партизана Леви Вулкина, который спрятался в надворной постройке. Его схватили и начали допрашивать, добиваясь, чтобы он открыл местонахождение еврейского лагеря. Когда он отказался говорить, его подвергли жестоким пыткам. По рассказу Хаи, ему выдавили глаза, а позже повесили на ярмарочной площади в Новогрудке.

Когда Тувья, Зусь и Асаэль услышали выстрелы, они вскочили на лошадей и вместе со своими бойцами поскакали в Храпинёво. Но они опоздали. Повсюду лежали трупы. «Это было нечто неописуемое», — позже говорил Тувья. Все трое решили, что их жены погибли.

По меньшей мере, девять евреев были убиты. Это были первые потери, понесенные отрядом Бельских за шесть месяцев с момента его формирования. Были убиты и три поляка, которые так рисковали, приютив евреев.

Тем же вечером глава местного полицейского участка собрал деревенских мужчин, чтобы похоронить погибших.

— Нас пошло человек пятнадцать, — вспоминал белорус Иван Коренюк, один из них. — Мы их похоронили. Все они были без одежды. Полиция, видимо — не немцы, — забрала всю одежду. Их побросали в яму и закопали. Никакой дощечки, ни камня, ничего.

Братья были убиты горем. Они отправились в дом к Константину Козловскому, где оплакивали своих молодых жен. Но на следующее утро к дому подкатили сани, и из них выбрались Соня Больдо, Хая и Салантер. «Это было так, будто они явились с того света», — говорил Зусь.

Но Сони, жены Тувьи, среди них не было. Тувья был безутешен.

Вскоре отряд вернулся на базы в Перелазе и Забелове. Нападение на Храпинёво нанесло страшный удар по отряду. Ощущение собственной неуязвимости отныне навсегда покинуло братьев Бельских.

Община продолжала расти. Евреи прибывали в отряд и днем,

и ночью, иногда группами, иногда поодиночке. Обитатели лагеря неизменно расспрашивали их о жизни в гетто и о здоровье тех, кто остался. Особенной удачей считалось, если кто-то являлся в отряд с оружием. Братья всегда были рады прибавлению числа бойцов, способных защитить лагерь.

Бежавший из трудового лагеря во Дворце, небольшом городишке к юго-западу от Новогрудка, Ицхак Новог рассказал Тувье о группе из двадцати евреев, которые прятались на уединенном хуторе рядом с деревней Абелькевичи. Тувья, и прежде слышавший о них от Виктора Панченкова, спросил Новога, знает ли он, как найти беглецов. Тот ответил утвердительно и добавил, что у них есть оружие.

— Тогда мы навестим их, — сказал Тувья. — Это прекрасная возможность увеличить число вооруженных людей в нашем отряде.

Тем же вечером трое братьев Бельских и около дюжины партизан погрузились в сани и отправились в путь. Немецкую заставу на железнодорожной станции Яцуки бойцы обогнули. «Немцы сидели в своих бункерах, греясь у печей», — позже писал Тувья. Перед рассветом партизаны добрались до сельского дома с амбаром. Оба строения были почти погребены под снегом. Братья поставили часовых, а сами направились в дом. Хозяин предложил им отдохнуть и поесть. После еды партизаны вскользь упомянули, что слышали, будто в доме прячутся евреи.

— Что? Я ничего не знаю о евреях, — хозяин осенил себя крестным знамением. Он все отрицал, пока Тувья не пригрозил ему пистолетом. — Загляните в сарай, — сказал он.

Партизаны вошли в сарай и никого не увидели. Лишь хорошенько поискав, они обнаружили под грудой соломы вход в погреб. Один из них, Бенцион Гулькович, открыл дверь и окликнул на идише:

— Евреи! Не бойтесь! Выходите!

Ему никто не ответил. Тогда Гулькович с пистолетом в руке спустился в погреб и обнаружил там несколько евреев с ружьями в руках.

— Товарищи, с вами хочет поговорить командир партизанского отряда Бельский. Не бойтесь!

Наконец Исраэль Кесслер, вожак прятавшихся в погребе, согласился подняться наверх. После обмена приветствиями — Кесслер уже слышал о Бельском и его отряде — Тувью пригласили в погреб. У стены он увидел несколько двухъярусных коек. В центре стоял стол, окруженный стульями.

Кесслер зажег керосиновую лампу, и Тувья разобрал в темноте лица некоторых из окружавших его людей.

— Я Тувья Бельский, — сказал он, — командир еврейского партизанского отряда.

— Скажите, товарищ, вы — сын Давида из Станкевичей? — спросил один человек.

— Да, а кто вы?

— Я Авремл, брат Мишки из Буткевичей.

— Надо же! — обрадовался Тувья, словно встретил близкого человека. — Это место небезопасно. Немцы могут узнать о вас, и несколько гранат разом покончат со всеми. У меня большой отряд, и я хочу, чтобы вы к нему присоединились. Приводите с собой ваших жен и детей, приносите все свои вещи. Никакого гетто, никакого страха…

Кесслер ответил, что хотел бы обсудить предложение со своими людьми. Они переговорили в углу, и он вернулся со встречным предложением: четверо его людей отправятся на базу Бельских и решат, стоит ли им перебираться на новое место.

— Вы изучали Библию? — спросил Тувья. — Иисус Навин послал шпионов в Иерихон, и они попали в ловушку. Им пришлось обратиться за помощью к блуднице, чтобы она вызволила их. Со мной вам не придется завоевывать Иерихон. Я предлагаю просто присоединиться к нам. Вы будете жить по тем же правилам и распорядку, что и мы. Поэтому нет никакой нужды проводить переговоры.

Люди Кесслера снова поговорили между собой и наконец решились. Кесслер только спросил Тувью, сможет ли его группа жить вместе в одной землянке. Тувья пожал плечами:

— Почему бы и нет? Стройтесь. В лесу достаточно места для новой землянки.

Тувья и Кесслер обменялись рукопожатиями. Спустя минуту Кесслер заговорил об одном из местных жителей, который выдал немцам несколько евреев, в том числе детей. Его дом недалеко отсюда, сказал Кесслер, и все сразу поняли, что он предлагает.

Под покровом темноты они отправились в Абелькевичи, остановились у дома на окраине и задали хозяину несколько вопросов — их интересовало, есть ли в деревне немцы. Вокруг стояла идиллическая тишина. «Здесь все выглядит так, будто нет никакой войны, — подумал Тувья. — Будто ничто никогда не тревожило эти места…»

В тишине партизаны подошли к дому доносчика. Прежде чем войти в дом, они надели красные нарукавные повязки с черными свастиками.

Бенцион Гулькович постучал несколько раз, прежде чем за дверью отозвались:

— Зачем так шуметь? Я иду. — Ему открыл средних лет

белорус.

— Посторонние в доме есть? — спросили партизаны.

— Нет.

Они вошли. Песах Фридберг присел на кровать рядом с белорусом.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Живы будем, не помрем, всех жидов мы перебьем, — ответил хозяин.

— Мы-то ловим евреев, — сказал Песах. — Но мне хотелось бы знать, почему ты зеваешь. Столько евреев разгуливает по дорогам! Почему их так мало на твоем счету?

— Я много евреев поймал, — настаивал человек. — Несколько дней назад я сдал двух женщин, двух детей и двух мужчин. Я связал их, как овец, и продержал ночь у себя в сарае. Они чуть не замерзли до смерти. Потом я отвез их в полицейский участок. А пару недель назад я сдал одиннадцать человек. Кроме того, я сдал полиции еще двух — у одного даже был револьвер…

В то время как он говорил, его жена стояла в сторонке, явно гордясь достижениями мужа.

Песах посмотрел на Тувью. Тот мерил шагами комнату.

— Он — наш человек! — сказал Песах, обращаясь к Тувье. — Смотри, какую огромную работу он выполнил.

Песах спросил белоруса, есть ли у него оружие.

— О да, конечно! — Хозяин дома попросил сына принести автомат и револьвер.

Песах посмотрел на стоявшего у двери Бенциона Гульковича и прочел в его глазах нетерпение.

— Но как ты можешь так поступать? — вдруг сказал Тувья. — Как может человек спокойно сдавать людей на бойню? Зачем ты это делаешь?

— Вы это о чем? — спросил белорус. — Это закон. Мы должны повиноваться закону.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Песах, который больше не мог сдерживаться.

— Кто?

— Я еврей. — Он ударил человека наотмашь по лицу. Остальные последовали его примеру, с криком «Я еврей» нанося удары хозяину. Затем, как вспоминал Тувья, начался «кровавый концерт».

Всей семье доносчика было приказано лечь на пол. Потом их изрешетили пулями.

— Все они были убиты, — позже говорил Тувья. — Ни одной живой души не осталось. Мы не пощадили даже их кошку и собаку.

Партизаны обыскали дом и нашли одежду с желтыми звездами. Выведя хозяйскую лошадь, забрав оружие и кое-какие вещи, они подожгли дом. У входа в охваченный пламенем дом Тувья оставил записку, где написал, что семья была казнена за помощь немцам в поимке евреев и что подобная участь ожидает каждого, кто делает то же самое.

Пожар освещал всю округу. Тувья предложил во избежание неприятностей поехать окольным путем, но Асаэль сказал:

— Мы поедем прямо через деревню!

Сани были загружены, и процессия двинулась через деревню. В ту минуту, когда они выехали за околицу, местные жители начали стрелять по партизанам. Лошадь, взятая у доносчика, была ранена, и ее вместе с санями пришлось бросить прямо на дороге. Остальные сани рванули вперед.

Песах и Зусь, замыкавшие обоз, выпустили по нападавшим несколько очередей из автоматов и забросали их гранатами.

— Везде была кровь, — вспоминал Михл Лейбовиц, раненный в руку и грудь. — Я сказал им: оставьте меня. Со мной все кончено. Пуля попала мне в грудь. Они ранили меня в самое сердце!

Но Асаэлю даже не понадобилось осматривать рану, чтобы понять, что с Лейбовичем все будет в порядке.

— Если бы они ранили тебя в сердце, — со смехом сказал он, — ты был бы уже на том свете.

Они вернулись в лагерь, нагнав страху на нацистских пособников по всей округе и увеличив размер еврейского отряда на двадцать человек.

В начале февраля в лагерь Бельских прискакал всадник от Виктора Панченкова с посланием, адресованным руководству отряда. Оно было подписано Федором Синичкиным, командиром партизанской бригады имени Ленина; он приглашал братьев на встречу возле деревни Буткевичи.

Бельские прихватили с собой еще пятерых бойцов и отправились на маленькую поляну у края леса, где собрались партизаны из разных отрядов; был там и Виктор Панченков.

Сорокадвухлетний Синичкин носил звание капитана; он вступил в Красную армию еще в 1919 году. Со дня своего назначения командиром бригады имени Ленина в декабре 1942-го он сумел объединить многие партизанские отряды, и теперь они выполняли приказы центрального командования. Его штаб был расположен в Липичанской пуще.

Синичкин похвалил братьев, сказав, что знает об их действиях.

— Наши планы состоят в том, чтобы уничтожать врага на каждом шагу, — сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. — Мы будем атаковать железнодорожные станции, взрывать мосты. Мы будем уничтожать немецкие запасы продовольствия. И мы попытаемся сохранить столько жизней наших людей, сколько сможем.

Синичкин сказал, что каждая боевая единица в составе его бригады отныне будет называться подразделением и подчиняться его приказам. Бригада, в свою очередь, будет подчинена руководителям Барановичского центрального штаба партизанского движения, который возглавляет генерал-майор Василий Чернышев, известный под псевдонимом генерал Платон. Потом Синичкин попросил, чтобы каждый командир детально описал свой отряд, его вооружение и запасы продовольствия.

Тувья, бегло говоривший по-русски, сообщил, что его отряд имени маршала Жукова состоит из 250 человек, но из них лишь менее половины способны воевать. При этом он подчеркнул, что его люди рвутся в бой — вот только оружия у них не хватает. Выступили и другие командиры. После этого Синичкин объявил о реорганизации партизанского движения в округе. Отныне, сказал он, бойцы Панченкова будут называться отрядом «Октябрьский», а группа Бельских войдет в нее в качестве роты. Отряды, добавил Синичкин, будут обязаны поддерживать тесный контакт с бригадным командованием, держать его в курсе относительно всех своих боевых операций, появления новых членов и поставок боеприпасов.

В Москве надеялись, что реорганизация приведет к установлению твердого политического и военного контроля над всеми партизанскими группами. Но этого не случилось. По-прежнему отряды действовали самостоятельно, и только крупномасштабные операции планировались вышестоящим командованием. «В течение этих дней мы почти не получали распоряжений относительно боевых операций», — рассказывал Лазарь Мальбин, начальник штаба отряда Бельских.

Но отряд братьев официально входил в партизанское движение, и спасение евреев — спасение советских людей, как это объяснил Тувья Синичкину и другим партизанским командирам, — было санкционировано советскими властями. Впрочем, еврейским партизанам приходилось тяжелее, чем всем остальным. Когда однажды братья пожаловались Синичкину на русских партизан, которые отобрали у евреев оружие и одежду, тот обещал принять меры, однако и пальцем не пошевелил.

Глава шестая
Февраль 1943 — Апрель 1943

Для тех, кто томился в гетто Лиды и Новогрудка, было одно магическое слово — «Бельские». Оно означало таинственный мир, где евреи свободны от боли нацистских издевательств и где пособники нацистов трясутся от страха перед еврейской силой. Одного упоминания имени Бельских было достаточно, чтобы подать надежду измученным узникам.

Около тысячи человек оставалось в двух гетто Новогрудка, квалифицированные мастеровые — в здании суда, а чернорабочие — в Перешике. Более трех тысяч евреев было собрано в гетто Лиды, где повсюду висели немецкие листовки, обещавшие вознаграждение в 10 000 рейхсмарок любому, кто окажет содействие в поимке братьев Бельских.

После массовых казней предыдущей весны полиция в Лиде пополнилась новыми сотрудниками, а юденрат был реформирован. Под руководством двух членов юденрата, инженера Альтмана и торговца Альпенштайна, были расширены рабочие мастерские. Оба верили, что немцы не хотят убивать квалифицированных рабочих, — а те трудились из последних сил, чтобы избежать смерти во рвах. В плотницкой мастерили игрушки для детей нацистов, ремесленники соорудили железную дорогу для отпрысков окружного комиссара Германа Ганвега — очень похожую на настоящую. Кожевенники изготавливали пояса, сумочки, кошельки для жен оккупантов. Ганвег часто говорил Альтману и Альпенштайну о том, как он доволен продукцией евреев.

— Ничего плохо не случится с вами, даже если всех евреев в других гетто уничтожат, — сказал он. — Здесь вы останетесь в живых.

Однако не все в это верили. Некоторые молодые люди пытались приобрести оружие, зачастую путем тайного обмена с крестьянами. Поврежденное оружие восстанавливали в ремонтной мастерской, прямо под носом у сотрудников окружного комиссариата. Время от времени из гетто случались побеги, но большинство его обитателей по-прежнему колебалось — на них влияли рассказы о евреях, которых заманили в засаду русские партизаны или выдали немцам местные жители. К тому же наметилось относительное послабление порядков — два самых жестоких фашиста, Рудольф Вернер, который любил натравливать свою немецкую овчарку на евреев, и заместитель окружного

комиссара Леопольд Виндиш, организатор массовых расстрелов в мае 1942 года, были переведены на новое место службы: Вернер в Эстонию, а Виндиша отправили в Ригу.

Евреи из Новогрудских гетто даже такого облегчения, сколь ничтожным оно ни было, не испытали. Персонал окружного комиссариата, особенно свирепый юденреферент Рейтер, принуждал изможденных рабочих наращивать объемы производства. Людей убивали в буквальном смысле ради забавы — так, например, охранник выстрелил в человека, который однажды поздно вечером имел несчастье закурить, — избрав своей мишенью оранжевый огонек сигареты. Правда, этому еврею повезло, и он выжил.

Немцы жестоко расправлялись с теми, кто помогал евреям. В начале зимы они убили польскую пару, за содействие беглецам из гетто, — мужа и жену Бобровских. Их расстреляли, дом сожгли, а шестерых их детей отправили в концентрационный лагерь. Тогда же был убит младший брат Константина Козловского — Иван. Будучи полицейским в Новогрудке, он помогал евреям бежать из гетто, был связным между гетто и братьями Бельскими. Незадолго до гибели он почувствовал, что его раскрыли, попытался бежать в леса к партизанам, но его поймали и расстреляли, а тело сожгли в сарае.

4 февраля 1943 года, спустя несколько дней после того, как кровопролитная битва за Сталинград завершилась поражением немцев, Вильгельм Трауб решил, что он больше не нуждается в услугах евреев из гетто Перешика, и все население гетто, около четырехсот евреев, было расстреляно в Литовке, недалеко от места массовой казни 7 августа 1942 года.

В тот же вечер юденреферент Рейтер посетил второе Новогрудское гетто, в котором еще оставалось около шестисот евреев, и объявил, что жители Перешика были убиты, потому что не выполняли трудовые нормы. «Они ни на что не годились», — заявил он.

Битва под Сталинградом ознаменовала поворот в войне. Немцы потеряли более ста тысяч солдат во время этой кампании и перестали казаться несокрушимыми. Необычайная отвага защитников Сталинграда вернула русским былую гордость. Возрожденная Красная армия стремилась как можно скорее отбросить врага назад, к западу. Но немцы еще не были побеждены; они по-прежнему держали под своим контролем изрядную часть советской территории.

Ситуация в Северной Африке также изменилась в пользу союзников. В январе 8-я британская армия взяла Триполи, затем

продвинулась в Тунис. Тяжелые бои велись в Тихом океане. Американские войска после шести месяцев изнурительных сражений сумели наконец в феврале 1943 года одолеть японцев на острове Гуадалканал. Для американцев это была одна из самых тяжелых битв Второй мировой войны.

То, что немцы и их союзники терпели неудачи на фронте, не мешало им продолжать уничтожать евреев, даже наоборот, эта «работа» сделалась для них едва ли не приоритетной. Немцы, например, выделяли дополнительные поезда для транспортировки евреев в газовые камеры, несмотря на то что их не хватало на фронте. 20 января 1943 года Генрих Гиммлер отправил министру транспорта свое знаменитое письмо. «Я очень хорошо знаю, какая сейчас непростая ситуация для наших железных дорог и какие требования вам постоянно предъявляют, — писал он. — И все равно я должен обратиться к вам со следующей просьбой: помогите мне получить дополнительные поезда».

К весне 1943 года группа Бельских, скрывавшаяся в двух лесах Забелова и Перелаза, включала около трех сотен евреев. Отряд постепенно превращался в общину — в оккупированной нацистами Европе это было одно из немногих мест, где евреи жили в некотором подобии свободы.

С целью размещения растущего населения общины были построены дополнительные землянки. Самой уютной оказалась та, которую выстроила группа из Абелькевичей во главе с Кесслером. Здесь имелись даже теплые одеяла и перьевые подушки — вещи совершенно невероятные в непроходимых лесах. Землянки были так хорошо замаскированы, что никто из новичков не мог найти их с первого раза.

Рядом с землянкой, когда не грозила явная опасность, горели костры, на которых готовили еду. Картошка, основной продукт лесного рациона, пеклась на углях и съедалась, если это был удачный день, с солью. Суп обычно варился в большой кастрюле. У костров иззябшие люди спасались от зимнего холода, но зачастую лучшим и единственным средством от жестоких простуд был самогон.

Сами братья понемногу отдалялись от основной массы населения лагеря, превращаясь в олицетворение абсолютной власти. На беженцев — особенно после жизни в гетто — эти мужчины в буденовках, с автоматами за плечами производили неизгладимое впечатление. «Можно было подумать, что это был сам Сталин со своими помощниками, — рассказывал Айк Бернштейн, один из бойцов отряда. — Земля дрожала под их

ногами».

Особое положение Тувьи в общине отнюдь не означало для него пренебрежения обязанностями по отношению к самым слабым ее членам. Он взял себе за правило посещать все землянки, расспрашивать людей о здоровье и говорить с ними о повседневных делах. Особенно его умиляло растущее число детей. Легенда гласит, будто, обнимая того или другого малыша, он плакал, не в силах справиться с нахлынувшими на него чувствами. К детям в лагере Тувья относился как родной отец.

Важнейшей задачей по-прежнему оставалась добыча продовольствия. Его приходилось отбирать у крестьян, которые отказывались делиться с партизанами съестными припасами и часто делали это только под дулом пистолета. Братья знали, что, если они будут церемониться с кем бы то ни было, существование общины окажется под угрозой. И поэтому нагоняли страху на окрестных крестьян — те должны были понимать, что лишатся жизни, если вздумают донести на лесных евреев. Этот страх еще более усилился после расправы над двумя доносчиками, местными жителями, которые мечтали сдать братьев Бельских немцам.

Одним из них был Ватья Кушель, поляк из Станкевичей, семья которого была близка Бельским еще в царские времена. С приходом фашистов Ватья примкнул к полицаям и однажды на улице в Новогрудке указал немцам на юного Аарона Бельского, и тот лишь чудом спасся.

Однажды ночью несколько бойцов Бельских вошли в дом, принадлежавший двум сестрам-полькам, и, как обычно, спросили, нет ли посторонних в доме.

— Здесь только Ватья Кушель из Станкевичей, и он спит, — ответила одна из сестер.

Бойцы вытащили его из постели, связали и отвели к Асаэлю.

— А у нас есть для тебя подарочек, — сказали они.

Асаэль допросил своего старого соседа и без колебаний приказал казнить его.

— И тогда один из парней отрубил ему голову топором, — рассказывал Аарон. — Я все помню так, словно это было вчера, я находился рядом. Он отсек ему голову одним ударом.

Потом они бросили бездыханное тело под деревянный мост, который подожгли.

Вторым был Алексей Стишок, сын работника на мельнице Бельских, Адольфа Стишка. И отец, и сын практически с самого начала оккупации начали сотрудничать с фашистами. Но старший Стишок вдруг исчез — его нигде не могли найти. Казалось, что он навсегда покинул эти края. А вот младший был

схвачен группой бойцов из отряда Бельских.

Молодого человека отвели в лагерь Бельских. Во время допроса он признался, что однажды привел в лес группу из двадцати пяти литовских карателей в поисках лагерной стоянки братьев. «Я нарочно отвел их в другое место, — твердил он. — Я был вынужден сотрудничать с немцами. Я не хотел делать этого». Когда неотвратимость расплаты стала очевидна, он заплакал, бессвязно моля о пощаде.

Тувья приказал отвести младшего Стишка подальше в лес и повесить.

В феврале 1943 года в леса Забелова и Перелаза пришла беда. Простая человеческая ошибка привела врага прямо в убежище Бельских.

Ранним утром 15 февраля, после ночи блужданий по деревенской округе в поисках провизии, группа бойцов возвратилась на базу в Забелове. Это был успешный поход — подводы были забиты продуктами. Но в темноте они не разглядели, что с туши коровы, экспроприированной ими у крестьянина и забитой прежде, чем пуститься в обратный путь, на снег капает кровь. Полицаи просто пошли по кровавому следу и обнаружили партизанскую базу.

Их заметил часовой Шмул Оппенхайм, выходец из Новогрудка. Но почему-то он решил, что это Тувья Бельский с бойцами возвращается в лагерь, а когда понял, что ошибся, было уже поздно. С саней соскочил полицейский и открыл огонь по застигнутому врасплох часовому.

Раненный в лицо Оппенхайм упал в снег. Вокруг его головы растеклась лужа крови. Один из полицаев встал над телом и ударил его носком сапога. «Кончился», — сказал он. Другой обшарил карманы Оппенхайма, ища чем бы поживиться. Остальные направились дальше, к партизанскому лагерю, убив по дороге второго часового. Но выстрелы уже предупредили его обитателей об опасности. Лазарь Мальбин, остававшийся в Забелове за старшего, приказал всем уходить в лес.

Тувья и его братья в этот момент находились в соседнем Перелазе. Они приказали всем, у кого нет оружия, рассредоточиться. Люди, похватав все, что могли — кусок сушеного мяса, пару белья, — разбежались кто куда.

Не встретив сопротивления, полицаи ворвались на базу в Забелове, но… не нашли там ни одной живой души. Не найдя ничего лучшего, они забросали землянки гранатами. На обратном пути они забрали с собой все ценное, включая нескольких домашних животных и лошадей.

К счастью, Шмул Оппенхайм выжил. Раненный, он переждал, пока полицаи ушли, а затем доктор Хенрик Ислер, недавно попавший в отряд, залечил его рану.

То, что обошлось без больших жертв, было удачей. Но братьям стало ясно: надо менять место лагеря. Они решили переместиться в Буцкевичи — на место первой организованной стоянки в августе 1942 года. Собирались в путь в спешке, взяли с собой все, что могли унести. Маршрут был пройден в молчании. Люди были слишком подавлены, чтобы разговаривать. На рассвете дошли до Буцкевичей, развели костры, приготовили завтрак. В тот день было так холодно, вспоминал один человек, что похлебка замерзала в мисках.

Больных и раненых разместили по крестьянским домам. Тувья тоже провел ночь в одном из домов со своей новой женой Лилкой Тиктин — женщиной, которая останется с ним до конца его дней.

Лилка была красавицей. Тувья знал ее еще до войны: это она, будучи еще совсем молоденькой девчонкой, носила ему от Сони любовные записки. Лилка давно была влюблена в него. Ее мачеха Регина погибла вместе с Соней в Храпинёве, и Тувья хорошо понимал ее переживания.

Тувья сказал ей о своих чувствах, и Лилка сразу ответила ему взаимностью. Однако ее отец Алтер Тиктин, который был всего на несколько лет старше Тувьи, противился этому союзу. «Он думал, что я нужна Тувье только как игрушка, для забавы, — позже говорила Лилка. — Папа боялся, что он будет со мной плохо обращаться и после войны бросит меня». Годовщину своей свадьбы Тувья и Лилка всегда праздновали 15 февраля — в день первой атаки на лагерь Бельских.

В следующие дни было решено разделить отряд на небольшие группы и рассредоточиться по лесам. Только так можно было сохранить людей. В конце концов это было главной задачей братьев Бельских. Необходимо было усилить бдительность. Кровавый след с убитой туши на снегу в Забелове показал, что люди в отряде недостаточно осмотрительны.

Обрушилась на отряд и еще одна неприятность — вмешательство Советов. Так как отряд теперь официально участвовал в советском партизанском движении — он назывался второй ротой отряда «Октябрьский» бригады имени Ленина и подчинялся Лидскому райцентру Барановичского центрального штаба партизанского движения, — его руководству приходилось разыгрывать преданность коммунистической партии. Хотя партизаны превозносились советской пропагандой как храбрые воины, защищающие Родину, Сталин относился к ним с большим

подозрением. Он не доверял тому, чем он не мог управлять. А ему было нелегко управлять большой массой партизанских бойцов, рассеянных по огромной оккупированной территории СССР. Неуправляемые люди подрывали самые основы его режима. Они откровенно раздражали его.

Сталин делал все, что в его власти, чтобы установить систему тотального контроля. Он постановил, что каждое партизанское подразделение будет иметь своего комиссара, проводника линии партии, а кроме того, в нем будет действовать особый отдел НКВД. Братья Бельские понимали, что рано или поздно от них потребуют, чтобы они реорганизовали свой отряд по этому образцу.

Испугавшись, что комиссара назначат сверху, Тувья выдвинул на этот пост Лазаря Мальбина, своего начальника штаба. В отряде знали, что Мальбину дело партии безразлично.

Тувья также учредил комсомольскую ячейку. Главой ячейки стал первый нееврей в отряде Бельских Григорий (Гриша) Латий, которого Бельские приняли в отряд, потому что он был женат на еврейке. Комсомольская ячейка быстро превратилась в ядро оппозиции, противостоящей братьям. Вместо того чтобы поддерживать Тувью в его борьбе за спасение евреев, комсомольцы сосредоточились на подрыве авторитета братьев, обвиняя их в «идеологической незрелости». Действовали они искренне или ими руководили какие-то особые соображения, так до конца и неизвестно. Сам Тувья был убежден, что комсомольцы просто завидовали Бельским.

Самыми главными оппозиционерами стали Гриша Латий и братья Любчанские, которые выражали недовольство существующим порядком управления в отряде. Исраэль Кесслер, вожак группы из Абелькевичей, сочувствовал им.

Комсомольцы выступили против назначения Лазаря Мальбина комиссаром — потому что когда-то он был членом сионистского движения Бетар. Они также обвинили братьев в том, что те потворствуют спекулянтам, в том числе человеку, который торговал водкой в окрестных деревнях. Все это было доложено Федору Синичкину, когда он прибыл в лагерь для встречи с Бельскими. Результат мог оказаться для отряда плачевным — его могли расформировать, бойцов перераспределить по другим отрядам. Евреям тогда пришлось бы противостоять антисемитизму, который господствовал среди русских.

Синичкин, однако, все обвинения против Бельских отклонил. Тогда разочарованные комсомольцы пожаловались одному из непосредственных начальников Синичкина — офицеру, который

служил в штабе генерала Платона. Этот офицер отнесся к делу более заинтересованно, и, чтобы обсудить ситуацию, был назначен отрядный сбор.

Первым выступил Тувья и заверил всех в своей неизменной преданности Коммунистической партии и великому Сталину. Он отстаивал решение назначить Мальбина комиссаром. При этом он остановился персонально на каждом из комсомольцев, сказал, что сомневается в них как в партизанах, и предложил им сформировать собственную воинскую единицу.

— Мы знаем, что у вас есть деньги, полученные в результате спекуляций, — сказал русский офицер.

Тувья объяснил, что наличные были получены ими в ходе сделок с крестьянами и использовались они исключительно для покупки оружия и продовольствия. Затем он в общих чертах обрисовал все расходы лагеря. Он подчеркнул, что члены его отряда неизменно выдавали крестьянам расписки, как того требовало партизанское командование.

Тувья назвал комсомольцев доносчиками и обвинил их в распространении клеветнических слухов об отряде. «Мы боролись против фашистов еще до того, как начали получать приказы из Москвы, — сказал он. — Мы убивали фашистов и забирали трофеи. Мы нападали на немецкие заставы и расправлялись над пособниками немцев. И мы будем продолжать в том же духе до окончательной победы над оккупантами».

Русский офицер остался доволен его ответом, но предложил Тувье уладить отношения с комсомольцами. Тувья понял, что основная опасность миновала. Если бы не партизанское командование, он бы, вероятно, просто выгнал этих комсомольцев из отряда. В следующие недели он обрел в борьбе против них могущественного союзника. В отряд Бельских после вынужденного ухода из советского подразделения попросилась группа евреев. Их лидером был Соломон Волковысский.

Волковысскому был тридцать один год, он был выпускник юридической школы в Вильнюсе и до войны имел адвокатскую практику в Лодзи и Барановичах. Его приняли в один из партизанских отрядов после того, как вместе с сестрой и несколькими другими евреями он сбежал из немецкого фургона, направлявшегося ко рвам смерти. Русский командир партизанского отряда, пораженный его интеллектом и эрудицией, назначил Волковысского ответственным за составление рапортов по результатам разведки. Однако спустя несколько месяцев тот же командир объявил евреям о том, что им придется оставить отряд.

Адвокат считал, что самое главное — это спасение еврейских

жизней, и в этом он полностью сходился с Тувьей. Тот решил, что Волковысский идеально подходит для того, чтобы возглавить особый отдел, отвечающий за внутреннюю безопасность, — важный идеологический пост, до сих пор не занятый. Адвокат с готовностью принял назначение.

У Тувьи теперь было два надежных человека на важных «коммунистических» постах — комиссар Лазарь Мальбин и Соломон Волковысский — глава особого отдела. Он дал задание новоиспеченному особисту не спускать глаз с мятежной комсомольской ячейки.

Братья Бельские были вынуждены вести войну на четырех фронтах. Во-первых, им угрожали немцы и местная полиция. Во-вторых, им грозила опасность со стороны крестьян, у которых они отбирали продукты и которые могли донести на них. В-третьих, им приходилось умиротворять советские командные структуры, зачастую относившиеся к евреям с подозрением. И в-четвертых, надо было сглаживать внутренние разногласия, которые могли поставить под удар существование полностью еврейского отряда. Все это требовало от братьев и их сподвижников работы на пределе сил. Асаэль, Зусь и Лазарь Мальбин руководили вооруженными бойцами в продовольственных экспедициях, в то время как Тувья, которому теперь помогал Соломон Волковысский, боролся с влиянием коммунистов и поддерживал внутренний порядок в отряде.

В середине марта группа из десяти евреев, включая Алтера Тиктин, отца Лилки, отправилась за провиантом к северу от Новогрудка. Перед выступлением Алтер подошел к Лилке, которая сидела у костра с несколькими из своих друзей.

По возрасту (ему было под пятьдесят) и благодаря родственным отношениям с командиром, Алтер не был обязан участвовать в опасных экспедициях, в которые обычно посылали самых крепких мужчин. Но, как он сказал дочери тем вечером, ему надоело прятаться за чужими спинами. Он хотел приносить отряду реальную пользу.

Лилка умоляла его передумать.

— Папа, пожалуйста, — сказала она. — Тувья не знает об этом, и он не хотел бы, чтобы ты участвовал в операциях. У нас же с тобой никого нет, кроме друг друга. Ты хочешь оставить меня одну на этом свете?

Но гордый человек был непоколебим.

— Я должен пойти, — сказал он, простился с дочерью и исчез в ночи.

Несколько минут спустя он возвратился.

— Ты остаешься? — спросила Лилка.

— Нет, я иду, — сказал он. — Но я забыл тебя поцеловать. — Он наклонился и поцеловал ее в лоб. — До свидания, — сказал он. И ушел.

На вторые сутки экспедиции два брата из группы Алтера — Абрам и Рубен Полонские предложили остановиться на день в доме братьев-белорусов, которых знали до войны. Партизаны погнали своих лошадей в деревню Доброе Поле, крошечное село из двадцати домов, которое было так близко от Новогрудка, что город оттуда был виден как на ладони.

Владимир и Гальяш Белоусы с семьями — в общей сложности восемнадцать человек — проживали в самом большом доме в деревне. Они были простыми крестьянами, которым, чтобы прокормить многочисленное потомство, приходилось работать с раннего утра и до позднего вечера.

Белоусы оказали еврейским партизанам теплый прием, но за дружественными их жестами скрывались тайные мотивы. Полонские не знали, что сын Владимира Белоуса — Николай стал в Новогрудке полицаем и запятнал себя участием в многочисленных расправах над еврейским населением.

Утомленные после изнурительного похода партизаны устроились в теплом доме и вскоре крепко заснули. Тогда сын Владимира пятнадцатилетний Павел выскользнул на улицу и поскакал в Новогрудок. Там он нашел Николая и рассказал о евреях, расположившихся в Добром Поле. Через час моторизованная колонна, в которой было около пятидесяти полицейских и несколько немецких жандармов, вошла в деревню.

Партизаны услышали рокот двигателей, выбежали из дома и помчались в направлении леса, до которого было приблизительно триста метров. Чтобы добраться до опушки, им надо было спуститься с одного холма и затем подняться вверх по склону другого. Однако они не успели: полицаи открыли стрельбу по беглецам. Под шквалом огня девять из десяти евреев были убиты, в том числе и отец Лилки. Уйти удалось только Абраму Полонскому.

Вместо того чтобы вернуться в лес, Абрам Полонский совершил нечто совсем неожиданное. Дождавшись, пока немцы и полицейские покинут деревню, он вернулся в дом Белоусов и потребовал у Владимира и Гальяша ответа, как они могли так бесчеловечно поступить со своими друзьями. Завязалась схватка, и один из братьев зарубил его топором.

Итак, все десять евреев, ушедшие в экспедицию, погибли. Жители деревни побросали тела в телегу и вывезли в лес, где в

мягком грунте вырыли общую могилу. Она сохранилась по сегодняшний день.

Увидев, что группа не возвращается, Тувья приказал своим бойцам провести разведку и выведать все, что только можно, о пропавших партизанах.

С наступлением весеннего тепла братья задумали снова собрать рассредоточенный отряд воедино. Новый лагерь решили организовать в небольшом лесу Старая Гута, что недалеко от Станкевичей. К 15 апреля приблизительно четыреста евреев, в том числе около сотни вооруженных бойцов, отправились по тающему снегу на новое место.

Отряд приобретал в округе все большую известность. О Бельских рассказывали легенды, и эти легенды распространялась с невероятной скоростью. Евреи, сбежавшие из разных гетто, одолевали помногу километров, чтобы только добраться до этого места еврейской свободы. Среди сельских жителей ходил слух, что братья жестоко наказывают тех, кто встает у них на пути. Немцы же и полиция в самом факте существования еврейского отряда видели оскорбление своей власти.

Вскоре новая база превратилась в маленькое еврейское поселение. Беглецы из гетто, которые прежде были торговцами, открыли подобия лавок. Сапожники, при помощи инструментов, добытых у крестьян, чинили сапоги, седла и упряжи; валютой служила водка. Портные латали порванные солдатские рубашки и изношенные пальто. Команда слесарей под руководством Шмула Оппенхайма, бывшего владельца мастерской по ремонту велосипедов в Новогрудке, приводила в порядок поврежденные пистолеты и винтовки. Была открыта даже мужская парикмахерская. Она оказалась весьма популярной: мужчины выстраивались в очередь, чтобы сесть в кресло парикмахера.

Вооруженные бойцы, чья важность для выживания группы возрастала с каждым вновь прибывшим в отряд беглецом, были организованы в боевые бригады по восемь-десять человек в каждой. Асаэль Бельский лично возглавил одну из бригад. В начале весны было осуществлено несколько партизанских операций. Бойцы сожгли деревянные мосты, расположенные на дорогах, ведущих на север из Новогрудка. Кроме того, партизаны срубили столбы и вывели из строя телефонные и телеграфные линии.

Тувья приказал приложить все силы, чтобы освободить тех, кто до сих пор оставался в гетто. Прежде всего это касалось Лидского гетто, где содержалось несколько тысяч узников, — намного больше, чем в Новогрудке. Бойцы раз за разом уходили в

экспедиции, целью которых был вывод евреев из Лиды.

Зачастую подобные экспедиции возглавляли те члены отряда, чьи родственники были по-прежнему заключены в гетто. Один из маршрутов пролегал через пивоваренный завод Пупко, который снабжал немцев пивом. На территории завода партизаны отдыхали, а затем, украсив одежду желтой звездой, шли в гетто — будто бы возвращаясь с принудительных работ.

Одной из спасательных операций руководил партизан Моше Маньский. Ему не составило большого труда найти людей, желавших уйти с ним в лес. Один из них, молодой человек по имени Эли Дамесек, с тяжелым сердцем решился оставить в гетто свою пожилую мать. С собой он взял кое-что из одежды и несколько ручных гранат, которые хранил в тайнике. Вместе с ним к месту сбора пришло пять женщин, которых Маньский не приглашал.

Мужчины вырыли небольшое углубление под колючей проволокой и, как только все проползли под забором, засыпали его в надежде, что патруль ничего не заметит. Выбравшись за пределы города, они зашагали через поле. Время от времени приходилось идти прямо по болоту, по пояс увязая в трясине. Но Дамесек не чувствовал и тени усталости — его поддерживала мысль, что наконец он освободился от немецкого плена.

Внезапно темноту прорезал громкий окрик.

— Ни с места! Кто идет? — прокричали по-русски.

— Мы партизаны из отряда под командованием товарища Бельского, — ответил один из евреев.

И через мгновение беглецы попали в объятия советских партизан, которые были членами подразделения, входившего в бригаду Синичкина. Они много слышали о Бельских.

Беглецы шли по сельской местности еще две ночи — прячась в лесу в дневные часы, прежде чем добрались до крестьянского дома, где их ждали люди из отряда Бельского. Их накормили простоквашей и картофелем, а затем проводили к базе Бельских. Картина нескольких сотен людей, которые спокойно занимались своими будничными делами, поразила недавних заключенных. Бойцы отдыхали в палатках и землянках. Женщины хлопотали в лагерной кухне у примитивного очага, готовя еду, как обычно, в больших котлах.

Тут же Дамесек увидел человека, которого он позже описал как «широкоплечего, настоящего великана». Тувья приблизился к ним, пожал всем руки и, коротко поприветствовав их, спросил без обиняков:

— Где вы были все это время? Почему так долго сидели в гетто? Дожидались, пока немцы убьют всех ваших близких?

В середине апреля возвратились из Доброго Поля бойцы с плохими новостями о десяти пропавших евреях. Братья, не раздумывая, решились на быстрый и беспощадный ответ. Их действия имели мало общего с тщательно спланированной военной операцией. Но они были вне себя от ярости и жаждали мести. Предателям следовало дать понять, что еврейская кровь не ценится так дешево.

— Мы будем мстить за гибель наших людей, — сказал Тувья, потерявший тестя. — И это — наша единственная цель. Не берите ничего у этих предателей. Я не хочу, чтобы кто-нибудь обвинил нас в бандитизме. Не дайте повода называть нас еврейскими ворами.

Асаэль собрал группу из тридцати человек. Среди прочих в нее вошел и врач Хенрик Ислер. Группа прибыла в деревню вечером в пятницу, 23 апреля, по совпадению в Великую пятницу, — день, когда православные христиане вспоминают о крестной смерти Христа (что на протяжении столетий служило оправданием еврейских погромов). В такой день можно было с гарантией утверждать, что большая часть членов семейства Белоусов будет дома.

Евреи прибыли в Доброе Поле около полуночи. Асаэль приказал бойцам окружить дом. Затем он постучал в дверь, а когда открыли, ворвался внутрь вместе с Песахом Фридбергом, Михлом Лейбовицем и несколькими другими бойцами.

В то время как ошеломленные домочадцы выскакивали из постелей, пытаясь понять, что происходит, один из братьев Белоусов — какой именно, осталось неизвестным — попытался сбежать через подвал. Низкорослый Лейбовиц — чуть выше полутора метров — набросился на беглеца и схватил его прежде, чем тот успел ускользнуть. Они покатились по полу. Асаэль выстрелил и попал Белоусу в шею.

Действуя быстро, мужчины обыскали дом в поисках спрятавшихся членов семьи и убили всех, кого смогли найти. Лейбовиц, который чудом избежал пули Асаэля, взял в доме черный шерстяной пиджак. Вопреки приказу Тувьи он вернулся в нем в лагерь.

Партизаны подожгли дом Белоусов и оставили записку, которая обещала подобную участь всем предателям.

Огонь уничтожил несколько построек на участке Белоусов и перекинулся на соседние дома. В пожаре погибли лошади, коровы и других животные. В общей сложности десять членов семьи Белоусов были убиты в тот день, однако, по меньшей мере, пятеро убежали через чердак.

По пути на базу в Старой Гуте Михл Лейбовиц обнаружил в кармане конфискованного пиджака письмо, написанное на немецком языке. Он сунул его назад в карман и не вспомнил о нем, пока не оказался на месте.

Письмо было написано по-немецки. Адвокат Соломон Волковысский перевел его. В письме новогрудский окружной комиссар Вильгельм Трауб благодарил братьев Белоусов за выдачу лесных бандитов и сообщал, что они награждаются пятьюдесятью рейхсмарками.

Это послание сослужило отряду неплохую службу несколько дней спустя, когда Виктор Панченков в разговоре с Тувьей резко осудил его акцию в Добром Поле. Русский командир напомнил, что обвиняемые должны были предстать перед партизанским судом.

— Вы не можете убивать людей без веского на то основания, — сказал он.

— Но они убили десять наших людей! — сказал Тувья.

— Вы должны следовать закону! — возразил Виктор.

Тогда Тувья предъявил письмо, которое заставило Виктора замолчать. Затем он откупорил бутылку водки, и мужчины с удовольствием мирно выпили.

Глава седьмая
Май 1943 — Июль 1943

В весенние месяцы в лагерь Бельских в Старой Гуте прибыло несколько сотен новых евреев. Многие из них были уроженцами Лиды, но в Лидском гетто по-прежнему оставалось значительное число заключенных. Они полагали, что беглецы (и партизаны, помогающие им) подвергают опасности жизни всего населения гетто. Это мнение возобладало, когда в течение пяти дней были убиты около тринадцати тысяч евреев. Жители гетто обвиняли партизан в том, что они «раскачивают лодку».

— Евреи, вы сами навлекаете беду на ваши головы, — сказал окружной комиссар Лиды Герман Ганвег в своем обращении к рабочим из мастерских. — Разве вы хотите мучиться от голода и холода? Вы все-таки умные люди. Неужели вы думаете, что с вашими ржавыми ружьями вы будете в состоянии победить немецкую армию, которая завоевала всю Европу? Я могу обещать вам, что в Лиде ни один волосок не упадет с головы еврея. Те, кого мы должны были ликвидировать, уже ликвидированы. Я сделал это самым гуманным способом. Я выполнил программу за один раз, и вы, которые остались в живых, теперь можете жить спокойно. Я построю в гетто столовую, поставлю купальню и организую для верующих ритуальные омовения, чтобы вы могли поддерживать чистоту. От вас я требую только одного — хорошей и старательной работы. Чтобы показать свое расположение, я готов простить евреев, которые вернутся из леса.

Речи подобного рода призваны были обманным путем заставить заключенных в Лидском гетто евреев работать и не помышлять о побеге. Зато в Новогрудке нацисты действовали открыто. Ранним утром 7 мая 1943 года евреев собрали во внутреннем дворе здания суда для переклички, как это обыкновенно делалось каждый день. Необычным было присутствие большого количества немецких жандармов и местных полицаев. Юденреферент Рейтер лично — при содействии адъютанта-белоруса — отобрал самых квалифицированных рабочих (приблизительно половину всех евреев) и приказал им возвращаться в мастерские. Как только они ушли, оставшимся евреям, уже догадавшимся о том, что их ожидает, было приказано лечь лицом вниз на землю. «Бежим!» — закричал кто-то. Несколько человек действительно попытались бежать и попали под автоматный огонь.

Когда порядок был восстановлен, немцы приблизились к

лежащим евреям и энергичными пинками заставили их встать. Потом группами по двадцать пять человек евреев вывели за пределы комплекса зданий суда. Они прошли короткое расстояние по дороге, а затем им приказали свернуть в сторону. На склоне уже были вырыты рвы. Несчастные сняли одежду, связали ее в узлы. Затем их построили в шеренгу лицом ко рвам и расстреляли из автоматов. Выстрелы отчетливо слышали те, кто остался в гетто.

После расстрела Рейтер явился в мастерские.

— Вас не тронут, — сказал он им. — Вы жизненно необходимая для нас рабочая сила.

Теперь в гетто осталось приблизительно 250 жителей. Они получали ежедневный продовольственный паек, который едва позволял им держаться на ногах: кусок хлеба пополам с соломой и миска водянистого супа. Теперь уже мало кто верил обещанию Рейтера, что их оставят в живых, и был создан подпольный комитет для организации массового побега в леса.

Спустя полтора месяца после возникновения партизанской базы в Старой Гуте там уже проживало ни много ни мало около семисот евреев. Это были самые разные люди: молодые и старые, больные и здоровые, вооруженные и безоружные. Число старушек евреек, в соответствии с философией Тувьи, превышало число убитых его бойцами немецких солдат.

Перед Тувьей теперь стояла непростая задача: как управлять такой разномастной толпой людей с разными религиозными, политическими и социальными взглядами. «Вы думаете, что в лесах не существовало политики? — говорил один из лесных евреев спустя годы после войны. — Существовала, и еще как!» Некоторые жаловались на манеру правления братьев — они, дескать, слишком властолюбивы, они пьют слишком много водки, они отдают явное предпочтение своим родственникам и друзьям, они недостаточно справедливо распределяют продовольствие, — не отдавая себе в полной мере отчет в том, какую экстраординарную машину по спасению людей эти трое запустили в действие.

Тувья поддерживал строгий военный порядок в отряде. Тем, кто участвовал в продовольственных экспедициях и военных акциях, предназначались продукты лучшего качества и более комфортное жилье. Точно так же в армии военнослужащим более высоких рангов предоставляются большие привилегии по сравнению с простыми солдатами. Община, созданная Бельскими, ни в коем случае не была утопией, где бы процветали просвещенная демократия и равенство.

Братья стремились управлять отрядом по советскому образцу. Тувья видел, как его союзник Виктор Панченков, молодой коммунист-идеалист, без тени сомнения строго наказывает тех, кто нарушает неписаные правила партизанской жизни. Когда у двоих бойцов из отряда Виктора нашли вещи, украденные ими у крестьян, русский командир построил отряд в полном составе, сообщил о совершенном преступлении и приказал расстрелять виновных. Так демонстрировалась нетерпимость по отношению ко всем, кто не подчинялся общим требованиям.

Хотя отряд братьев разительно отличался от обычного партизанского подразделения, Тувья понимал необходимость твердой руки.

— Должна быть дисциплина, — говорил он. — Вы должны подчиняться, даже если вы знаете, что вас убьют. Если вам говорят «туда», идите туда. «Нет» говорить запрещается.

Был такой случай. Молодой боец Перец Шоршатый без разрешения оставил лагерь, чтобы примкнуть к советскому партизанскому отряду, потому что хотел воевать с немцами, а не заниматься бесконечными поисками продовольствия. Но бойцы Бельских перехватили его и приковали цепью к ржавой сельскохозяйственной машине, оставленной кем-то в лесу. Он был уверен, что его расстреляют, но после двух дней без еды и питья его отпустили, раз и навсегда излечив от самовольных поступков и желания перейти в другое партизанское подразделение.

Полный контроль над всеми членами отряда необходим был для того, чтобы обеспечить их безопасность. Тувья и его братья производили на всех угрожающее впечатление — что ж, это только упрощало им работу. Но жалобы на их авторитарность затихали, едва возникала опасность. В мае 1943 года братья снова задумались над безопасностью лагеря — быстрый прирост населения делал лагерь уязвимым. Похоже, его месторасположение перестало быть для немцев секретом. Как-то раз над ними низко пролетел немецкий самолет и окатил градом пуль. Затем один из часовых примчался в лагерь с сообщением, что на краю леса появились немецкие грузовики. Тувья немедленно приказал всем нестроевым бежать в чащу, а бойцам занять позиции для отражения вражеской атаки. Но грузовики вдруг развернулись и уехали.

Для Тувьи и его братьев это был явный знак, что пора подумать об организации нового лагеря. Сколько времени потребуется немцам, чтобы вернуться в леса Старой Гуты?

Тувья собрал бойцов и вышел вперед, чтобы сказать несколько слов.

— Я ничего не могу обещать, — сказал он. — Может, мы переживем день, а может, и два. Но мы должны уходить в другой лес, потому что они знают, что мы здесь. Мы не должны быть героями. Главная наша задача — пережить эту войну. Тот, кто сумеет это, — самый большой герой.

Много лет спустя Лея Котляр, одна из молодых женщин, бывших в отряде, вспоминала, что, когда он это говорил, по лицу этого великана текли слезы.

Имущество погрузили на телеги, и процессия, растянувшаяся более чем на километр, медленно тронулась в сторону Ясинова, к лесу в нескольких километрах от лагеря. Туда же гнали лошадей и небольшое стадо коров, которое образовалось в лагере. Перспектива основания новой базы казалась многим неодолимой. Лагерь в Старой Гуте стал для людей чем-то вроде второго дома. А теперь надо было все начинать сначала. «И сколько времени понадобится немцам, чтобы найти нас здесь?» — задавались вопросом люди.

Как выяснилось, совсем немного.

Уже вскоре крестьянский связной сообщил Тувье о возможной карательной операции немцев в лесу Ясинова. Следовательно, у них был только один выход — снова перебраться еще глубже в лес.

В этот же день Тувья получил приглашение на встречу с Федором Синичкиным. Прежде чем покинуть расположение отряда, он сказал Асаэлю и Зусю:

— Завтра утром должны вывести всех отсюда. Не думаю, что у нас есть время ждать дольше.

После отъезда Тувьи братья и несколько мужчин отправились верхом на разведку. Они возвратились поздно вечером и решили поспать несколько часов, прежде чем утром, 9 июня 1943 года, начать новую эвакуацию.

Зусь заснул первым, но через полчаса проснулся от прикосновения Асаэля.

— Что такое? — недовольно огрызнулся Зусь.

— Немцы! — коротко ответил Асаэль.

В отдалении уже слышался рокот немецких двигателей.

В многолюдном лагере началась паника. Асаэль приказал своему шурину Абраму Дзенсельскому отвести большую группу людей, которые не могли сражаться, в глубь леса. Но организованное отступление уже было невозможно.

Немцы начали стрелять. Рядом с Зусем была убита лошадь. Зусь подбежал к упавшему всаднику. В ту же минуту база содрогнулась от минометного обстрела. По оценке Зуся, который теперь мог разглядеть немцев за деревьями, их было более сотни

человек. Они быстро приближались к партизанским позициям.

— Отступайте! — закричал Асаэль. — Уходите немедленно!

Сотни обитателей лагеря побежали в чащу, оставляя лошадей, коров, кухонную утварь и все остальное, что с таким трудом было добыто за последние месяцы. Вскоре обстрел прекратился, но люди еще долго бежали и бежали… Потом они сбились в несколько больших групп, разбросанных по обширной лесной территории, и установили связь друг с другом. Выяснилось, что пять или шесть человек погибли сразу и еще три женщины и ребенок были убиты во время бегства. У немцев, похоже, потерь не было.

Десять жертв — это, конечно, трагедия, но могло быть намного хуже.

Зусь, однако, был недоволен. Паника среди нестроевых членов отряда воспрепятствовала созданию грамотной обороны. Он решил, что настало время разделить группу на две части — на гражданских и бойцов. Солдатам нужно было дать возможность нормально воевать. «Нас всех убьют, если мы будем продолжать в том же духе», — думал он.

Тувья о том, что случилось, узнал не сразу. Он поскакал назад на базу и нашел там только одного члена отряда — Липпу Каплана, которого все звали Липпой Черномазым, потому что он не любил мыться. Когда немцы начали прочесывать лес в поисках лесных беглецов, Липпа забрался на высокую ель и наблюдал за ними сверху. Вместе с Липпой Тувья вышел к тому месту у реки Неман, где Асаэль и Зусь уже собрали большую часть отряда.

Идея Зуся разделить группу Тувье не понравилась. Вместо этого он предложил переместиться в самую глушь, подальше от немцев, где все могли жить так, как жили весь этот год, — вместе.

— Мы должны двинуться в Налибокскую пущу, — сказал он.

Пуща, начинавшаяся приблизительно в тридцати километрах на восток от Новогрудка, представляла собой первобытный болотистый лес. Партизаны обосновались в ней с первых дней войны. Но чтобы дойти до нее, необходимо было незаметно провести по оккупированной территории большое количество людей, что было делом трудно выполнимым. Тем не менее было решено немедленно отправляться в путь.

Тувья ехал верхом впереди отряда. Как позже он вспоминал, настроение у всех было подавленное. Съестное и боеприпасы находились на исходе, многие простудились от постоянного пребывания на холоде. Большая часть того, что они накопили из еды и пожитков, была брошена в Ясинове. А теперь еще предстоял долгий и опасный переход по незнакомой местности под самым носом у немцев.

После четырех дней похода отряд достиг деревни на северном краю пущи. Там базировались русские партизаны — они с сочувствием смотрели на потрепанную толпу, которая приковыляла в деревню. Люди Бельских получили возможность отдохнуть. Через несколько дней они продолжили путь и направились к озеру Кромань, расположенному в самом сердце огромного леса. Все это разительно отличалось от предыдущих походов Бельских — братья всегда устраивали свои лагеря достаточно близко к деревням, где можно было разжиться провизией. У еврейских партизан создавалось ощущение, будто они вошли в иной мир, не тронутый злом немецкой оккупации. В пути они слышали завывания волков и видели медведя.

Наконец они достигли берегов озера Кромань, и почти все без сил повалились на землю. Прежде всего следовало подумать о продовольствии — оно, как всегда, составляло главный предмет общих тревог. Но помог русский партизанский отряд, передавший евреям несколько мешков ржи. Они смешивали ее с мукой и водой и готовили водянистую кашу, которая выдавалась каждому два раза в день. Выглядело это варево неаппетитно, но оно спасло сотни людей от голодной смерти.

Вскоре по прибытии в пущу Тувью вызвали в штаб командующего партизанским движением генерала Платона.

Братья называли этого круглолицего русского здоровяка «партизанским главнокомандующим», но его официальная должность была «первый секретарь Барановичского подпольного обкома партии». Несколько месяцев назад он был сброшен в пущу на парашюте, чтобы принять на себя командование всеми партизанскими операциями в районе от Лиды на севере до Барановичей на юге, от Ивенца на востоке и до Щучина на западе. Эту обширную территорию, протянувшуюся на 135 километров с востока на запад и на 100 километров с севера на юг, покрывали леса. Она была разделена на четыре партизанских района, где действовали 23 бригады, которые, в свою очередь, состояли из 116 рот.

Платон, бывший на два года старше Тувьи, вступил в коммунистическую партию в конце 20-х годов и до войны занимал ответственные партийные посты. При этом он производил впечатление веселого и беззаботного человека.

— У него был большой живот, — вспоминал товарищ Платона русский партизан Григорий Шевела. — И он то и дело втягивал его, чтобы показать, будто его нет. И еще у него было потрясающее чувство юмора. Помню, однажды двое часовых подстрелили низколетящий немецкий самолет. Каким-то образом

они попали в бензобак, и самолет упал. Это было чудо. Награждая их медалью, Платон пошутил: «Как вы посмели стрелять в немецкий самолет, когда должны были находиться на посту!» Те посмеялись и пообещали, что этого больше не повторится. Он был веселым человеком. Он был открыт для всех.

Но в биографии Платона было и черное пятно. В 1937 году анонимный доносчик обвинил его в антисоветских высказываниях, и Платона сослали на Дальний Восток. В течение следующих лет он медленно возвращал утраченное доверие со стороны руководства. Назначение на высокий пост в Западной Белоруссии означало восстановление его репутации.

Тувья с небольшой группой сопровождения поскакал на север пущи, где дислоцировался штаб Платона. Он хотел поговорить с генералом о важности вклада своего отряда в общую борьбу и убедить его, что их чисто еврейское сопротивление — это часть общего сопротивления. Кроме того, он хотел пожаловаться на то, что русские партизаны все чаще вынуждают еврейских партизан сдавать оружие.

Тувью провели в штаб генерала Платона, который не имел ничего общего с тем, что Тувья до сих пор видел в лесу. Это был кабинет настоящего армейского офицера, битком набитый картами, со стенами, обтянутыми парашютным шелком. Потрескивала рация, передавая сообщения от отдаленных воинских подразделений.

Платон представил Тувью своему штабу.

— Пожалуйста, — сказал он по завершении обмена любезностями, — расскажите нам о вашем отряде.

Тувья рассказал, как начиналась его группа, как она спасала «советских» граждан из гетто, как наказывала пособников фашистов и нападала на немцев. Он сказал, что в отряд входит 800 человек, но заметил, что многие не вооружены.

На Платона выступление Тувьи произвело глубокое впечатление.

— Вы решительный боец и настоящий большевик, — сказал он, и Тувья понял, что обрел ценного союзника. Он решился заговорить о нападениях русских на еврейских партизан. Платон обещал расследовать эти происшествия.

Потом генерал сказал, что в партизанском движении произошла реорганизация, в связи с чем их отряд получил новое имя: теперь он будет называться отрядом имени Орджоникидзе — в честь Григория Орджоникидзе, одного из советских политических лидеров, погибшего при таинственных обстоятельствах в 1937 году. А бригаде Синичкина теперь присвоено имя Кирова. В нее по-прежнему входил отряд

Бельских, отряд «Октябрьский» Виктора Панченкова и еще три партизанских отряда.

Впрочем, у генерала были куда более серьезные темы для обсуждения с Тувьей и другими командирами. Немцы подступали к Налибокской пуще большими силами.

— Пришло время готовиться к массированной атаке фашистов, — сказал генерал Платон.

Затем выступил Ефим Гапаев — высокий бородатый русский партизан с горящими глазами, известный под псевдонимом Соколов. Он в общих чертах обрисовал план обороны. Каждой бригаде был выделен свой сектор. После того как Соколов закончил говорить, Тувья сказал, что, коль скоро в его отряд входит большая группа детей и престарелых, ему понадобится помощь, и Соколов поручил бойцам из русского отряда помочь еврейским партизанам.

Тувья покинул встречу в замешательстве. Его беспокоила перспектива боевых действий, по сравнению с которыми все прежние стычки с немцами выглядели несущественными. Выходило, что он завел свой отряд в смертельную ловушку.

Боевой дух в еврейском отряде упал ниже некуда. «Что мы можем сделать почти безоружные против такого могущественного и грозного врага?» — кто-то спросил Тувью. Но он и сам не знал ответа на этот вопрос.

Глава восьмая
Июль 1943 — Сентябрь 1943

Генерал Курт фон Готтберг решил истребить всех «бандитов» на обширной территории, включающей Липичанскую и Налибокскую пущи. «Партизанские отряды должны быть уничтожены, их лагеря разрушены, а продовольственные запасы конфискованы», — гласил приказ от 7 июля. План операции под кодовым названием «Герман» также включал набеги на те деревни, где жители помогали партизанам, конфискацию у них домашнего скота и продуктов, а самих крестьян предполагалось вывозить в Германию или расстреливать.

Части, призванные осуществить этот план, ранее принимали участие в кровавых антисемитских бойнях в Белоруссии, Литве и на Украине. После того как истребление евреев на территории Советского Союза было в значительной степени завершено, они были переброшены на борьбу с партизанами. Самой печальной известностью пользовался батальон СС, состоявший из уголовников, освобожденных из немецких тюрем. Им командовал оберштурмбанфюрер Оскар Дирлевангер. Это особое подразделение было сформировано в 1941-м по приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Дирлевангер был ветераном Первой мировой войны. В 1934 году он стал членом нацистской партии, но в том же году был арестован за сексуальную связь с подчиненным и из партии исключен — «за низкий характер преступления» и «за неполноценность, которую доказали его поступки». Отсидев в тюрьме двадцать месяцев, он затем два года воевал в Испании, участвуя на стороне франкистов в гражданской войне в составе немецкого военного подразделения.

В 1940 году его реабилитировали, приняли в ряды СС и назначили командиром особого подразделения. В начале 1942 года это подразделение из Польши было переведено на территорию Советского Союза и направлено на борьбу против партизан. Впрочем, Дирлевангер легко расправлялся и с гражданским населением. Он сжигал дотла целые деревни, истребляя их жителей, — при любом доносе на то, что они сочувствуют партизанам. За все эти злодеяния он заслужил похвалу из Берлина.

За два дня в феврале 1943 года особое подразделение Дирлевангера сровняло с землей четыре деревни, а в один из мартовских дней — еще три деревни. В первые дни мая

Дирлевангер сообщил, что его люди убили 386 партизан и 294 их пособника, в то время как лишь трое солдат получили ранения. Это численное соотношение заставило военных историков, таких, как Френч Л. Маклин, заключить, что батальон Дирлевангера просто устроил массовую резню.

Операция «Герман» должна была стать для Дирлевангера шестнадцатой крупномасштабной кампанией по борьбе с партизанами. В помощь его батальону придали еще несколько подразделений с похожей репутацией. Одно из них, 2-й полицейский полк СС, до этого участвовало в операции по уничтожению подпольщиков, скрывавшихся в руинах Минска. Брошенные против партизан немецкие силы также включали артиллерийскую бригаду СС, несколько стрелковых подразделений, роту немецких жандармов, подразделение польско-литовских стрелков, литовский полицейский отряд. С воздуха их должны были поддерживать самолеты Люфтваффе.

«…Надо обязательно принять во внимание, особенно с учетом предыдущих столкновений с партизанами… что, как только партизаны понимают, что они подверглись нападению… они пытаются скрыться в непроходимых болотах или замаскироваться под мирных жителей, — говорится в одном из приказов по операции „Герман“. — На этой территории, изрезанной болотами и водными потоками, войска должны быть подготовлены к использованию водных путей и строительству вспомогательных мостов».

Немцы пошли в наступление 15 июля. Братья и их бойцы услышали шум моторов задолго до того, как могли собственными глазами наблюдать вражеские действия. Немцы использовали тяжелую технику, чтобы отодвинуть поваленные деревья, которыми партизаны заблокировали грунтовые дороги, ведущие в сердце пущи. В последних числах июля путь был расчищен, и бронетехника с грохотом вошла в леса. Приблизительно сотня еврейских партизан, к которым присоединились двести русских, заняли боевые позиции.

Но прежде чем немцы подошли на расстояние выстрела, один русский партизан — предатель, как позже выяснилось, — выстрелил в воздух, тем самым предупредив немцев, что их ждут. Фашисты тотчас открыли стрельбу, и партизаны вынуждены были отойти.

Бойцы братьев Бельских возвратились к тому месту в лесу, где прятались старики, женщины и дети. Вскоре до них дошла информация от советских разведчиков, что пуща полностью окружена немцами. Немцы заняли все деревни, окружавшие большой лес, в том числе деревню Клетищи, находившуюся в

нескольких километрах на север от места, где расположился отряд Бельских. Петля затягивалась.

Под грохот канонады к стоянке отряда прискакал польский партизан и сообщил, что немцы находятся всего в двух километрах.

Прошло несколько часов. Тувья и Асаэль поскакали в соседний партизанский отряд — в надежде узнать больше о передвижениях немцев. Там им сообщили, что отряд, в который входил поляк, уничтожен.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Тувья русского командира.

— Надо выбираться отсюда! — ответил тот.

— Но куда? — спросил Тувья.

— Действуйте, как сочтете нужным.

Тувья и Асаэль вернулись в лагерь, где возбужденная толпа из восьмисот человек — бойцы и нестроевые члены отряда — ждала указаний. Русские партизаны во весь опор скакали мимо их лагеря навстречу немцам, давая понять, что сражение неизбежно. Тувья знал, что все ждут его решения. Но у него не было никакого плана. Однако он попытался создать впечатление, что все находится под контролем. Он понимал, что самое страшное в их положении — это паника.

Он объявил, что ускользнуть от немцев возможно.

— Мы спасемся. Главное для нас сейчас — это спокойствие, — сказал он.

Но не все были в этом уверены. Комсомолец Гриша Латий и его союзники объявили, что не намерены просто ждать, и вышли из лагеря с намерением сражаться с немцами. Этот поступок вызвал общую панику. Часть людей последовала за Гришей — его решение показалось им правильным.

Тувья был обескуражен. Однако он понимал, что должен немедленно восстановить порядок.

— Наступает ночь, — закричал он. — Ночью немцы не будут нападать, и мы сможем уйти! Приказываю всем вернуться!

Невероятно, но его послушали.

С наступлением темноты стрельба поутихла. Как и предсказывал Тувья, немцы решили дать себе несколько часов отдыха.

Пообещав план спасения, он знал, что теперь должен его придумать. И план неожиданно появился. К Тувье подошли двое бойцов, Михл Мехлис и Акива Шимонович, которые, в отличие от большинства других членов его отряда, прекрасно ориентировались в этих местах. Михл до войны работал в пуще лесником, а Акива содержал лавку в одной из ближних деревень.

— Мы знаем, куда идти, — сказал Мехлис Тувье. — Это тяжелый маршрут через болота. Но если мы сумеем выбраться к острову Красная Горка, то, может, и удастся спастись.

— Но где гарантия, что немцы тоже не доберутся туда? — спросил Тувья.

— Никакой гарантии нет, — ответил Мехлис.

Выбирать было не из чего, и Тувья обратился к группе.

— Враг очень близко, и мы решили двигаться глубже в лес, — сказал он. — Нам придется пересекать заболоченную местность. Мы должны поддерживать абсолютную тишину, и все обязаны подчиняться приказам. Не берите с собой ничего лишнего — нельзя, чтобы вы бросали что-нибудь по пути, показывая след врагу. Возьмите столько еды, сколько можете унести, и это все.

Необычная процессия последовала за Мехлисом через болота. Многие сняли обувь, думая, что босиком им будет легче пробираться по грязи. Родители несли детей на спине. Каждый набил карманы зернами пшеницы и ржи, пригоршнями сушеного гороха и репой. Коровы и лошади были оставлены в дебрях пущи.

Медленно и тихо, в зловещем ночном безветрии, восемьсот человек шли друг за другом, след в след. Было слышно только хлюпанье босых ног по вязкой трясине да удаляющееся мычание коров. Иногда идущие проваливались в воду по грудь, а иногда она едва достигала их лодыжек.

Около полуночи до них донесся звук громкоговорителя. Обращение прозвучало сначала на русском языке, затем на польском языке. «Партизаны! Вы знаете, что не можете воевать против наших танков и минометных орудий. С наступлением рассвета бросайте ваше оружие и сдавайтесь».

Как раз перед рассветом группа добралась до сухого островка среди кустов. Ослабевшие от тяжелого перехода люди без сил повалились на землю. Но до конца испытания было далеко — до острова Красная Горка они еще не добрались.

Когда поднялось солнце, Тувья, Асаэль и Мехлис нашли сухую тропу, которая вела в лагерь, оставленный сутки назад, и подкрались к старой лагерной стоянке. Они хотели узнать, где находятся немцы. Здесь было тихо, и на мгновение Тувья подумал, что, может быть, опасность миновала и немцы отступили. Но тут тишину разорвали звуки выстрелов, они поспешили вернуться к отряду. Немцы были на расстоянии не более километра.

Было слышно даже, как кто-то из полицаев-белорусов, бывших в авангарде немецких войск, кричал:

— Ловите зверей! Ловите зверей!

Тувья подгонял всех быстрей идти к болоту. Измученные

нервные люди медленно продвигались по направлению к Красной Горке.

Удача сопутствовала им. Часть болота, по которому пробирался отряд, заросла высокой травой, которая скрывала беглецов. Над их головами кружили немецкие самолеты, но ни один из них не заметил отряда. Немцы подходили все ближе, отчетливо были слышны их голоса.

Шли часы, и тех, кто падал от усталости, приходилось убеждать идти дальше. Женщины держались за мужчин, идущих перед ними, и бойцы поддерживали стариков.

С наступлением вечера отряд достиг затопленной водой лесистой области. «Я привязал себя к стволу дерева ремнем и задремал, — вспоминал Тувья. — Скоро большинство последовало моему примеру». Ночь проходила медленно и необычно тихо — даже дети не подавали звуков.

На следующее утро над болотами заклубился туман. Отряд возобновил марш на север, к Красной Горке, и вскоре цель была достигнута. Однако опасность еще не миновала.

План Тувьи состоял в том, чтобы оставаться на этом острове среди болот в середине огромной пущи до тех пор, пока немцы не закончат осаду. Но как долго это продлится? И что самое важное: где искать еду? У них было совсем немного продовольствия, когда они отправились в поход. Теперь не осталось почти ничего.

Первым делом провели перекличку и обнаружили, что не хватает шестерых человек, включая отца с двумя детьми и старика Шмула Пупко. Были организованы поиски, и к вечеру нашли отбившихся от отряда.

Прошел день, за ним еще один, и продовольственный вопрос обострился до предела. Даже кусок черствого хлеба превратился в бесценный деликатес, съедаемый его обладателем за деревом, подальше от любопытных глаз. Некоторые совсем ослабели и без сил лежали на земле.

Прошел еще один день, и Тувья решил послать на разведку Акиву Шимоновича и еще нескольких бойцов — посмотреть, можно ли подойти к Клетищам. В тот же день они вернулись с сообщением, что повсюду находятся немцы.

Прошла неделя, и люди начали терять надежду. Стали поговаривать, что Красная Горка станет местом их гибели.

Горячие головы предлагали прорвать немецкую блокаду. Их вожаком был Зусь. «Остаться там и умереть от голода… Это было не то, чего мне хотелось», — позже рассказывал он.

— Зусь сказал мне тогда, — вспоминала его жена Соня, — что больше не может переносить голод…

С Зусем отправились восемь бойцов. Их план состоял в том, чтобы пробраться через немецкие позиции до Станкевичей. Договорились, что если они увидят, что через позиции немцев пройти невозможно, то сообщат на Красную Горку. Но если в течение двух дней никаких сведений не поступит, это будет означать, что группа Зуся нашла безопасный проход и ушла в сторону Станкевичей. Тогда все последуют за ними.

Это был очень опасный план. Если бы немцы уничтожили группу Зуся, отряд, оставшийся на Красной Горке, мог попасть в смертельную ловушку. Но другого выхода не было. Отряду грозила голодная смерть.

Прошло два дня, а никаких вестей от Зуся не поступило. Вскоре с Красной Горки начался массовый исход. Уходили небольшими группами по двадцать-тридцать человек под руководством опытных партизан — таких, как Юда Бельский, Песах Фридберг, Юда Левин… Последнюю группу вели Тувья, Асаэль и Лазарь Мальбин. В нее входили самые слабые члены отряда.

Группы с большими предосторожностями пересекали опасную территорию, пробираясь через болота к краю пущи. Повсюду они натыкались на следы пребывания немцев. Наконец они достигли реки на западной границе пущи. Один человек утонул, но все остальные благополучно переправились на другой берег и добрались до Налибокской пущи. Так усталым и голодным людям удалось уйти от гитлеровских карателей. Это была одна из самых грандиозных операций по спасению людей во время Второй мировой войны.

Впрочем, тогда, по дороге в окрестности Станкевичей, никто не думал об этом, ведь они возвращались в то место, откуда были вынуждены бежать два месяца назад, потому что там стало слишком опасно. Многие были уверены, что они идут навстречу своей смерти.

Одна из небольших групп — в нее входило около тридцати человек — решила не возвращаться к Станкевичам. Она осталась в пуще, чтобы подготовить базу для отряда, если возвращение на прежнюю территорию окажется невозможным. Командиром этой группы был Исраэль Кесслер — один из тех, кто поддержал выступление комсомольской ячейки против Бельских. Кесслер был уроженцем деревни Налибоки и чувствовал себя в дебрях пущи как дома.

По слухам, Кесслер до войны воровал и даже сидел за это в тюрьме. Но пока что он был полезен отряду, и братья вынуждены были его терпеть. Тувья попросил Кесслера не позднее 1 сентября

прислать нарочного с отчетом о том, как идет подготовка базы.

Кесслер и его группа блуждали по пуще в поисках пропитания. Однажды они наткнулись на заблудившуюся лошадь, которую тотчас застрелили. «Мы буквально умирали от голода, а развести огонь боялись, — вспоминал Ицхак Новог. — Поэтому мы просто разрезали мясо на куски и съели его сырым».

Через несколько дней после этого, когда группа отдыхала, Кесслер почувствовал запах дыма. Он быстро вскарабкался на дерево, чтобы лучше разглядеть окрестности.

— Все охвачено огнем! — крикнул он с высоты.

Пылали Клетищи, Налибоки и другие деревни рядом с пущей — их подожгли фашисты. Группа Кесслера отправилась на разведку и не обнаружила ни одного целого дома. Крестьян немцы или убили, или угнали в Германию — на них они выплеснули свой гнев.

Как ни странно, Кесслеру все это принесло неоценимую пользу. Его бойцы завладели всем продовольствием, которое немцы не смогли увезти. А это был поистине королевский подарок.

В разрушенных селах партизаны увидели кур, свиней и коров, свободно гуляющих по улицам. В ульях они нашли мед, в подвалах — запасы картофеля, на огородах — созревшие овощи, на полях — готовую к сбору пшеницу. Многочисленные телеги, швейные машинки, сапожницкая утварь и сельскохозяйственные орудия — все теперь принадлежало им.

В течение нескольких дней партизаны перенесли свою добычу на базу, которую они основали около острова Красная Горка. Бойцы пировали как лесные короли и танцевали вокруг костра. Но по крайней мере, один человек из группы Кесслера — Абрам Вейнер не пришел в восторг от поведения командира группы. Он заметил, как Кесслер обыскивает крестьянские дома в поисках ценностей. Вейнер понимал, что это не понравится русским партизанам.

«Кесслер снова взялся за старое, — говорил позже Вейнер. — Вор, который до войны сидел в тюрьме и едва умел написать свое имя печатными буквами, здесь, в лесу, стал просто неуправляемым».

Ничего не знающие о делах Исраэля Кесслера люди из отряда Бельских постепенно обосновывались на старом месте. Теплые августовские дни позволили создать каждой группе свой маленький лагерь, состоявший из нескольких тентов наподобие палаток, которые окружали походный костер.

Бельские, не теряя времени даром, попытались добыть еду в окрестных деревнях и обнаружили, что операция «Герман»

произвела там большие разрушения. Население было разорено, и бойцам приходилось немало потрудиться, чтобы добыть пропитание. Если прежде добычей были коровы и куры, то теперь они возвращались в лагерь в лучшем случае с мешками картошки.

Советские партизанские отряды понесли серьезный урон, многие из них распались. Отбившиеся от них партизаны объединялись в небольшие бесчинствующие группы. Евреям часто приходилось страдать из-за них. Так, например, погиб один из членов отряда Бельских, который отказался расстаться со своим оружием. Кроме того, советские партизаны ограбили Аарона Бельского и нескольких мужчин из отряда Бельских, отобрав у них оружие, часы и несколько золотых вещей.

— Это случается слишком часто, чтобы мы сделали вид, что ничего не происходит, — сказал Тувья бойцам. — Мы должны ответить.

Еврейские бойцы ворвались в русский лагерь, Тувья, Зусь и Асаэль прошли прямо к шалашу командира. Он в это время отсыпался с похмелья. Его помощник спросил у Бельских, в чем дело.

— Неужели вы собираетесь с нами воевать? — поинтересовался он.

— Да, сукин сын! — ответил Тувья. — Если потребуется, мы будем с вами бороться. Кто отдал приказ разоружить моих людей, моего брата? — продолжал еврейский командир. — Вы знаете, кто такой Аарон Бельский? Вы знаете, что этот мальчик сделал для родины? Верните наше оружие немедленно! — сказал Тувья. — Где оно?

— Погодите минуту. Я ничего об этом не знаю, — сказал русский. — Да погодите вы, я позову командира.

Еще не протрезвевший русский командир выслушал рассказ Тувьи о незаконной конфискации и пообещал, что все будет возвращено.

— Если хотя бы одной пули будет недоставать, мы всех вас перебьем, — пригрозил Асаэль.

Русский командир вышел из шалаша и приказал своим бойцам построиться. Партизаны выстроились в ряд, и Аарон опознал воров — всего человек одиннадцать.

— Я даю вам пять минут, чтобы принести оружие, — сказал русский командир.

Оружие тут же нашлось, и от воинственности братьев Бельских не осталось и следа.

Когда Тувья покидал лагерь, русский сказал:

— Мы могли бы решить этот вопрос спокойно.

— Да, я немного погорячился, — признал Тувья, пожимая ему

руку.

Бельские плохо контролировали свой гнев. Вскоре свой дурной характер обнаружил и Зусь. До него дошел слух, что Каплан, командир одного из подразделений отряда, разрешает бойцам грабить крестьян. Также рассказывали, что Каплан ударил женщину, входившую в состав его группы, и бросил ее с ребенком во время перехода на новое место. Недолго думая, Зусь набросился на Каплана с кулаками.

За этим последовало препирательство. Зусь поносил Каплана, а тот, в свою очередь, обвинил братьев в том, что они больше заинтересованы в золоте, чем в помощи людям. Закончилось все тем, что Зусь выхватил пистолет и приказал Каплану не двигаться.

Каплан повернулся и пошел прочь.

— Не делай этого! — закричал ему Асаэль.

Но Зусь выстрелил, и Каплан упал замертво.

Этот инцидент возмутил евреев. Сама мысль о том, что еврей убил другого еврея, особенно в то время, когда их жизнь подвергалась такой опасности, для многих была неприемлема. Но большинство, столь благодарное братьям за их покровительство, предпочло в ситуацию не вмешиваться.

В конце августа Тувья собрал вместе весь отряд — за исключением группы Кесслера, которая по-прежнему оставалась в пуще, — и сообщил о радикальных переменах.

Федора Синичкина на посту командира сменил Сергей Васильев, бывший танкист, бежавший из немецкого плена в августе 1942 года. Васильев настоял на разделении отряда Бельских на две группы — бойцов и гражданских лиц. Командиром боевой группы назначался советский партизан. Зусь стал его заместителем и руководителем разведки.

Местом дислокации «семейной» группы, командиром которой назначили Тувью, определили отдаленную Налибокскую пущу. Лазарь Мальбин остался начальником штаба, Песах Фридберг — начальником снабжения и Соломон Волковысский — начальником особого отдела. Официально группа Тувьи стала называться отрядом имени Калинина.

Асаэля направили в бригаду Сергея Васильева, в разведвзвод.

Мало того что отряд разбивался, но и трое братьев были вынуждены разлучиться.

Тувья активно выступал против плана разделения, предложенного Васильевым. Ведь теперь вся их деятельность ставилась под удар. Без вооруженных защитников «семейная» группа становилась уязвимой. С советским командиром во главе

боевая группа больше не сможет посвящать себя благородной миссии спасения евреев — сохранение их жизней не было главным в списке дел партизанского движения. И Асаэль, несомненный вожак отрядной молодежи, теперь станет выполнять чужие приказы.

Тувья пытался придумать альтернативный план, который удовлетворил бы советское командование. Он даже рассматривал возможность передислокации отряда на новое место, подальше от сферы влияния Васильева. Но все-таки, после консультации с братьями, он решил подчиниться. Он сказал Васильеву, что как «преданный советский гражданин» готов безоговорочно выполнить любой приказ.

Новый командир бригады дал Тувье пять дней на передислокацию.

— Что? — удивился тот. — Невозможно переместить сотни людей без адекватных приготовлений. Мне нужно для этого две недели.

Но непреклонный Васильев объявил, что дает на выполнение поставленной задачи неделю.

Членам отряда было поручено подготовиться к долгому походу. Перед прибытием нового командира, украинца капитана Михаила Ляшенко Тувья, для которого мысль о потере всех своих бойцов была невыносима, предложил некоторым из них проигнорировать приказ и остаться с «семейной» группой. Большинство ответило ему согласием.

На первую встречу с Ляшенко явилось около половины бойцов Бельских — приблизительно сто человек. Ляшенко прибыл не один, с ним приехали комиссар Василий Киян и начальник штаба Петр Подковзин, оба русские. Советские командиры разделили еврейских бойцов на два подразделения и назначили командиров и их заместителей. В первое вошли неженатые мужчины, во второе — женатые. Во вновь сформированное подразделение вошло несколько человек из мятежной комсомольской ячейки, в том числе и Гриша Латий, которого назначили заместителем комиссара.

Бойцам было сказано, что отряд будет действовать испытанным методом. Ночью мужчины будут участвовать в партизанских вылазках, а днем отдыхать.

В отличие от своего старшего брата, Зусь одобрил план разделения отряда на две части. Он считал, что женщины, дети и старики мешают воевать и ставят под удар общую безопасность. Зусь никогда бы не пошел против воли Тувьи и не поддержал разделение группы, но, когда это приказало советское командование, он не стал возражать.

Новая ситуация укрепляла позиции Зуся и усиливала его власть. Ни капитан Ляшенко, ни другие русские не могли тягаться с ним в знании окружающей местности.

— Ляшенко был командиром только на бумаге, — говорил Зусь много лет спустя. — На самом деле командиром был я.

Вскоре группа Тувьи отправилась в Налибокскую пущу. Около семисот евреев возвращались на то место, где два месяца назад они безуспешно пытались найти безопасный приют. Теперь, после тяжелого лета, когда им пришлось постоянно убегать от немцев, они надеялись, наконец, его обрести.

Глава девятая
Сентябрь 1943

К лету 1943 года наметился перелом в войне. После Сталинградской битвы немцы перегруппировали свои войска, но это им не помогло — они проиграли грандиозное сражение под Курском. Вскоре после победы советских войск в Курской битве британские и американские войска вторглись в Италию, что привело к падению Муссолини, но это не означало легкой победы для союзников. Их продвижение к Риму замедляли сильные контратаки немецких войск. В Тихом океане американцы стали теснить японцев, а также старались подавить действия немецких подводных лодок в Северной Атлантике.

Все это, однако, не остановило планомерного уничтожения европейского еврейства. Евреи, как могли, сопротивлялись. В апреле 1943 года началось восстание в Варшавском гетто. Евреи героически боролись в течение двадцати восьми дней. 16 мая немцы объявили, что восстание подавлено. Несколько тысяч евреев были убиты, остальные — около пятидесяти тысяч — расстреляны или отправлены в концентрационные лагеря. Немцы утверждали, что они потеряли шестнадцать человек, хотя многие полагают, что на самом деле число их потерь составило несколько сотен.

В июне 1943 года, после того, как в Освенциме была открыта четвертая газовая камера, Гиммлер приказал как можно быстрее очистить от евреев все гетто Польши и Советского Союза. Гитлер был готов к тому, что может потерпеть поражение в войне против Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов. Но было ясно, что он не собирается проигрывать войну против еврейского народа.

Положение евреев в гетто Лиды и Новогрудка становилось все сложнее. Многие, прежде всего это касается Лидского гетто, решались на побег к партизанам. Лазарь Столицкий, возглавлявший еврейскую полицию в Лиде, помогал беглецам — он усиленно поил охранников водкой, и те не замечали, как очередная группа делает подкоп под колючую проволоку. Но кое-кто надеялся на чудо, стараясь поверить заявлениям фашистов, что никакого вреда тем, кто честно работает на рейх, причинено не будет. А иные обитатели гетто ни во что не верили и не пытались бежать, а просто готовились к тому неизбежному дню, когда за ними придут немцы и поведут на расстрел.

И этот день наступил очень скоро. 17 сентября немцы и их пособники окружили Лидское гетто, население которого, согласно немецкому документу, составляло свыше двух тысяч человек. Через громкоговорители объявили: «Вам не причинят вреда. Мы нуждаемся в рабочих для военной экономики. У вас есть два часа, чтобы собрать ваши вещи». Затем в гетто вошли карательные отряды. Евреи были построены в колонны по пятьдесят человек.

Некоторые попытались спрятаться. Лиза Эттингер, взяв каравай хлеба, спички и несколько золотых монет, спустилась вместе с подругой в угольный подвал позади дома. Из своего укрытия она слышала крики обитателей гетто и команды, которые отдавали немцы.

— Жителей гетто повели тем же самым маршрутом, что и восьмого мая, — вспоминал, имея в виду расстрел в 1942 году, Уилли Молл, в то время тринадцатилетний мальчик. — Когда мы шли, горожане стояли и смотрели. У некоторых на лицах сияли улыбки, но многие были печальны.

Во время шествия Моллу удалось выскользнуть из процессии.

— Я прошел около половины квартала, но тут какая-то женщина вдруг начала кричать: «Еврей! Еврей!»

Немецкий солдат, привлеченный ее криками, погнался за мальчиком, но тот нырнул в переулок и заскочил в чей-то сарай.

— Через щель в стене я видел, как немец бегает туда-сюда, — рассказывал Молл. — Потом молодой поляк, который наблюдал за этой сценой, сказал немцу, где я спрятался… И вот он распахивает входную дверь настежь, выводит меня и ставит против стены сарая. Я никогда не забуду, какое в тот день было небо, потому что я слишком боялся, чтобы смотреть на стоявшего напротив меня немца. Я поднял голову и посмотрел вверх. Это был такой прекрасный день, такой солнечный, и небо было такое красивое. Я был уверен, что он собирается расстрелять меня, но вместо этого он толкнул меня и велел идти. И я пошел.

Немец вернул его назад в колонну.

— Надо присматривать за этим маленьким евреем, — сказал немец.

Но маленький Уилли сумел ускользнуть во второй раз, и на этот раз его не поймали. До наступления темноты он прятался в поле, а потом добрался до лагеря Бельских.

Остальных, однако, повели не ко рвам, а на станцию. Отправка евреев продолжалась два дня, 18 и 19 сентября.

Майк Штоль, которому тогда было семнадцать лет, рассказывал:

— Они затолкали нас в вагоны, и мы стояли там замерзшие, в

полном неведении, что с нами будет дальше. Мы не сомневались, что нас убьют, — что из вагонов нас отправят прямо в газовые печи. Но некоторые не верили, что такое может случиться. Я подумал, что надо обязательно выбраться из вагона.

Им вроде бы удалось договориться с полицаем, и тот, собрав со всех заключенных в вагоне часы и драгоценности, согласился оставить дверь вагона открытой. Но как только поезд покинул станцию, выяснилось, что дверь заперта. Они попробовали проломить пол, но не сумели. Тогда они сосредоточились на маленьком, зарешеченном окне у самой крыши вагона. Мужчинам удалось открыть его, и, когда поезд остановился в чистом поле, Штоль вылез наружу.

— Я спрыгнул и взялся за дверь, — вспоминал он. — Там была проволока, и по сей день я не знаю, откуда у меня взялись силы, но я сумел ее размотать и, наконец, открыл дверь.

Три человека успели выпрыгнуть и убежать. Но тут звуки выстрелов разорвали вечерний воздух, и, хотя стреляли где-то в стороне, Штоль испугался, заскочил в вагон и закрыл дверь. Поезд поехал и вскоре прибыл на станцию. Здесь полицейские провели осмотр и заметили незапертую дверь.

— Кто-то отсутствует? — спросил один из них.

— Мы все здесь, — ответили из вагона. — Кто бы стал спрыгивать с поезда на полном ходу?

Полицаи закрыли дверь и ушли. В темноте они не заметили, что на окне нет решеток. Когда поезд снова поехал, Штоль на ходу выбрался наружу, добрался до двери и размотал проволоку.

Несколько человек выпрыгнули из вагона. Среди них были отец и сестра Штоля.

— Мы покатились вниз по склону холма, — вспоминал Штоль.

— Все, что я помню, это полный рот гравия, — рассказывала Белла. — Я была напугана до смерти. Я лежала ничком, пока поезд не прошел. Грохот был неимоверный. Я думала, он никогда не стихнет, так и будет звучать у меня в ушах.

Штолю и тем, кто бежал вместе с ним, повезло. Мало кому удавалось бежать из поезда, направлявшегося в концентрационный лагерь. Остальных поезд привез в Майданек. За три года там было уничтожено свыше 300 000 человек. Среди них были и евреи из Лиды.

В Новогрудке, где поначалу было два гетто, населенных тысячами людей, уцелело приблизительно 250 евреев. Они понимали, что жить им остается недолго. Один из них, Берл Йоселович, до войны работавший фотографом, а теперь ставший

слесарем, предложил вырыть под проволокой туннель.

Туннель начинался в жилых помещениях, расположенных у северной стены гетто. Это было идеальное место — охранники избегали заходить в кишащий паразитами барак. Выкопанную землю выносили или прятали здесь же.

— Я был одним из лучших землекопов, — вспоминал Эли Беркович. — Почему? Когда мы углубились на два метра, начался недостаток воздуха, и у крупных мужчин возникли проблемы, потому что они нуждались в большем количестве кислорода. Я же низкорослый, и недостаток кислорода не сильно меня беспокоил.

Каждый день длина туннеля увеличивалась на два метра. Из мастерских принесли доски и использовали их в качестве подпорок, чтобы укрепить потолок. По мере углубления туннеля рабочим становилось все труднее носить землю назад к бараку. Тогда плотники сделали рельсы, по которым рабочие возили тачку. Проблему нехватки кислорода решили при помощи отверстий, выходящих на поверхность через каждые несколько метров. В туннель даже смогли провести электричество. Это сделал электрик Раковский. Электрические лампочки висели через каждые несколько метров по всей длине туннеля.

К июлю, после двух месяцев работы, туннель достиг длины в сотню метров. Но тут пришла беда — его затопили летние дожди. Пришлось вырыть дополнительные туннели для отвода воды.

— Мы молили Бога о том, чтобы немцы не убили нас прежде, чем мы закончим копать, — рассказывала Соня Ошман.

Их опасения не были напрасными, 9 июля в Новогрудок прибыл гауптштурмфюрер СС Артур Вильке с отрядом из тридцати шести человек, главным образом латышей. Вследствие неразберихи по линии связи это стало для Вильгельма Трауба, новогрудского комиссара, полной неожиданностью, что, впрочем, не помешало ему «поднять вопросы безопасности», которые требовали незамедлительных действий. Один вопрос касался польских партизан, другой затрагивал гетто. Трауб хотел раз и навсегда разделаться с евреями.

«Трауб считает, что партизаны собираются предпринять попытку массового освобождения из гетто», — написал Артур Вильке в своем донесении от 11 июля. Однако, посовещавшись, нацисты решили сосредоточиться сначала на поляках. 31 июля за помощь партизанам было арестовано одиннадцать монахинь-католичек. На следующий день, в четыре утра, их расстреляли около Скрыдлева, на месте массового убийства евреев 8 декабря 1941 года.

К сентябрю в гетто поползли слухи о том, что всех евреев Лиды вывезли из города. И уж конечно евреи Новогрудка должны

были стать следующими.

19 сентября в гетто состоялось тайное собрание, на котором решалось, стоит ли бежать через туннель. По словам Джека Кагана, в то время четырнадцатилетнего мальчика, приблизительно пятая часть его участников была, по разным причинам, против побега. Один говорил, что туннель, длина которого теперь составляла около 250 метров, обязательно обрушится. Другие были уверены, что немцы непременно узнают о побеге и всех убьют.

Тем не менее они решили бежать — причем обязательно в дождь, когда больше шансов уйти незамеченными. В воскресенье, 26 сентября, разразилась гроза, и стало ясно: день настал. Электрик Раковский обесточил прожектора, все было сделано так, будто случилась обычная неполадка, в то время как в туннеле оставался свет.

«Мы выстроились в длинную вереницу, — писал Каган в своих мемуарах. — Было очень тихо, и в полумраке лица были едва различимы. Я думал о своей семье… Мое единственное желание состояло в том, чтобы не достаться врагу живым».

Общее количество беглецов составило почти 240 человек. В гетто остались одни старики. «Дети, вы бегите, — сказал один из них. — А мне незачем бежать».

Каган уходил одним из последних. Когда он собирался спуститься в туннель, раздались выстрелы. «Для меня и речи не могло быть о том, чтобы остаться, — писал он. — Когда я выбрался из туннеля, вокруг свистели пули».

— Дождь лил как из ведра, и грохотал гром, — вспоминала Рая Кушнер. — Мы выбрались из туннеля. Все бросились бежать кто куда. Инстинкт самосохранения заставлял людей разбегаться, вместо того чтобы держаться вместе. Мы начали терять друг друга.

Некоторые, перепутав направление, побежали к забору гетто и были убиты охранниками, которые, вероятно, подумали, что это напали партизаны. Всего погибло около девяноста человек, среди них был и Берл Йоселович.

Тем же вечером полицейские обыскали бараки, но не нашли там ни одной живой души. Десять евреев, которые остались, попрятались в подвалах. На следующий день после побега немцы вывезли из мастерских инструменты и станки. Потом в гетто хлынули любопытствующие, чтобы собственными глазами увидеть место невероятного исхода евреев.

Те евреи, которым удалось бежать, блуждали по сельской местности в поисках еды и укрытия. Соню Ошман и некоторых других приютил пожилой белорус.

— Я знаю, что вы сбежали из гетто, — сказал он. — Не бойтесь. Я вам помогу.

Каган и еще один мальчик провели на ногах несколько дней, прежде чем наткнулись на партизан из отряда имени Орджоникидзе. Вскоре они уже были на пути к «семейному» лагерю Бельских.

Эли Беркович, один из первых прокладчиков туннеля, и несколько его родственников не один день блуждали по лесу, пока не набрели на дом Константина Козловского, связного братьев Бельских. Он дал им хлеба и приютил их, а затем показал дорогу в лагерь Бельских.

Глава десятая
Октябрь 1943 — Январь 1944

Первая ночь Рош-а-Шана выпала на 30 сентября, а самый священный день в еврейском календаре, Йом Кипур, Судный день, — на 9 октября 1943 года. Правда, большей части населения лагеря Бельских было не до праздников. Их гораздо больше волновал вопрос элементарного выживания. Они роптали на Бога: где был милосердный Создатель, когда нацисты их убивали?

Для других же еврейские праздники имели символический смысл. Они считали важным перед угрозой уничтожения подтвердить свою причастность к еврейству.

Накануне Йом Кипура несколько молодых мужчин и женщин из группы Тувьи устроились в крестьянском доме, чтобы приготовить традиционную праздничную трапезу, которая предваряет само торжество (и суточный пост Йом Кипура, начинающийся на закате дня и длящийся около суток). Трапеза была скромной — она состояла из вареной курицы и картофеля.

— Я помню, что было очень холодно, — вспоминала Рая Каплинская, на ее долю выпала роль поварихи. — Небо было ясное, а на нем — большие, большие звезды.

Кто-то предложил, чтобы они все прочитали «Кол Нидрей», молитву, которая открывает службу, возвещая о наступлении праздника. Кантор в синагоге грустно поет ее, повторяя слова на арамейском языке три раза, каждый раз с большим чувством.

— Слов мы не помнили, — рассказывала Рая. — Но все знали мелодию… Я помню, как смотрела на деревья. Казалось, они пели вместе с нами.

На базе, устроенной Исраэлем Кесслером в Налибокской пуще, один из членов группы, обладавший певческим голосом, во время чтения «Кол Нидрей» надевал талес и замещал кантора.

У четырех десятков бойцов из отряда имени Орджоникидзе не было возможности отметить праздник, во время которого евреям предписано воздержание от еды, питья, мытья, ношения кожаной обуви и сексуальных отношений. Они решили заменить празднование засадой на немцев на шоссе Новогрудок-Лида. Но, увы, в этот день по дороге никто не проехал…

Группа Тувьи собралась в Налибокской пуще к середине октября. Люди гнали скот, везли мешки с зерном, мукой и другими припасами. Подходящий участок для лагеря был найден

в нескольких километрах от базы Кесслера. Наступала зима, и поэтому сразу же началось строительство землянок, подобных тем, в которых отряд жил предыдущей зимой. Тувья также приказал построить в стороне склад для хранения провизии и других припасов. Работа продвигалась медленно, поскольку месяцы кочевой жизни подточили силы людей.

Следующие несколько недель ушли на то, чтобы собрать разрозненные еврейские группы. Советские партизаны направляли в лагерь Тувьи всех бежавших из гетто евреев. Новички попадали в эпицентр лихорадочной деятельности. Землянки строились из расчета на пятьдесят человек, причем рабочим были обещаны дополнительные пайки и одежда. Строительство возглавлял Песах Фридберг. Несмотря на приказ Сергея Васильева о том, что строить должны только те, кто не может воевать, среди рабочих было немало партизан, откликнувшихся на призыв Тувьи.

Тувья, хотя и возмущался по-прежнему расколом группы, произошедшим помимо его воли, начинал чувствовать себя на новой базе все более уверенно. Силы немцев истощились, и маловероятно, чтобы они предприняли еще одно мощное наступление. Налибокская пуща, похоже, и впрямь становилась надежным пристанищем для его людей.

К 7 ноября на базу еврейского отряда, чтобы встретить годовщину Октябрьской революции, съехались партизаны со всей пущи. Произносились пламенные речи, было выпито много самогона. Русские и еврейские партизаны вместе пели и от души плясали вокруг костра.

Боевая часть отряда Бельских приступила к участию в партизанских операциях. Отныне еврейским партизанам больше не требовалось заботиться об огромном количестве голодных ртов, и они могли полностью сосредоточиться на борьбе с врагом. Зусь Бельский наслаждался возможностью быть просто солдатом. Это было то, чего он всегда хотел. Теперь он мог полностью посвятить себя мести.

Бойцы действовали по приказам Сергея Васильева, которому, кроме того, подчинялись четыре других подразделения. По указанию штаба Васильева еврейский отряд получал взрывчатку, оружие, а также разведданные. Но в целом еврейские бойцы действовали согласно собственному пониманию партизанской войны. «Что бы я ни сказал ему, он никогда не противоречил, — рассказывал Зусь о командире своего отряда Михаиле Ляшенко. — Он всегда соглашался со мной. Даже когда мы во время встречи с русскими партизанами не сходились во мнениях,

он всегда был за, а не против меня».

Отряд Зуся действовал в местностях к западу и северо-западу от Новогрудка. Особое внимание уделялось железной дороге, идущей на север от Барановичей в Лиду, а также шоссе, пролегавшему к северо-западу от Лиды, в сторону Новогрудка. В одном из своих первых донесений Зусь сообщал, что послал три небольшие группы для минирования участков железной дороги около станции Яцуки. Все группы выполнили задание, и было разрушено в общей сложности 260 метров железной дороги. Несколько дней спустя две группы во главе с Гришей Латием заложили семь мин и разрушили 80 метров пути. Спустя три дня было разрушено 130 метров железной дороги.

Мины собирали сотней различных способов. «Мы делали мины из портсигаров, — вспоминал Мюррей Кастен, боец из отряда Орджоникидзе. — Брали запал от гранаты и четыре динамитные шашки и заталкивали запал в шашки. Мы подкладывали их на рельсах и на дорогах. Помню, как мы выкопали углубление в гравии, положили туда мины и прикрыли их сосновыми ветками для маскировки».

Отряд также собирал продовольствие у крестьян и вел среди них пропаганду. «Мы беседовали с крестьянами из деревни Станкевичи, Большая Изва и Маленькая Изва, объясняя им, как спрятать зерно, скот и тому подобное от немецких оккупантов и что надо делать, чтобы избежать высылки в Германию», — говорится в одном из донесений. Время от времени бойцы доставляли кое-что из продовольствия на базу Бельских в пуще. Лицом к лицу с немцами или полицией еврейские партизаны встречались не часто. Но порой опасность подстерегала их с неожиданной стороны.

2 ноября небольшая группа, возглавляемая Гришей Латием, попала в засаду польских партизан, воюющих против советских. Еврейские бойцы, идя на задание, были застигнуты врасплох, когда переправлялись через Неман, чтобы сорвать передвижение немцев по железной дороге. Латий погиб на месте. Его тело положили на телегу и отвезли в соседнюю деревню, где он был похоронен со всеми военными почестями. Братья, однако, испытали облегчение, когда его не стало.

У Асаэля в партизанском штабе, возглавляемом Сергеем Васильевым, была совсем другая жизнь. Однажды он сумел спасти штабное руководство от карателей — выведя всех, благодаря своим знаниям местности, на безопасные позиции. После этого ему доверили охранять командование советских партизан. Это занятие вскоре ему опротивело. Асаэлю хотелось быть поближе к

своим бойцам, да и к жене. К тому же он знал, что Тувье трудно без его помощи.

Когда Сергей Васильев приказал возглавить строительство новой базы, он понял, что с него хватит. Он не собирался создавать убежища для других людей — особенно тогда, когда те, о ком он действительно волновался, нуждались в его поддержке. Не сказав никому ни слова, он покинул штаб и явился на базу Тувьи в Налибокской пуще.

Его жена Хая и бойцы были вне себя от радости. Тувья тотчас же восстановил Асаэля в должности своего заместителя. Но при этом он понимал, что поведение Асаэля чревато большими проблемами. Партизан приговаривали к расстрелу за несоизмеримо менее серьезные проступки. Дезертирство считалось едва ли не самым серьезным преступлением. В некоторых партизанских отрядах в случае дезертирства бойца угрожали расстрелом всей его семье.

Тувья решил сделать все возможное, чтобы защитить брата. 23 ноября Тувья написал Васильеву письмо, информируя его о ситуации в лагере, где было уже 804 жителя. «У меня мало опытных людей, — писал он, — и поэтому я прошу, чтобы Вы… оставили моего брата Асаэля, в котором я очень нуждаюсь, при моем штабе».

Мало-помалу база приобретала вид еврейского местечка в сердце оккупированной нацистами Европы. Впервые с тех пор, как братья начали скрываться в лесах, им не приходилось постоянно думать о нападении немцев — их лагерь был под защитой набирающего силу партизанского движения, которым командовал генерал Платон. Иллюзия стабильности позволила восьмистам обитателям лагеря построить миниатюрную еврейскую цивилизацию — небольшую, но точную копию той, что нацисты уничтожили в Западной Белоруссии.

Когда закончили строить землянки, сосредоточились на хозяйственных постройках. Приоритетом стала кухня. В центральной ее части стоял огромный котел, в котором непрерывно варилась картофельная похлебка — основное блюдо обитателей лагеря. Несколько юношей специально отрядили на то, чтобы поддерживать огонь. Перед каждой раздачей пищи люди буквально сражались за право оказаться в начале очереди, где еще было можно получить порцию, в которой действительно плавал кусочек картошки, а не просто водянистое варево.

После того как кто-то из бойцов притащил из деревни мясорубку, начали делать колбасы. При этом старались соблюдать законы кашрута. Скот в лагерь пригоняли русские

партизаны. Была построена небольшая мельница, чтобы молоть муку. Вместо потока воды, как это было на прежней мельнице Бельских в Станкевичах, мельничное колесо приводилось в движение лошадью, идущей по кругу. Хлеб пекли в печи, которая была сложена из кирпичей, собранных по заброшенным деревням. Несколько мальчиков-подростков пасли коров, которые давали молоко. Воду для лагеря добывали из колодца.

Самым популярным продуктом потребления у мужчин был самогон. Его приносили в старых бутылях всевозможных форм и размеров.

— Слушай, мы хлебали самогонку как воду, — вспоминал Михл Лейбовиц. — Чтобы не чувствовать страха перед заданиями. Тувья, бывало, подойдет ко мне и спросит: «У тебя не найдется глоточка самогонки?» Мы садились и пили.

Бойцы придумывали множество способов, как обхитрить местных крестьян, чтобы те показали им, где они прячут самогон более высокого качества.

Около мельницы была построена баня. Главная задача состояла в том, чтобы избавить население от вшей, которые переносили страшную болезнь — сыпной тиф.

— Это было очень похоже на сауну, — вспоминал Перец Шоршатый. — Мы нагревали камни и выливали на них воду.

Люди занимали очередь в баню чуть ли не с шести часов утра. Мылись темно-коричневым мылом, имевшим консистенцию теста, — его делали в лагере. Те из бойцов, кто мог расплатиться с дежурными по бане какими-либо товарами, мылся без очереди.

В лагере было построено два медпункта — один для раненых и другой для больных сыпным тифом. Доктор Гирш принял на себя должность лагерного врача после того, как Хенрик Ислер ушел в отряд имени Орджоникидзе. Он ходил по лагерю с медицинской сумкой и беспрестанно всем улыбался.

К доктору Гиршу часто обращались с просьбами сделать аборт — многих женщин пугала перспектива рожать в условиях лагеря. Но несколько детей все-таки он принял. Гирш брал любую плату за лечение, особенно от тех, кто, по его мнению, имел чем заплатить. Тувья вспоминал, как однажды он отказывался делать аборт до тех пор, пока не получил пару сапог. При отсутствии лекарств доктор зачастую был вынужден импровизировать.

— Я помню, у многих между пальцами появились волдыри. Это, видимо, был какой-то грибок, — вспоминал Джек Каган. — Они невыносимо чесались и легко передавались от человека к человеку. Наконец, средство было найдено — колесная смазка. Воняло просто жутко, но это помогло.

Позже у доктора Гирша появилась помощница — женщина-

дантист из Минска.

— У меня выпадали зубы, — рассказывал Мюррей Кастен, боец из отряда имени Орджоникидзе. — И вот дантист велела нам варить каштаны и полоскать рот каштановым отваром. Когда их варишь, вода делается синей, темно-темно-синей. И это помогло.

Весьма серьезно в лагере отнеслись к строительству мастерских, которые прославили имя Бельских во всей округе. Воздвигли большое здание, с высокими потолками, большими окнами и несколькими печами — оно вмещало более сотни рабочих. Деревянные перегородки разделяли цеха.

Восемнадцать портных трудились под руководством Шмула Кагана из Новогрудка. По большей части они чинили старую одежду или шили новую из кусков старой. Советские партизаны были их регулярными заказчиками — они расплачивались едой или патронами. Рядом с портными трудились сапожники, чей вклад в улучшение качества жизни лагеря был поистине бесценен. Двадцать с лишним человек обеспечивали обувью все население лагеря. Люди терпеливо дожидались своей очереди к сапожникам, у которых было огромное число заказов.

В другом углу шорники изготавливали уздечки, патронташи и седла. Еще чуть дальше стригли и брили три парикмахера. Цирюльня стала чем-то вроде клуба, куда люди приходили посплетничать. Однако бритвы у парикмахеров были тупые, что превращало лесное бритье в не очень приятную процедуру. В плотницком цеху делали приклады.

Недалеко от входа в здание сидели часовщики и шляпные мастера, услуги которых с приближением зимы становились особенно важными. Это был уголок пылких политических дискуссий. Старший часовщик Пинчик и шляпник Лейбович неизменно устраивали дебаты. Бывший член социалистической партии Бунд Пинчик утверждал, что иммиграция в Палестину после войны не решит проблем еврейского народа, а Лейбович, неисправимый пессимист, полагал, что русские проиграют войну и у евреев нигде не будет будущего.

Остальные мастерские были возведены за пределами основной территории лагеря. Была построена дубильня для обработки кож, необходимых сапожникам и кожевникам. Кожи животных, которые резники давали дубильщикам, погружали в шесть деревянных резервуаров. Дубильщики были набожными хасидами, и вскоре дубильня фактически стала синагогой, где мужчины тихо совершали богослужения среди сохнущих кож.

Шмул Оппенхайм из Новогрудка, который был ранен при нападении на Забелово-Перелаз 15 февраля, открыл рядом с

баней мастерскую по металлоремонту. Он руководил восстановлением поврежденного оружия и изготовлением нового из запасных частей. «У него были золотые руки, — вспоминал Джек Каган. — Его самоделки иногда были лучше заводских». Мастерская пользовалась особой популярностью среди русских.

Поблизости была кузница, где кузнецы выполняли все виды работ. Звуки их сокрушительных молотов раздавались по всему лагерю.

Два учителя, одной из них была женщина по имени Сайша Гениш, учили грамоте лагерную детвору — школа была устроена в землянке; о сионизме в этой школе говорить избегали. «Она выучила нас всем русским песням, которые были популярны в те дни», — вспоминала Энн Монка, тогда тринадцатилетняя. Сайша организовывала игры, водила детей на прогулки, следила за их питанием — каждому на завтрак полагался стакан молока. И все-таки в школе больше заботились не об обучении, а о том, чтобы дети не бездельничали и не попали в беду.

В лагере была даже собственная тюрьма, выстроенная рядом с кузницей. Это была темная, непроветриваемая землянка с вооруженной охраной. Адвокат Соломон Волковысский отвечал за расследование преступлений и назначение тюремных сроков. Даже такой незначительный проступок, как дойка коров без разрешения, мог привести к заключению на несколько дней.

В центре лесной деревни располагался штаб. Тувья, Асаэль, Лазарь Мальбин, Песах Фридберг, Соломон Волковысский и Танхум Гордон, недавно сбежавший из Щучинского гетто (его генерал Платон назначил заместителем комиссара), собирались там для проведения совещаний. Рая Каплинская вела протоколы совещаний, составляла проекты писем партизанским лидерам и печатала отчеты о боевых операциях на пишущей машинке, найденной в одной из деревень.

— Там было две комнаты, — так описывала Каплинская штаб. — В большей стоял стол, на нем — моя пишущая машинка. На стене висел портрет Сталина, нарисованный одной девочкой в лагере. Русские партизаны находили этот портрет замечательным.

Все протоколы делались в трех экземплярах — одна копия предназначалась в архивы лагеря, другая — в штаб генерала Платона, а третью, на всякий случай, закапывали в землю. Каплинскую в шутку называли раввином, потому что она могла зарегистрировать пару как состоящую в браке. Все документы подписывались Тувьей и Мальбиным, и на них ставилась печать партизанского отряда.

Непосредственно перед штабом была разбита городская

площадь, где при необходимости собиралось все население лагеря. Именно там встречались бойцы, прежде чем отправиться на задания. Там также принимали делегации советских партизан и отмечали коммунистические и другие праздники.

«Тувья сказал, что было бы хорошо, когда в следующий раз придут русские, мы смогли бы организовать какую-нибудь развлекательную программу», — вспоминала Сулья Рубин, которая до начала советской оккупации в 1939 году семь лет отучилась в балетной школе. Под ее руководством была создана театральная труппа. Она разработала программу эстрадного представления, которая включала народные танцы, популярные песни и сценки. Зрители сидели прямо на земле.

— Я ставила Шекспира, кому какое дело? Мы брались за все, — рассказывала Рубин. — Мы пели партизанские и русские народные песни. Играли на аккордеоне, иногда на ложках и на свистульках. Мы сами мастерили флейты. Иногда представление дополняли наши гости, потому что среди русских было очень много по-настоящему талантливых людей. У них были прекрасные сильные голоса, и они знали много песен. Они нуждались в положительных эмоциях, и мы тоже.

Рубин переводила песни с идиша на русский и разучивала их вместе со своими русскими зрителями-партизанами, которые понятия не имели о том, что поют еврейские песни.

— Это выглядело дико, — вспоминала Энн Монка, одна из исполнительниц. — Старшие школьники организовали хор. Я помню, мы часто пели одну русскую песню. В ней рассказывается о женщине, которая радуется, что попала в партизанский отряд. А русским мы непременно должны были петь о Сталине. Но у нас самих были другие песни. Например, есть такая песня на идише, называется «Еврейское дитя». В ней рассказывается о матери, которая хочет спасти своего ребенка от погрома. Она решает отвести дитя в христианскую семью и спрятать среди христианских детей. Потом она говорит ребенку, что прячет его потому, что его жизни угрожает опасность, из-за того, что он еврей, и что он должен вести себя самым лучшим образом и ни в коем случае не выдавать себя. Естественно, ребенок начинает плакать, но у матери нет выбора, и она оставляет его и уходит. Это очень грустная песня.

Беспокойное поселение в сердце Налибокской пущи было излюбленной темой для разговоров среди крестьян. Некоторые неевреи называли его «Иерусалимом» — под этим подразумевалось, что жители лагеря не хотят воевать. Но евреям оно внушало не только гордость, но и спокойствие.

«Это было похоже на фантастическое видение из другого

мира, — вспоминала Лиза Эттингер о своем прибытии в лагерь. — Те же люди, та же плоть и кровь, но более сильные и более свободные. В воздухе царило какое-то особое веселье, все смешалось — откровенные шуточки и неприличные ругательства, скачущие лошади и смех детей. Внезапно я увидела себя будто в массовке из американского вестерна о Диком Западе. Я не знала, смеяться ли мне вместе со всеми или плакать в одиночестве».

Землянки стояли по обе стороны главной дороги, которая пролегала через весь лагерь. Постепенно она стала напоминать городскую улицу. По ней маршировали бойцы, вернувшиеся с заданий, и гуляли молодые женщины, которым подфартило заполучить новую пару обуви.

Все землянки были пронумерованы и разделены по социальному признаку, как и жизнь лагеря в целом. Выходцы из одной деревни или занимавшиеся одним и тем же ремеслом мастеровые иногда селились вместе. Интеллигенция — Соломон Волковысский, доктор Гирш и прочие — жила особняком в землянке № 11. Жилые помещения командующего состава выглядели лучше прочих. И Тувья, и Асаэль имели собственные землянки, в которых они жили со своими женами, Лилкой и Хаей. В землянке Тувьи хватало места, чтобы устраивать застолья с русскими гостями, во время которых его жена подавала на стол еду и выпивку.

Вражеские самолеты низко кружили над лагерем, но постройки были надежно спрятаны в густых лесных зарослях, и немцы так и не смогли их обнаружить. Лес был настолько густой, что лучи солнца до земли практически не доходили.

Шмуэль Амарант, специалист по еврейской истории и сионизму, получивший в двадцать три года степень доктора, был назначен летописцем лагеря. Ему поручили собирать и записывать сведения о лесной жизни и гетто. Каждый день он в своей землянке расспрашивал членов отряда и в конечном счете собрал шестьдесят пять тетрадей материала.

Среди других обитателей лагеря выделялись несколько мальчишек-подростков. Хотя у них было множество обязанностей, включая работу в качестве подмастерьев у ремесленников, они находили время на то, чтобы околачиваться возле бойцов. Они быстро усвоили грубый партизанский жаргон, который, к ужасу многих, стал неотъемлемой частью лагерной жизни. Один из них — Янкель был психически больным. Говорили, он сошел с ума после того, как его жестоко избили немцы. Он разгуливал по лагерю в изорванной одежде, с диким выражением в глазах. «Янкеле, почему ты не зашьешь себе рукав?» — спрашивал его

кто-нибудь. «Потому что я хочу вытряхнуть тебя оттуда, — отвечал он. — А как я это сделаю, если зашью его?»

Были в лагере и те, чей возраст уже перевалил за восемьдесят. Они старались вносить свой посильный вклад в общее дело, но все-таки они жили за счет труда других. Так же как и маленькие дети, от двух до четырех лет, за которыми ухаживали их матери. «Я была с ребенком, — вспоминала Фей Друк, бежавшая из лидского гетто. — Мы долго блуждали по лесу, искали ягоды, которые можно есть. Там было много грибов, и мы ели грибы».

В декабре Тувья узнал, что Сергей Васильев не забыл о дезертирстве Асаэля. Русский командир требовал для Асаэля расстрела. Сильно испугавшись за жизнь брата, Тувья написал письмо генералу Платону с просьбой вывести еврейский отряд из-под начала Васильева. Конечно, он ни слова не написал об Асаэле. Он мотивировал свое предложение тем, что база отряда находится на значительном расстоянии от других подразделений Васильева. Но прежде, чем пришел ответ, Тувья получил приказ от Васильева, который привел его в бешенство. Васильев хотел, чтобы пятьдесят его лучших бойцов оставили пущу и явились в штаб бригады имени Кирова.

Тувья и еще несколько человек тут же поскакали в штаб генерала Платона. Еврейский командир надеялся, что Платон поймет его, — Тувья не мог позволить Васильеву снова расколоть свою группу.

— Если я соглашусь на требование Васильева, — сказал Тувья русскому командующему, — лагерь останется без защиты и сотни моих людей в итоге погибнут.

Платон принял его точку зрения. Он отменил оба приказа Васильева — и о вынесении смертного приговора Асаэлю, и о передислокации пятидесяти бойцов отряда Бельских.

Тувья с легким сердцем возвратился на базу и уже оттуда связался с Васильевым. Его посланцы возвратились через несколько дней и рассказали, что Васильев чувствует себя оскорбленным распоряжением генерала Платона. Он по-прежнему считал, что Асаэль заслуживает смерти. Вскоре Тувья узнал, что Васильев реквизировал продукты, предназначенные бойцам из отряда Бельских, и снова помчался к генералу Платону. Платон его выслушал, но на этот раз решил отложить все решения до посещения базы Бельских. Его визит наметили на 31 декабря 1943 года.

Заметив, что на генерале поношенные брюки и рваные сапоги, Тувья сказал, что человек его ранга заслуживает лучшей

экипировки. «Я могу помочь вам, — сказал Тувья Платону. — И вы останетесь довольны».

Платону предложение Тувьи понравилось.

— У нас в Торе сказано, «не бери взяток», — позже говорил Тувья. — Но там не написано, что нельзя давать взяток.

По возвращении в лагерь Тувья отдал приказ о подготовке лагеря к прибытию генерала. Это была прекрасная возможность доказать полезность лагеря.

В назначенный день генерал Платон, «начальник всех лесов», как называл его Тувья, прибыл в лагерь в сопровождении сорока увешанных оружием партизан. Платона торжественно препроводили в штаб, где устроили царский обед из домашних колбас, нескольких видов солонины, голубцов и огромного количества самогона.

После еды Тувья повел генерала на экскурсию по лагерю. Когда они вошли в здание, где располагались цеха, Платон попросил, чтобы все вели себя непринужденно. Одному из шорников он сказал, что польза от каждого седла, сделанного на базе, равна пользе от засады на немцев, а брадобреям сообщил, что партизаны в его штабе давно нуждаются в бритье, и пригласил их в гости. Кроме того, Платон похвалил работу портных и подивился мастерству часовщиков. Затем Тувья и генерал зашли в мастерскую Шмула Оппенхайма. Платон заметил, что набожные евреи погружены в дневные молитвы. Он остановился:

— Это еще что?

— А вы разве не знаете? — ответил Тувья. — Они изучают курс истории партии.

Оба расхохотались и отправились дальше: кузница, тюрьма, пекарня, продовольственный склад, мыловарня, мельница… Платон также посетил больницу, возглавляемую доктором Гиршем, и тот не замедлил пожаловаться на недостаток медикаментов.

После окончания экскурсии партизаны возвратились в штаб. Платону все очень понравилось, и он объявил, что поможет отряду уладить разногласия с другими отрядами. Платон предложил, чтобы база Бельских стала для всех партизан своего рода складом, обеспечивающим потребности бойцов.

Для Тувьи это был триумф. Если Платон одобряет еврейский лагерь, то он, конечно, защитит его от советских партизан — таких, как Васильев, которые считали, что евреи не приносят никакой пользы в борьбе против фашистов. Если база в равной мере окажется защищена от русских и от немцев, то битву, в которой участвовали Бельские, можно было бы считать почти

выигранной. Неужели дипломатия Тувьи, наконец, принесла плоды?

Но Платон вдруг сказал, что еще не решено, будет отряд Тувьи подчиняться Сергею Васильеву или нет. Затем он предложил Тувье и его командирам поехать вместе с ним в соседние партизанские лагеря.

В ближайший лагерь они прибыли под самое празднование Нового года. Отложив в сторону официальные обязанности, они сели за стол и от души повеселились; при этом было выпито изрядное количество водки. На следующее утро они отправились с визитом к одному из самых преданных соратников Платона — Ефиму Гапаеву, известному под партизанским именем Соколов. Здесь их опять ждало застолье, и только вечером удалось, наконец, обсудить дела. Совещание длилось до утра 2 января.

Тувья опять попросил вывести свой отряд из-под командования Васильева. Желая сделать приятное генералу, он предложил отныне называть отряд «Платоном», но командующий идею переименования отклонил. Впрочем, он дал согласие на формальное переподчинение отряда Бельских Соколову. По сути же отряд превратился в «независимое» подразделение. Тогда Тувья заговорил об Асаэле — особенно он упирал на его заслуги перед партизанским движением. Платон вздохнул и согласился отменить предшествующие приказы Васильева, которыми Асаэлю объявлялся смертный приговор.

На следующий день, 3 января 1944 года, Платон подписал соответствующие распоряжения. Вот как Платон видел будущее еврейского отряда: «Я поручаю командиру подразделения обеспечить население лагеря продовольствием и вооруженной охраной. Найти средства для того, чтобы вооружить тех, кто может держать оружие. Организовать подрыв коммуникаций, мостов, дорог и разведку. Сформировать, по крайней мере, две-три диверсионные группы…»

Отряду под командованием Зуся, в который входило 117 партизан (в том числе, восемь нееврeев), было гораздо легче доказать свою полезность русскому командованию: бойцы Зуся безжалостно уничтожали врага, мстя за тысячи и тысячи загубленных еврейских жизней. Так, 7 ноября четверо бойцов уничтожили два моста — взорвали железнодорожный и сожгли деревянный автомобильный. 12 декабря группа бойцов сожгла два дома, где жили пособники немцев, близ железной дороги Лида-Барановичи, а 19 декабря партизаны устроили засаду на шоссе Новогрудок-Лида и убили немца-водителя.

Утром 21 декабря бойцы Зуся напали на небольшую

автоколонну немцев на шоссе Новогрудок-Новая Ельня и убили четырех немцев и двух полицейских. Немцы, однако, сумели перейти в контратаку, и партизаны были вынуждены отступить. Один еврейский боец был убит, еще один ранен (позже он умер на руках у доктора Ислера). Убитого пришлось бросить и бежать в лес. На следующий день партизаны возвратились на поле боя и нашли труп, который немцы раздели догола и прислонили к дереву со вложенной в руку бутылкой водки.

В следующие недели, однако, еврейским бойцам удалось отомстить за смерть товарищей. Объединившись с бойцами Виктора Панченкова, они провели две успешные операции.

5 января под командованием Панченкова две группы бойцов устроили засаду на железной дороге Лида-Барановичи. Они разобрали рельсы и залегли в снегу в ожидании поезда. Мерзнуть пришлось несколько часов. Наконец показался состав из семи вагонов. Машинист заметил, что путь разобран, и остановился.

Партизаны атаковали вагоны. Четыре немецких солдата были взяты в плен, двоих убили. Остальные спаслись бегством, бросив бывших в поезде немецких женщин и детей. Со стороны партизан никто не пострадал. Трофеи были впечатляющие: в вагонах нашли сорок мотоциклов, три автомобиля и уйму боеприпасов. Женщин и детей партизаны отпустили, а поезд подожгли.

Неделю спустя Сергей Васильев написал рапорт, в котором, по всей вероятности, преувеличил число погибших врагов, — в рапорте говорится, что во время операции был убит двадцать один немец. Правда, Зусь «перекрыл» этот результат, позже утверждая, что было убито пятьдесят немцев. Но, как бы там ни было, это был большой успех. Зуся и Панченкова представили к наградам.

28 января еврейские и русские партизаны провели еще одну совместную операцию. Ключевую роль в ней сыграли десять еврейских бойцов. Войдя в деревню Василевичи, они начали изображать пьяных — в руках у них были бутылки, к которым они то и дело прикладывались. Однако они были абсолютно трезвы — в бутылках была вода.

Как и ожидалось, один из крестьян поспешил в соседнюю деревню, где стояли немцы, и сообщил им о пьяных евреях. Тем временем более ста пятидесяти партизан окружили подходы к деревне. Ничего не подозревающие немцы и полицаи прибыли на нескольких машинах.

— Мы лежали на земле, — рассказывал Сергей Жигало, боец из отряда Панченкова. — Я увидел, что они приближаются, и свистнул.

Партизаны открыли огонь. Восемь немцев и двадцать два

полицая были убиты. Четверых полицейских удалось захватить в плен. Правда, и партизаны потеряли четверых убитыми, и еще трое были ранены.

Среди убитых немцев был лейтенант Курт Фидлер, командир немецкого гарнизона. «Он был не человек, а зверь, — писал Виктор. — Его боялись даже полицейские».

Зусь стащил с Фидлера форму.

— Она сидела на мне как влитая, — позже рассказывал он. — Я закончил в этой форме войну.

Сотрудничество между еврейской группой и ее советскими соратниками не всегда было настолько успешным. Русские постоянно распространяли небылицы о евреях, якобы копящих золото и другие ценности, и бойцам Бельских приходилось отвечать на эти оскорбления. Отношения со многими русскими были столь плохими, что порой грозили вооруженным противостоянием.

Но еще хуже относились к евреям польские партизаны, которых с конца 1943 года становилось все больше. Бойцы Армии Крайовой (АК) были злейшими врагами еврейского народа. Генерал Бор-Комаровский, командующий АК, 15 сентября 1943 года издал предписание, призывающее к тотальному уничтожению всех еврейских партизанских групп, которых он расценивал как бандитов.

Некоторые поляки в первые годы оккупации пытались сотрудничать с советскими партизанами. Но русские потребовали от них преданности товарищу Сталину и идеям коммунизма, и это привело к союзу между АК и немецкими оккупантами, которых поляки сочли за меньшее зло. Немцы предложили АК оружие, боеприпасы и медикаменты.

Появился у евреев и еще один серьезный враг. Это были казаки и их семьи, которые наводнили область осенью 1943 года, убежав со своей родины на Кавказе вместе с отступающими войсками вермахта. Во все времена казаки были известны как жестокие мучители евреев. Нацисты вознаградили их за преданность, позволив сформировать собственные полки, где они были вольны устанавливать свою систему управления. Сергей Павлов, пользовавшийся влиянием среди казачества, взялся строить школу, больницу и православную церковь, поскольку в Новогрудке и его окрестностях оказалось около двадцати пяти тысяч казаков. Несколько казачьих соединений, в тысячу человек каждое, вскоре присоединилось к борьбе против всех, кто противостоял немецким оккупантам.

Кроме этого немцы сколотили кавалерийский отряд, укомплектовав его своими белорусскими прихвостнями, под

командованием Бориса Рагулы.

Рагула, честолюбивый молодой человек двадцати трех лет, из семьи белорусских националистов, до начала немецкой оккупации был заключен в тюрьму советскими властями. В течение первого, самого кровавого года оккупации он работал переводчиком у окружного комиссара Вильгельма Трауба. А в конце лета 1943 года его пригласили в личную резиденцию Трауба и предложили сформировать отряд для борьбы с партизанами. Рагула согласился и уже через несколько недель командовал отрядом в 150 человек, экипированных в нацистскую форму, но со знаком национального белорусского флага в петличке.

Правда, были примеры и обратного рода: понимая, что немцы проигрывают войну, некоторые их пособники стали переходить на сторону партизан. Одним из них чуть не стал начальник полиции Новогрудка Владимир Пикта, уроженец деревни Большая Изва, который когда-то был близок с Бельскими. «Приводи двадцать-тридцать человек и присоединяйтесь к нам, — писал ему Зусь, — и все будет забыто». Пикта даже встречался с Зусем на нейтральной территории, но из этих переговоров так ничего и не вышло.

Переписка шла с двух сторон. Так, Виктор Панченков получил послание с обещанием амнистии всем его бойцам — при условии, что его отряд перейдет на сторону немцев. Ответ Панченкова был, по словам Зуся, сочинен знающим немецкий язык еврейским доктором — в нем фашистам были обещаны новые могилы.

Вскоре у Тувьи Бельского возникли новые проблемы. Угроза исходила от Исраэля Кесслера, чей отряд по-прежнему базировался отдельно, на некотором удалении от еврейского лагеря. Кесслер давно был яростным критиком братьев, но теперь он близко сошелся с советскими командирами и громко высказывал свое недовольство правлением Бельских. В конце концов Тувью вызвал Соколов, один из заместителей генерала Платона, и сказал, что есть сведения о недостойном поведении его бойцов.

Тут же выяснилось, что информация поступила от Кесслера.

— Почему бы вам не приехать в лагерь и не изучить вопрос на месте? — предложил ему Тувья.

Спустя несколько дней Соколов, которого Тувья описывает как «полную противоположность типичному русскому антисемиту», прибыл в еврейский лагерь. Здесь его ждал теплый прием, в завершении которого состоялся концерт, включающий

советские песни, народные танцы и забавную сценку по мотивам кинофильма Чарли Чаплина. Восьмилетняя девочка спела соло и произвела на русского командира огромное впечатление. Он пообещал отправить ее на самолете в Москву, чтобы она могла там учиться музыке, и свое обещание сдержал — девочку отправили с первым же самолетом, который прилетел с Большой земли за ранеными партизанами.

Потом Соколов встретился с Кесслером и его сторонниками, но они, видя, как тепло он общается с Тувьей, предпочли о своих претензиях не говорить. Соколов покинул базу, пораженный ее достижениями.

Вскоре, однако, Кесслер и его товарищи продолжили писать доносы на Тувью. Некоторые в лагере полагали, что Кесслер метит на его место.

Глава одиннадцатая
Январь 1944 — Июль 1944

«Когда я в первый раз увидел Тувью Бельского, на нем была кожаная куртка, а на шее висел автомат, — рассказывал Чарльз Бедзов, выходец из Лидского гетто. — Для меня он был величайший в мире герой. После ужасов гетто и всех убийств, когда наша жизнь висела на волоске и мы с минуты на минуту ждали, что явятся немцы и поведут нас на расстрел, это было просто невероятно. Это была свобода».

Шумная лесная деревня и в самом деле производила на евреев впечатление сказки. Одни уходили из городов и неделями скитались по лесу в поисках партизанского лагеря. Другие прежде были членами отдельных русских партизанских отрядов, откуда бежали, не стерпев притеснения со стороны своих «товарищей». Третьи оказывались в лагере по приказу советских властей — их переводили из других отрядов.

Все видели, как разорена войной окружающая местность: многие деревни были сожжены дотла, и разлагающиеся тела их жителей некому было похоронить. А в лагере люди жили в безопасности и даже хорошо питались. Вновь прибывшие плакали, не веря собственным глазам; слухи, которые до них доходили, истории, которые рассказывали им о еврейском царстве братьев Бельских, были правдой! Здесь не свистели кнуты нацистских карателей. Не надо было шептаться, затаив дыхание, моля Бога о том, чтобы тебя не услышали. Это не было сказкой. Это была реальность.

Это был оазис рая посреди ада, и Тувья Бельский на белом коне казался им Мессией, спасающим людей от зла. «Я полагаю, он был послан Богом, чтобы спасти евреев», — говорил Берл Хафец, тогда студент, после войны ставший раввином. «Он был не человек — он был ангел», — утверждал Ицхак Мендельсон.

Но со временем все меньше и меньше евреев приходило в лагерь. Последней была группа примерно в шестьдесят-семьдесят человек, которые сбежали в марте 1944 года из трудового лагеря Кольдечево, близ Барановичей.

Община продолжала развиваться. Суровая зима не помешала строительству — в лагере уже было около двадцати больших общих построек — в каждой жило около пятидесяти человек. По инициативе историка лагеря доктора Шмуэля Амаранта и его жены стали строить новые жилые помещения на более высоком,

более сухом месте — это были дома поменьше, рассчитанные всего на одну или несколько семей. В маленьком доме Амарантов были пеньки вместо стульев и просторное окно с видом на лес. Это был предмет зависти всего лагеря. Вскоре свои «дома мечты» стали строить и другие.

Жены и подруги бойцов готовили пищу на кострах возле своих домов и землянок. Котлы для приготовления пищи кузнецы ковали из кусков кровли, снятых с крыш заброшенных домов в деревне Налибоки. Основная кухня продолжала предоставлять пищу тем, у кого не было никаких других возможностей, но доля жителей, которые полагались на общую готовку, уменьшалась.

Обитатели лагеря обычно ложились спать в девять часов вечера. На ночь оставляли гореть лишь несколько костров, чтобы не дать замерзнуть часовым. Впрочем, той зимой часовые оставались без дела — враги при всем желании не смогли бы добраться до лагеря. «Снежный покров был, наверное, метра три глубиной, и мы находились в самой чаще леса», — вспоминал Меир Броницкий, беглец из трудового лагеря во Дв*о*рце, примкнувший к Бельским в апреле 1943 года.

Февраль выдался особенно морозным. К холоду добавилась еще одна напасть — сыпной тиф. Его переносили вши, от которых не удавалось избавиться. Вспышка сыпного тифа произошла после того, как группа советских партизан пожертвовала отряду Бельских кое-что из своих запасов одежды и еды. Больных было столько, что пришлось организовать специальный карантинный барак. Те, кто имел контакт с больными, подлежали вынужденной изоляции в течение двадцати одного дня. Не хватало медикаментов, и люди мрачно шутили, что у доктора Гирша только два диагноза: либо ты умрешь, либо будешь жить. Большинство заболевших выжило, но по меньшей мере один человек умер.

Несмотря на глубокий снег и эпидемию, отряд Бельских продолжал активно участвовать в общих партизанских операциях и работах. По приказу генерала Платона Тувья направил группу своих рабочих на строительство взлетно-посадочной полосы лесного аэродрома. Сам факт этого строительства демонстрировал, сколь уверенно чувствовали себя партизаны Платона — они совершенно не опасались, что фашисты предпримут на них новое наступление.

«Аэропорт» был обыкновенным участком посреди леса, очищенным от деревьев и кустарника. После того как строительство землянок было закончено, а взлетно-посадочная полоса выровнена, туда начали прилетать самолеты Красной армии. Маяками им служили огромные костры, разложенные по

периметру аэродрома. Число огней каждый раз менялось — чтобы предотвратить возможность немецкой диверсии. Самолеты доставляли крайне необходимое оружие и лекарства, а также бесполезные пропагандистские брошюры и даже песенники. Пилоты рассказывали о том, что происходит на фронтах, о победах Красной армии над силами вермахта.

В отряде была выделена боевая группа из десяти-одиннадцати человек во главе с Асаэлем Бельским, которая наносила удары по немецким позициям и транспортным средствам. Иногда она проводила на задании неделю, а то и больше. 4 февраля бойцы Бельского заминировали участок железной дороги Лида-Барановичи, недалеко от станции Яцуки. Около половины девятого вечера прогремел мощный взрыв, и железнодорожный состав, направлявшийся в Лиду, сошел с рельсов. Семь вагонов были полностью разрушены, еще четыре повреждены. Движение прервалось на пятнадцать часов. Партизаны обошлись без потерь.

Тувью все более беспокоила оппозиция Исраэля Кесслера. Да, отряд Тувьи насчитывал девятьсот человек, и угроза дестабилизации вроде бы рассеялась за последние месяцы, но постоянные обвинения Кесслера против Тувьи могли привести к нежелательным последствиям. Он опасался, что советское руководство отстранит его от командования отрядом или даже арестует, а там и до расстрела недалеко.

Кесслер заявлял, что клятвы Тувьи в верности советскому строю — не более чем хитрая уловка, и это, в сущности, было правдой. Но он говорил и то, что Тувья обыкновенный спекулянт, а это обвинение было абсурдно нелепым. При этом Кесслер усердно искал сообщников, недовольных политикой Тувьи.

Ситуация достигла точки кипения, когда Тувья узнал, что Кесслер покинул базу без разрешения, что было грубым нарушением устава — по злой иронии, тем же самым, что едва не стоило жизни Асаэлю. Соломон Волковысский высказал предположение, что Кесслер отправился на встречу с Соколовым, чтобы в очередной раз пожаловаться на Тувью.

Когда Кесслер возвратился в лагерь, ему и его жене было приказано явиться в штаб для объяснения своей отлучки. Кесслер показал справку от Соколова: там говорилось, что он был в штабе бригады по «служебным делам».

Тувья спросил у него:

— Кто дал вам разрешение покинуть лагерь и отправиться к Соколову?

— Я не вижу причин для объяснений, — ответил Кесслер. —

Я принес записку от Соколова. Этого достаточно.

Тувья ударил Кесслера по лицу рукояткой револьвера и разбил ему лицо в кровь. Кесслер и его жена Рохл Рифф были разоружены и посажены в тюремную землянку.

Вскоре вернулся с задания Асаэль.

— Теперь мы должны казнить его! — сказал он о Кесслере.

Тувья посоветовал ему набраться терпения. Тем временем Волковысский съездил в партизанский штаб, где ему показали письмо, подписанное Кесслером и его сторонниками, в котором утверждалось, что Бельские не проводят в жизнь линию партии и что они больше обеспокоены личным обогащением, нежели благополучием населения лагеря.

После возвращения Волковысского состоялось совещание отрядных командиров, на котором было решено казнить Исраэля Кесслера. Мужчины прошли к тюрьме и приказали построиться заключенным. Тувья потребовал, чтобы каждый из них объяснил, почему его заключили в тюрьму.

— Вы знаете, почему я нахожусь в тюрьме, — сказал Кесслер. — Это несправедливо.

Договорить ему не дали. Асаэль вытащил пистолет и застрелил его на месте. Его схватили за руки, чтобы он не застрелил также и жену Кесслера. Вслед за этим одного из союзников Кесслера, парикмахера, обвинили в пособничестве немцам и также расстреляли.

Тувья не сомневался в необходимости устранения людей, которые сеяли смуту в отряде. Позже он ни разу не выразил сомнения в правильности своих действий. И многие с ним соглашались. «Он был нарушителем спокойствия, — вспоминал Джек Каган о Кесслере. — Если бы он достиг своей цели и к власти пришел русский командир, возникли бы проблемы. Тувья понимал это. Мы все пережили русскую оккупацию, когда мы больше всего на свете боялись доносчиков. Вас могли посадить в тюрьму, а вы так никогда и не узнали бы, за что».

Сторонники Кесслера пришли в ярость. Правда, многие несогласные с Бельскими предпочли затаиться в опасении за свою жизнь. Вдова Кесслера Рохл Рифф всю жизнь называла братьев Бельских нелюдями. Но, какими бы бесчеловечными ни были их действия в отношении Кесслера, они предотвратили большую беду. Соломон Волковысский сумел так представить произошедшее Соколову, что никаких мер против Тувьи принято не было.

В течение февраля, марта и апреля еврейские бойцы из отряда Орджоникидзе наносили новые удары по врагам. 5 марта

они участвовали в совместной с русскими операции, во время которой было убито сорок семь поляков из АК. Позже в том же месяце, 22-го числа, в устроенную бойцами засаду попал фашистский конвой, и было уничтожено двенадцать немцев.

Случались потери и у партизан. Пятеро бойцов были убиты во время мартовских операций. Однажды вечером в апреле несколько членов отряда остановились на ночевку в доме польского крестьянина, и наутро один из евреев, Абрам Мовшович, был обнаружен мертвым — его, по всей видимости, убили стальной трубой. Русские офицеры провели расследование и пришли к выводу, что поляки ничего не знали о преступлении. Неудовлетворенный приговором Зусь сам допросил поляков в присутствии людей Васильева и добился признания: старик домовладелец сообщил, что Мовшовича убил его сын. Васильев немедленно приказал казнить хозяина, его сына и выявленного их сообщника. Приговор был приведен в исполнение 27 апреля.

По-прежнему верным помощником братьев Бельских оставался Константин Козловский, спасший более сотни евреев. Он укрывал их в своем доме, кормил, делился с ними одеждой. Этот святой человек никогда не рассказывал о своих благодеяниях и не искал никакой награды, хотя постоянно подвергал опасности себя и своих детей. Он продолжал помогать Бельским даже после того, как его брат Иван был убит за то, что помогал евреям.

В один из весенних дней 1944 года отряд местной полиции появился у дома Козловского. Его самого не оказалось дома, а старшие дети успели спрятаться. Полицейские ворвались в дом и начали крушить все, что попадалось им под руку. Дочь Константина Таисия (ей тогда было шесть лет) вспоминала, как они сломали обеденный стол, расколов его на две части. Затем полицейские направились к сенному сараю, чтобы проверить, не прячется ли кто-нибудь там. Таисия тем временем побежала к соседнему дому, где жили братья Константина — Михаил и Александр со своими семьями. Там же находился сын Константина — Константин-младший, в то время двадцатилетний юноша.

Полицейские последовали за ней и потребовали, чтобы молодой Константин сказал, где прячется отец. Когда он отказался отвечать, они бросили его лицом вниз на скамью и били шомполами, пока он не потерял сознание.

Таисия и ее двоюродные сестры в ужасе забились под кровать. Один из полицейских заметил их и спросил:

— Вы — еврейские дети?

— Они — наши дети, — ответил один из старших

Козловских. — Не трогай их.

— Это всего лишь дети, — сказал другой полицейский своему товарищу. — У тебя тоже есть малыши. Оставь их в покое.

Полицейский отпустил девочку и помог своему товарищу вытащить Константина-младшего из дома. Они бросили молодого человека на телегу и увезли с собой. Родственники думали, что юношу ждет смерть, но позже оказалось, что полицейские отвезли его подальше и оставили на обочине дороги. Целый месяц понадобился ему, чтобы оправиться от ран.

После этого Козловский с детьми вынужден был уйти в лес.

17 апреля 1944 года Тувья доложил партизанскому руководству, что население его лагеря состоит из 941 человека, из которых 162 составляют вооруженные бойцы.

С теплом стали строить новые землянки. Постепенно расширялась деятельность пошивочных мастерских — теперь, благодаря парашютному шелку, здесь было вдоволь материала. На складе хватало зерна и картофеля. Стадо коров увеличилось до шестидесяти голов, число лошадей выросло до тридцати.

Никто в лагере не сидел без дела. Даже самые юные его обитатели старались хоть чем-то помочь взрослым. К примеру, Вилли Молл, тогда тринадцатилетний подросток, который сбежал из Лидского гетто на исходе сентября 1943 года, работал помощником плотника. И все, даже самые маленькие дети, хотели, чтобы их записали в солдаты. Четырехлетний сынишка Кармеля Шамира всякий раз, когда Тувья проходил мимо, отдавал ему честь.

Генерал Платон назначил комиссаром в отряд белоруса Ивана Шематовича, женатого на молодой еврейке. Тувья встретил это назначение настороженно, но потом обнаружил, что Шематовича больше интересовал самогон, чем правильная линии партии. Впрочем, при его появлении жители лагеря избегали откровенно высказывать свои национальные, политические и религиозные взгляды, а молитвы набожных членов общины совершались в тишине отдаленного кожевенного цеха.

Асаэль продолжал боевую деятельность и в течение трех апрельских дней нагнал на немцев большого страху. 27 апреля еврейские партизаны взорвали самодельными минами два автомобиля, уничтожив трех немцев и двух полицаев. На следующий день они пустили под откос поезд на железной дороге Лида-Барановичи, остановив движение на девять часов, а 29 апреля они подорвали грузовик, убив еще одного немца и двух полицаев.

Обитателям пущи один вид Асаэля внушал уверенность в

победе. Бойцы обожали его и готовы были пойти за ним на любое испытание.

1 мая население лагеря праздновало Первомай. Был прекрасный весенний день. После торжественного обеда все собрались на центральной площади, которая была украшена множеством красных флагов. Построились не только бойцы, но и все нестроевые жители лагеря — мужчины и женщины, молодые и старые, также вытянулись по стойке «смирно».

Командиры — Тувья, Асаэль, Лазарь Мальбин, Иван Шематович, Соломон Волковысский и Песах Фридберг — встали перед своими бойцами. Тувья произнес речь. Он сообщил, что Красная армия вытеснила немцев с Кавказа. Эта новость вызвала крики «ура» и долгие аплодисменты.

— Эта война скоро достигнет сердца немецкой земли, и там нацистский монстр будет, наконец, сокрушен, — сказал он. — Фронт приближается, и нас впереди ожидают трудные дни. Мы должны быть готовы к ним. Победа близка!

К концу мая дороги заполонили автоколонны отступающих немцев. До обитателей пущи доносился грохот отдаленных сражений, казавшийся лесным евреям прекрасной симфонией.

Тувье и его командирам приказали явиться в штаб. По прибытии на место они узнали, что из Москвы прибыла группа высокопоставленных офицеров во главе с генералом. Он так и не спешился, говорил с собравшимися, сидя в седле.

— Товарищи, — сказал генерал, — Советская армия окружила большое немецкое соединение около Минска. Мы уверены, что они попытаются ускользнуть из нашей ловушки небольшими группами и пробиться на запад через леса. Наша святая обязанность, товарищи, состоит в том, чтобы не дать им уйти! Я верю, что вы выполните эту задачу.

Партизанские силы были развернуты вдоль восточного края пущи. Они вырыли траншеи, замаскировали их и стали ждать. Наконец группа еврейских бойцов засекла приближающихся немцев. Бойцы тотчас открыли огонь. Немцы попадали на землю, не понимая, откуда стреляют.

Еврейские партизаны приказали оставшимся в живых немцам поднять руки вверх. Те начали просить о пощаде.

— Мы никогда не хотели этой войны! — сказал один из них.

Один из партизан, Ицхак Новог, после рассказывал, что в этот момент он вспомнил, как евреи умоляли сохранить им жизнь, когда их волокли в траншеи смерти. Но мстить партизаны не стали. Солдат просто взяли в плен.

Впрочем, этим солдатам повезло — большинство их товарищей были убиты на месте. Партизаны были безжалостны к

немцам, и местность вблизи Налибокской пущи была усеяна тысячами мертвых тел немецких солдат.

Четверых немецких солдат взяли в плен неподалеку от лагеря Бельских. Их допросили в штабе, а затем вывели на центральную площадь. Вокруг них вмиг собралась разъяренная толпа.

— Смотрите на нас, мы — евреи! — закричал один человек. — Вы знаете, что вы нам сделали?

Дети плевали в них и кричали о своих мертвых родителях. Женщины били их по щекам и осыпали проклятиями. Восьмидесятилетний Шмул Пупко принялся бить их палкой. После каждого удара он кричал, что это удар за брата, за сестру, за ребенка… Трое немцев просили о пощаде, пытаясь убедить евреев, что они простые солдаты. Но четвертый прокричал, что евреи получили по заслугам… Избиение продолжалось почти два часа; потом немцев бросили в яму и изрешетили пулями.

Эта казнь выпустила наружу гнев, который долго копился. Словно что-то произошло с жителями лагеря. Покончив с четырьмя немцами, они напились самогона и отправились прочесывать лес в поисках немцев.

Однако следующим утром, 9 июля, около семи часов немцы появились сами. Отряд приблизительно из двухсот человек прорвался через партизанские позиции и вышел прямо к базе Бельских. Началась паника: сотни людей бросились в рассыпную. Это был самый настоящий хаос.

Грязные оборванные немцы вошли в лагерь, стреляя направо и налево и бросая гранаты в землянки. Но бесчинствовали они недолго. Заслышав стрельбу, на помощь прибыли русские партизаны, и немногие немцы смогли уйти живыми.

Во время этого боя погибло девять еврейских партизан, и среди них заместитель комиссара Танхум Гордон. Несколько десятков было ранено. Это был один из худших — и последних — дней существования отряда. Спустя всего несколько часов пришло известие, что немцы наголову разбиты и район занимают регулярные советские войска.

Многие помчались к соседней дороге, чтобы взглянуть на русских солдат. Евреи плакали от счастья: они и плакали, и смеялись одновременно. Многим казалось, что война закончена.

— Теперь вы можете идти домой! — закричал один из проходящих русских.

На следующее утро обитатели лагеря собрались на центральной площади. У каждого был маленький узелок с пожитками.

Община, основанная небольшой группой родственников, прячущихся в лесах около семейной мельницы Бельских, превратилась за это время в миниатюрный город с населением в тысячу евреев, пробравшихся сюда со всей Белоруссии и Польши. Им посчастливилось выжить. Больше двух лет евреи из отряда Бельских противостояли множеству напастей. Они бежали из лагерей смерти и смогли преодолеть трудности лесной жизни с завидной энергией и жизнестойкостью. Теперь им предстояло оставить место своего приюта в лесах — место, где они молились, работали, пели и любили.

10 июля 1944 года Тувья Бельский обратился с последней речью к своим людям.

— Мои дорогие братья и сестры, — сказал он. — Мы вместе пережили очень тяжелые времена. Мы испытывали голод и холод. Мы пребывали в постоянном страхе за свою жизнь. Но мы смогли выжить. Мы свидетели того, что сделали Гитлер и его убийцы. Мы будем свидетельствовать о разрушениях и убийствах, о страданиях, которые принесли нацисты еврейскому народу

После этого длинный караван отправился в Новогрудок. Евреи медленно шли к новой жизни. Замыкала колонну телега, доверху нагруженная всевозможным добром, — вопреки приказу брать с собой только личные вещи. Когда Тувья поинтересовался, почему нарушен приказ, владелец телеги вызывающе ответил:

— Теперь мы свободны, и ты больше мне не командир.

Кровь бросилась Тувье в лицо, он выхватил револьвер и пристрелил его.

«Так увенчались героические усилия, направленные на спасение еврейских жизней от нацистских тисков, — заметил Шмуэль Амарант, лесной историограф. — Лагерь закончил свое существование убийством еврея и рыданием его жены…»

К концу дня караван добрался до реки Неман, и люди впервые за три года войны искупались в проточной воде. В тот вечер они приготовили на костре рыбу, которую глушили гранатами.

На следующее утро они перешли Неман вброд (стариков и детей переправили на плотах) и, растянувшись вереницей более чем на километр, двинулись по дороге. Когда проходили через деревни, жители выбегали из домов и ошеломленно смотрели на огромную толпу евреев. «Как вам удалось выжить? — спрашивали они. — Вы что, с того света явились?»

До Новогрудка дошли на третий день и разбили временный лагерь на окраине города.

Бойцы Зуся в это время находились в Лиде, где им поручили поддерживать гражданский порядок.

На момент выхода из пущи под началом Тувьи, согласно его докладу командованию, был 991 человек. Кроме того, 149 человек входило в отряд имени Орджоникидзе, которым руководил Зусь. Правда, два года спустя Тувья говорил уже о 1230 евреях. В любом случае Бельским удалось осуществить самое масштабное мероприятие по спасению евреев за все годы Второй мировой войны.

Приблизительно одну треть бойцов из отряда имени Орджоникидзе призвали в Красную армию. Остальные вернулись к гражданской жизни. Но куда им было идти? У евреев не было домов, куда они могли бы вернуться. Единственное их жилье осталось в лесной чаще.

Почтив память погибших в братской могиле на окраине его родного города Дворец, Ицхак Новог отправился на рынок, где в толпе заметил человека, который спас его от смерти в самом начале оккупации. Новог поблагодарил его, а затем начал упрекать остальных за то, что они предпочли остаться в стороне, когда убивали евреев.

— Но я делился хлебом с рабочими из гетто, — возразил один сельский житель.

— А я давал им картофель, — сказал другой.

— Одному Богу известно, что вы делали в то время. Бог вам судья, — сказал Новог.

Рая Каплинская вернулась к своему дому, но внутрь ее не пустил часовой. Он велел ей уходить, но она не собиралась легко сдаваться.

— Я просто хочу взять что-нибудь на память о моей семье — фотографию или что-нибудь еще, — сказала она. — У меня ничего от них не осталось.

Услышав их спор, из дома вышел русский командир и спросил, в чем дело. Рая объяснила. Командир сказал, что в доме нет ничего из того, что принадлежало ее родным.

— Там абсолютно ничего нет, — заверил он. — Убедитесь сами.

Рая вошла в дом, где она выросла. Как и сказал ей командир, там было пусто. Лишь посередине комнаты стоял стол, принадлежавший еще ее дедушке. Рая разрыдалась.

— Я никак не могла успокоиться, — вспоминала она.

Сестра братьев Бельских Тайб, которая жила в лесу со своим мужем Абрамом Дзенсельским, отправилась в деревню, где в первую зиму оккупации оставила девятимесячную дочь Лолу. Теперь, спустя почти четыре года, девочка ничего не помнила ни о своих родителях, ни о своем еврейском происхождении. Она бойко говорила по-польски, посещала католическую церковь и

даже повторяла за взрослыми гадости о евреях.

В день, когда приехали Тайб и Абрам, девочка играла во дворе со своими друзьями. Ее польских приемных родителей не было дома. Тайб и Абрам попросили девочку сесть к ним в машину — якобы для того, чтобы показать им, как доехать до Новогрудка. Они были вынуждены похитить собственное дитя. Ей только нужно немного проехать с ними в машине, сказала Тайб, а за помощь она получит пакетик леденцов. Девочка села в машину, но, когда автомобиль тронулся с места, испугалась. Она стала плакать и просить, чтобы ее выпустили. В следующие недели она очень сильно тосковала о приёмных родителях. Всякий раз, когда раздавался звон церковных колоколов, она становилась на колени и молилась.

Дзенсельские были доведены до отчаяния. В конце концов они договорились с приёмной матерью-полькой, что она будет время от времени встречаться с Лолой. Это немного успокоило девочку. Но Тайб боялась, что поляки сбегут вместе с их дочерью. Поэтому Дзенсельские предпочли уехать, так и не попрощавшись с поляками, спасшими их дочь.

Много позже Лола выучила язык своих родителей и вернулась в лоно еврейства.

Глава двенадцатая
В Израиль и Америку

Казалось, для братьев Бельских страшные испытания войны закончились. Все они заняли посты в местном руководстве и вместе с женами, с которыми судьба соединила их в лесу, переехали на жительство в Лиду.

Тувью назначили ответственным за восстановление электричества в разрушенной Лиде. Зусю была поручена заготовка мяса и зерна, а Асаэлю — организация питания солдат, дислоцированных в области. Юный Аарон наконец пошел в школу.

Большинству из тех, кто занимал руководящие посты в отряде братьев, тоже достались серьезные должности. Лазарь Мальбин работал бухгалтером в Лиде, Песах Фридберг стал снабженцем в Новогрудке, Соломон Волковысский вернулся в Барановичи, где возобновил юридическую практику. Русские союзники Бельских также остались в тылу. Виктор Панченков занял партийный пост в Новогрудке. Он узнал, что в оккупации погибли его отец и двое братьев. Василий Чернышев, он же генерал Платон, стал первым секретарем райкома партии в Барановичах.

В сентябре Тувье и Зусю было приказано явиться в Минск, чтобы отчитаться о своей партизанской деятельности. Они отправились туда в сопровождении Лазаря Мальбина. Пятнадцатого сентября Тувья представил отчет, озаглавленный «История происхождения партизанского отряда имени Калинина, Лидского района, Барановичской области». В нем было описано, как отряд уничтожал сотрудничавших с нацистами осведомителей, спасал из гетто «советских граждан», создавал в лесу рабочие мастерские.

По оценке Тувьи, удалось спасти более шестидесяти детей. В мастерских работало двести человек. Двадцать процентов населения составляли женщины. Что касается боевых дел, то он описывал, как бойцы Бельских уничтожили тридцать четыре железнодорожных вагона и восемнадцать мостов. Был убит 261 вражеский солдат. При этом, как позже было подсчитано, погибло около пятидесяти членов еврейского отряда.

Кроме того, отряд имени Орджоникидзе под руководством Зуся осуществил тридцать три боевых рейда — самостоятельно и в сотрудничестве с другими партизанскими отрядами; в результате было убито 120 немцев. Еврейские партизаны

уничтожили два локомотива, двадцать три железнодорожных вагона, взорвали тридцать два телеграфных столба и четыре моста. Зусь представил свое досье, в котором отметил, что лично убил четырнадцать солдат и семнадцать полицаев и разоблачил тридцать три шпиона и провокатора.

И Тувья, и Зусь получили награды. Но в Лиду они возвратились с ощущением, что никакого будущего для евреев в Советском Союзе нет и не будет.

Приблизительно в то же время Асаэль удостоился иного рода чести от советского правительства — он получил повестку с призывом в ряды Красной армии. Поговаривали, что это мог устроить Сергей Васильев, которому не давало покоя то, что Асаэлю удалось избежать расстрела. Как бы там ни было, Асаэль понимал, что приказ есть приказ. Он сказал своей жене Хае, что не собирается бежать от призыва.

Повестка пришла вскоре после того, как Хая узнала о том, что беременна. Она поклялась Асаэлю, что будет ожидать его возвращения с войны.

Тувья, Зусь, их жены и Аарон тем временем все больше склонялись к тому, чтобы эмигрировать в Палестину. «Мы постоянно думали о Земле Обетованной, об Израиле», — говорил Зусь, который рассорился с советским руководством после того, как застал в своей комнате проводившийся в его отсутствие обыск. У Тувьи тоже начались проблемы. Однажды люди из НКВД разбудили его посреди ночи и потребовали документы. Тувья был уверен, что этот визит — прелюдия к аресту. К утру все было готово к побегу через границу. Когда Лилка последний раз затворила дверь их комнаты, там по-прежнему играло радио.

Морозным декабрьским утром они впятером сели на товарный поезд, идущий в Вильнюс, взяв с собой только те вещи, которые они могли унести с собой. По приезде в город Тувья разыскал одного знакомого, который устроил их на временной квартире и оформил документы для выезда в Польшу.

После остановки в Белостоке они прибыли в польский город Люблин, где встретились с несколькими членами своего бывшего отряда. Один из них сообщил, что поляки разыскивают Тувью. К счастью, долго задерживаться в Польше им не пришлось. Получив поддельные документы от подпольного еврейского агентства, которое обеспечивало эмиграцию в Палестину тем, кто выжил в Холокосте, они сели в поезд и вскоре оказались в Венгрии. В документах они значились теперь гражданами Греции.

Отвечая на расспросы советских чиновников, внимательно изучавших документы, Бельские цитировали на иврите строки из

Ветхого Завета, которые, как они надеялись, будут звучать для чужого уха как греческая речь. Но чиновники нашли грека и попросили, чтобы он перевел их слова. «Я не понимаю их, — сказал грек. — Я из Восточной Греции, а они из Западной». Чиновники подумали и разрешили Бельским продолжить путь.

В Венгрии Бельские обнаружили, что местное еврейское население относится к ним с недоверием. Несмотря на их беглый идиш, венгры хотели подтверждения, что они действительно евреи. Через неделю Бельские уже оказались в Бухаресте и поселились в лагере для тех, кто направлялся в Палестину; при этом Аарона отправили в Триест, в приют для несовершеннолетних беженцев.

Шесть месяцев спустя четверым Бельским разрешили въезд в Палестину. Переплыв на корабле через Средиземное море, они в октябре 1945 года прибыли в Хайфу. Судно вошло в порт вечером накануне шабата, и пассажирам не разрешили сойти на берег, пока не пройдет священный день. Вскоре в Палестину нелегально приехал Аарон.

Хая осталась в Лиде, беременная и одинокая, с ощущением, что она одна-одинешенька на всем белом свете. В первые месяцы после того, как Асаэль ушел на фронт, они часто писали друг другу. Она мечтала о том, как они переедут в Израиль; он отвечал, что ему по большому счету не важно, где они обоснуются.

Потом письма перестали приходить. Обезумев от беспокойства, Хая делала все, что только могла, чтобы узнать о муже.

— Я пошла к одному офицеру, чтобы спросить, что случилось с моим мужем, — вспоминала она. — А он вытащил бумагу, в которой говорилось, что Асаэль погиб седьмого февраля в Мариенбурге. Я даже не помню, что случилось потом. Не помню, как я вернулась домой.

Асаэль участвовал во взятии Кенигсберга, древнего города в Восточной Пруссии. Его часть преследовала отступающих немцев — в районе Мариенбурга завязались особенно тяжелые бои. В одном из них Асаэль был убит; его похоронили на военном кладбище вместе с тысячами других солдат.

Хая собрала свои пожитки и переехала из Лиды в Новогрудок, где у нее оставались родственники. 7 апреля 1945 года она родила девочку, которую назвала Асаэлой в честь отца.

Несколько месяцев спустя Хая вместе с ребенком отправилась в Палестину через всю разоренную войной Европу. Она с ребенком была вынуждена прятаться среди свиней в товарном

вагоне. Всякий раз, когда полиция проверяла безбилетников, Хая толкала ногами свиней, заставляя их визжать, чтобы заглушить плач маленькой Асаэлы.

Тувья, Зусь и их жены страстно желали участвовать в еврейском возрождении. Они изо всех сил пытались утвердиться на Земле Обетованной. После ряда переездов они обосновались в Холоне[3], где вместе поселились в маленьком домике.

Первым делом братья наняли профессионального автора, который описал их военные походы. Тоненькая книга, написанная на иврите, привлекла внимание Моше Шартока, одного из борцов за учреждение еврейского государства. Он прочитал ее, когда сидел в тюрьме летом и осенью 1946 года. Сразу после своего освобождения он разыскал Бельских, пообещал помочь им и не обманул. С его помощью Тувья открыл небольшую бакалейную лавочку. У него началась спокойная размеренная жизнь.

Зусь купил фургон и возил товары между Иерусалимом и Тель-Авивом. Вскоре семьи братьев, в каждой из которых было теперь по одному ребенку, стали жить в отдельных квартирах в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива.

По мере эскалации насилия в Палестине Тувья и Зусь все больше втягивались в борьбу с арабами. Когда же арабские страны вторглись в Государство Израиль вскоре после его создания в мае 1948 года, Тувья, Зусь и Аарон, теперь восемнадцатилетний юноша, поступили добровольцами на военную службу. Каждый из них пережил то, что могло соперничать с тяготами Второй мировой войны. Тувью даже объявили без вести пропавшим, однако спустя несколько дней после этого он вернулся в свою часть целым и невредимым.

После войны Шарток (который сменил фамилию на Шарет) был назначен министром иностранных дел в правительстве Израиля. Он не забыл про братьев и продолжал им покровительствовать. У Тувьи дела шли плохо, и он попросил Шарета устроить ему лицензию (это было непросто) на право управления такси. Бизнес Зуся по развозу продуктов развивался настолько хорошо, что он купил себе дом, однако и ему захотелось стать таксистом. Оба получили новенькие «Де Сото»[4] от своего старшего брата Велвла (теперь он звался Уолтером), который эмигрировал в Америку еще до начала войны.

Как и во всех предыдущих начинаниях, Зусь снова оказался лучшим предпринимателем, чем Тувья. «Сколько раз мой муж подвозил людей бесплатно! — вспоминала Лилка. — А потом у него не было денег на то, чтобы накормить свою собственную семью».

Тувья изо всех сил пытался свести концы с концами, но к началу 50-х у него начались проблемы со здоровьем — врачи обнаружили язву желудка. «У меня болел желудок, и болел каждый нерв», — говорил он. В 1955 году он один отправился в Соединенные Штаты, чтобы получить там медицинскую помощь, которая еще не была доступна в молодом Государстве Израиль. В следующем году за ним в Нью-Йорк последовали его жена и дети, а затем там же оказался и Зусь с женой и детьми. Братья Бельские поселились в Бруклине, всего в нескольких кварталах друг от друга.

Послевоенный путь партизан из отряда Бельских сложился похоже. Немногие остались в Советском Союзе, большинство отправилось в Израиль, Соединенные Штаты или Западную Европу. Многие провели не один год в лагерях для перемещенных лиц в Германии или Италии, прежде чем обрели постоянные пристанища.

Песах Фридберг и его жена приехали в Нью-Йорк, где Песах, теперь ставший Полом, открыл закусочную на Манхэттене. Лазарь Мальбин прибыл в Израиль и обосновался в пустыне Негев, где он много лет проработал на строительстве дорог. Он так и не женился и остался одиноким. Адвокат Соломон Волковысский поселился в Бруклине, где нашел себе жену и стал финансистом в организации, которая обеспечивала помощь Израилю. Шмуэль Амарант, летописец лагеря, оказался в Израиле после того, как отсидел в советской тюрьме за то, что помогал выжившим в войне евреям бежать из страны. Тюремщики конфисковали шестьдесят пять тетрадей, содержащих материалы, которые он собрал во время жизни в лесу, так они и пропали…

Хая Бельская уехала в Израиль и там вышла замуж. Маленькая Асси до семи лет не знала о том, кто ее настоящий отец. Мать рассказала ей всю правду, когда они сидели на пристани в Хайфе. Но девочка долго не могла избавиться от чувства, что ее отец все еще жив.

Обосновавшись в новом мире, большинство оставшихся в живых видели свою главную задачу в обеспечении своих семей; некоторым из них удалось добиться успеха в бизнесе, начав буквально с нуля. Между собой они встречались редко — на праздниках по случаю совершеннолетия детей или на их свадьбах. Эти торжества особенно умиляли Тувью, которого вид взрослеющих детей партизан трогал до слез. Он вообще стал сентиментален — слезы выступали на его глазах по самому малейшему поводу.

В середине 1960-х несколько человек из группы Бельских

поехали в Германию, чтобы дать показания против Леопольда Виндиша и Рудольфа Вернера, двух нацистов, которые исполняли ключевые роли в массовом убийстве в мае 1942 года в Лидской области. Уловки адвокатов привели к тому, что Вернер был признан неспособным к участию в процессе по медицинским показаниям. Виндиша приговорили к пожизненному заключению. Вернер умер в 1971 году, Виндиш — в 1985-м. Предполагается, что их командир Герман Ганвег погиб в последние месяцы войны.

Никакого судебного разбирательства, даже столь неадекватного, не было проведено в отношении окружного комиссара Вильгельма Трауба и юденреферента Вильгельма Рейтера. Трауб умер в лагере военнопленных в Югославии в 1946 году. Судьба Рейтера неизвестна.

Подобно еврейским партизанам, русские партизаны также периодически встречались в послевоенные годы — обычно во время праздничных мероприятий, посвященных годовщинам Победы. На фотографиях можно видеть, как они гордо маршировали на парадах ветеранов, с иконостасом орденов и медалей на груди. Василий Чернышев и Федор Синичкин были удостоены званий Героев Советского Союза. Чернышев умер в 1969 году. В его честь в Барановичах названы техникум и улица. Синичкина не стало в 1962 году. Его имя носит одна из улиц в Слониме.

Сергей Васильев провел послевоенные годы, занимая должность директора завода. Виктор Панченков начальствовал по строительной части в Лиде. Он умер от рака в 1996 году.

Панченков оставался верным коммунистом даже после распада Советского Союза. В своей неопубликованной биографии он превозносил партию за то, что она обладала «организационным гением и настойчивостью» и имела «глубокую связь с людьми». Его жена Надежда, набожная христианка, не разделяла партийный энтузиазм мужа. После его смерти она приняла меры, чтобы убежденный атеист был предан земле как верующий православный. Вместо красный звезды, как того желал Панченков, она поставила на его могиле крест.

Константин Козловский после войны вернулся к своей работе и никогда не хвалился тем, что спас столько людей. Его младшая дочь Таисия Дорожкина ни разу не слышала, чтобы он произнес хоть слово об этом. Он скончался в 1982 году. Несколько лет спустя евреи из Новогрудской области, выжившие в Холокосте, предприняли попытку увековечить его имя. В 1994 году ему присвоили звание Праведника народов мира.

Когда в 1991 году Белоруссия провозгласила независимость, некоторые оставшиеся в живых Бельские совершили туда поездки,

в том числе и для того, чтобы побывать на могилах своих родственников.

Самый младший из братьев Аарон, который по прибытии в Соединенные Штаты изменил свое имя на Белл, отважился поехать в Станкевичи еще до развала Советского Союза. По приезде он обнаружил, что крошечная деревня его детства исчезла. «Будь на то моя воля, я бы хоть сейчас поселился на этой земле около озера в Станкевичах, — говорил он. — Но только если бы знать, что никто меня не тронет. Большинство крестьян возненавидели бы меня. Там ведь нет ни одного еврея. И все-таки это мой дом до конца моих дней».

В последние годы Тувья только и говорил что о возвращении в Израиль, где он мечтал быть похороненным. В Соединенных Штатах он работал водителем грузовика — простой, никому не известный эмигрант, колесящий по автострадам Нью-Йорка и его пригородов. Когда он скончался в 1987 году, в семье не было ни гроша. Тувью Бельского похоронили на еврейском кладбище в Лонг-Айленде, однако год спустя он был перезахоронен в Иерусалиме на кладбище Гар а-Менухот в присутствии почетного караула израильской армии.

Зусь, который в Соединенных Штатах именовал себя Александром, владел бензоколонкой в Бруклине. Позже он продал свой бизнес, чтобы основать компанию по грузоперевозкам. Он умер в 1995 году, вскоре после того, как дал интервью представителям Музея Холокоста в Соединенных Штатах. Восьмидесятидвухлетний старик с трудом улавливал суть задаваемых ему вопросов, но, когда его спросили, что он помнит о немцах, он ответил со свойственной ему прямотой: «Я помню, что они были ублюдками».

Эпилог

Трудно подсчитать, сколько людей сегодня живы благодаря мужеству братьев Бельских. Многие из двенадцати сотен человек, которые вышли из лесов летом 1944 года, с тех пор умерли. Но у них были дети, которые, в свою очередь, родили своих детей. Тысячи людей, проживающих нынче в Соединенных Штатах, Израиле, Великобритании, Франции, Германии, Австралии и России, обязаны своим существованием решению братьев защищать каждого еврея, который добрался до лесной лагерной стоянки.

Талмуд говорит: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

Смелое поведение братьев не принесло им при жизни признания, которое мы зачастую оказываем гораздо менее значительным людям. Это безмерно ранило Тувью, хотя он никогда не показывал вида. Он идеально подходил для того, чтобы вести доведенных до отчаяния людей через леса Белоруссии, но в западном мире ему недоставало умения правильно подать себя. Он не умел жонглировать громкими фразами, говорить гладкие речи. Всякий раз, когда он выступал перед американскими студентами на английском языке, которым так и не овладел столь же хорошо, как идишем, ивритом, польским и русским, он неизбежно разражался слезами. Зачастую он просто не мог продолжать.

За несколько месяцев до смерти, 6 декабря 1986 года, в нью-йоркском отеле «Хилтон» в его честь был устроен банкет, спонсируемый Туро Колледжем и несколькими оставшимися в живых «лесными» евреями. На видеозаписи видно, как он был растроган. Облаченный в смокинг, с розой на лацкане, он подошел, слегка ссутулившись, к трибуне. После того как распорядитель объявил его имя, шестьсот человек встали с мест и разразились бурными аплодисментами. Подняв правую руку, Тувья Бельский поприветствовал толпу — так монарх приветствует своей народ.

Оратор за оратором поднимались на трибуну, чтобы произнести хвалебные речи во славу почетного гостя, который нервно катал хлебные шарики по своей тарелке, трогал пальцами табличку со своей фамилией и курил сигарету за сигаретой. Он не мог удержаться от слез. Старый лев, наконец, получил малую толику тех почестей, которые заслужил.

В конце вечера он взял микрофон, чтобы сказать несколько слов. В лесу его эмоциональные речи часто служили людям единственным источником моральной поддержки. Но теперь он,

один из истинных героев Второй мировой войны, на ломаном английском просто поблагодарил собравшихся.

«Я очень счастлив этим вечером услышать вас всех, — сказал он, начав с того, что рад видеть потомков людей, которые вместе с ним пережили войну. — Сегодня я вижу вместе тех, кого я не видел двадцать, или тридцать лет, или больше. Слава Богу, они живы, они живут, и их семьи растут. Они становятся все больше и больше. Вот потрясающе красивая семья — мать, дочь и двое сыновей. Это четыре человека…»

Когда он поставил на место микрофон, несколько пожилых «лесных» евреев подошли, чтобы обнять его. Напряженное выражение, которое с начала банкета не покидало его лица, исчезло, и Тувья просиял. И в его улыбке была сила, обаяние и харизма лидера. Он смотрел на людей, и это был взгляд человека, не зря прожившего свою жизнь.

Благодарности

В работе над этой книгой мне помогало множество людей во всем мире.

Вдовы Тувьи, Асаэля и Зуся Бельских — Лилка, Хая и Соня, — не жалея своего времени, в течение многих часов терпеливо отвечали на мои вопросы. Они помогли мне организовать интервью с другими людьми, уцелевшими в лесу, и определить местонахождение документов и фотографий, касающихся военной деятельности их мужей. Это была исключительная честь — встретить их и услышать их истории. Я сожалею, что Лилка Бельская, которая умерла в сентябре 2001 года, не смогла дожить до публикации этой книги.

Аарон Белл (Бельский), единственный оставшийся в живых сын Давида и Бейлэ Бельских, был чрезвычайно терпелив и всегда готов обсудить любой аспект жизни в лесу, даже самые мрачные — события, приведшие к смерти его родителей. Моя работа значительно выиграла благодаря его рассказам.

Члены семьи Бельских, включая сыновей и дочерей Тувьи, Зуся, Асаэля, Аарона и Тайб, постоянно поддерживали мои усилия в расследовании жизни еврейского лагеря. Я считаю своим долгом особенно отметить вклад Асси Вайнштайн из Тель-Авива, дочери Хаи и Асаэля, — она перевела сотни вопросов, которые я послал по электронной почте ее матери; а также Майкла Бельского из Бонита-Спрингс, Флорида, старшего сына Лилки и Тувьи, который открыл личные архивы отца. Свой вклад в создание этой книги внес Цви Бельский, один из сыновей Зуся, и Роберт Бельский, младший сын Тувьи.

Я благодарен всем, кто, пережив Холокост, поделился со мной своими воспоминаниями: Кармеле Шамир, Моше и Песе Вейрах, Пинхасу Больдо, Любе Сегал, Эстель (Бельской) Херштал, Фриде Фейт, Лее Фридберг, Уилли Моллу, Айку Бернштайну, Берлу Шафецу, Меиру Броницки, Гитл Моррисон, Солу и Рут Лапидус, Майку Штолю, Лоле Клайн, Сулье Рубин, Игнатусу Фельдону, Эле Замошлик, Грегори Хазиду, Хаиму Басисту, Рае Кальманович, Перецу Шоршатому, Ицхаку Питлюку, Рэйчел Зюскинд, Ривке Бернштейн, Тамаре Кац, Мириам Степель, Гене Пински, Тамаре Амарант, Ицхаку и Гене Новог, Мюррею Кастену, Гарри Финкельштейну, Фэй Друк, Рае Кушнер, Чарльзу Бедзову, Лее Джонсон, Лее Котлер, Велле Голдфишер, Джеку Кагану, Энн Монка, Соне и Аарону Ошман, Михлу и Наоми Лейбовиц, Юде Левину, Есе Шор, Джуди Гинсберг, Александру Гарелику, Аркадию Тейфу, Льву Кравцу, Софии Залеской, Майклу

Трейстеру, Павлу Рубинчику и Любови Абрамович.

Джек Каган, выживший в Новогрудском гетто и в лагере Бельских в пуще, снабдил меня бесценным кладом документов и рассказов о войне, которые ему удалось собрать. Сам неутомимый исследователь, м-р Каган всегда был готов ответить на мои вопросы и выступить с конструктивными предложениями. Его содействие невозможно переоценить.

Тамара Вершицкая из Краеведческого музея в Новогрудке помогла мне во время моих путешествий по Белоруссии. Без ее содействия как переводчика, гида и исследователя качество моей работы в Белоруссии значительно проиграло бы. Много помогала мне ее дочь Ольга, которая также служила моим переводчиком. Помощь мне оказывали также Екатерина Нехай, Николай Пучило и Александр Царюк.

Переводчики Ила Ронен, Дафна Алгом и Асси Вайнштайн оказали неоценимую помощь во время проведения интервью с участниками событий военных лет, ныне проживающими в Израиле.

Чарльз Ронен, Дэвид Голдман, Ирэн Ньюхауз, Джуди Острофф-Голдштайн, Джеймс Лофлер, Тина Лансон, Рита Фальбел и Рана Самуэльс провели исключительную по сложности работу по переводу необходимых материалов с идиша, иврита, немецкого и русского языков на английский.

Барбара Серфоцо нашла много полезных документов в нацистских архивах в Германии. Джилл Берилл служила переписчиком в полном смысле этого слова, Сет Кауфман обеспечивал жизненно важную компьютерную поддержку, а Джеффри Куйубамба снабдил меня необходимыми для работы фотографиями и картами.

Д-р Лестер Экман из Торо Колледжа, давний друг Тувьи и Зуся Бельских и автор важных работ о еврейском Сопротивлении, всемерно помогал мне на всем протяжении этого проекта. В течение многих десятилетий он рассказывал историю партизан Бельских своим ученикам. Его верность памяти братьев служила для меня источником вдохновения.

Иного рода академическую помощь — по вопросам военной истории, оказал мне Леонид Смиловицкий из Тель-Авивского университета, Мартин Дин из Мемориального музея Холокоста в Соединенных Штатах, а также Дэвид Мельцер, бывший преподаватель истории в Белорусском государственном университете. Также огромное спасибо Джеррольду Шектеру, Заху Левину, Марку Стэйми, Джэнону Фишеру, Эндрю Пейджу, Джону Стэйми, Патрику Уэйверу, Фрэнку Флаэрти, Мириам Куперсток, Джону Дрисколлу, Джону Харту, Деннису Хифи,

Фрэнку Шаттуку и Алану Голдбергу.

Эта книга не была бы написана без поддержки Конни Розенблюм из «Нью-Йорк таймс», которая отредактировала мою статью о братьях Бельских для газеты в мае 2000 года, и без неустанной поддержки моего агента Мэри Эванс. Мой редактор в издательстве «Харпер и Коллинз» Дэн Конэуэй помог внести необходимые уточнения в уже законченный текст. Его энтузиазм по поводу проекта поддерживал меня более двух лет, которые потребовались для завершения работы.

Моя жена Лора была для меня постоянным источником любви и поддержки. Без нее ни одно из моих усилий ничего не стоило бы.

Иллюстрации

Тувья Бельский в годы войны.
Фото предоставлено Майклом Бельским

Зусь Бельский в форме, снятой с немецкого лейтенанта, которого он убил 28 января 1944 г.

Фото предоставлено Соней Бельской

Асаэль Бельский перед призывом в Красную Армию.
Фото предоставлено Хаей Бельской

Виктор Панченков, один из первых союзников братьев Бельских.

Фото предоставлено Новогрудским краеведческим музеем

Песах Фридберг был среди тех, кто первым совершил побег из Новогрудского гетто и присоединился к братьям Бельским.

Фото предоставлено Леей Фридберг

Лазарь Мальбин, бывший офицер польской армии, пользовался особым доверием Тувьи Бельского. Он был в его отряде начальником штаба.

Фото предоставлено Раей Кальманович

Василий Чернышев известный под партизанским псевдонимом генерал Платон. Для братьев Бельских он был «начальником всех лесов».

Фото предоставлено Архивом Республики Беларусь

Сергей Васильев — командир бригады, в которую входил отряд Бельских.

Фото предоставлено Новогрудским краеведческим музеем

На участке железной дороги Лида — Барановичи неподалеку от станции Яцуки братья Бельские неоднократно совершали диверсии.

Фото Петера Даффи

Партизаны отряда Бельских на месте строительства партизанского аэродрома в Налибокской пуще.

Фото предоставлено Соней Бельской

Ефим Гапаев, известный под партизанским именем Соколов, один из самых преданных помощников генерала Платона.

Фото предоставлено Архивом Республики Беларусь

Лилка и Тувья Бельские.
Фото предоставлено Майклом Бельским

Соня и Зусь Бельские.
Фото предоставлено Соней Бельской

Асаэль и Хая Бельские.
Фото предоставлено Хаей Бельской

Партизаны из отряда Бельских с портретом Асаэля Бельского после получения известия о его смерти. Снимок сделан в лагере для перемещенных лиц в Италии. Крайний слева вверху — Михаил Лейбович, крайний справа внизу(держит портрет) — Бенцион Гулькович.

Фото предоставлено Майклом Бельским

Соня Бельская. Бруклин, Нью-Йорк.
Фото Питера Даффи

Лилка Бельская. Бруклин, Нью-Йорк
Фото Джеймса Эстрина («Нью-Йорк Таймс»)

Хая Бельская. Хайфа.
Фото Питера Даффи

Аарон Белл в Кремлевском дворце съездов на вручении премии «Человек года» Федерация еврейских общин России. Слева актер Джордж Маккей, сыгравший в фильме «Вызов» роль юного партизана Аарона Бельского.

notes

Примечания

1

Мизрахи (*прим. верстальщика*).

2

Исх., 24, 7.

З

Холон — город в Израиле, пригород Тель-Авива.

4

Автомобиль, разные модификации которого выпускались американской фирмой «Крайслер» в 1928–1961 гг.